

Джордж Б. Шенкер

Год под знаком гориллы

Annotation

Известный американский ученый Джордж Шаллер почти два года провел в Восточной и Центральной Африке. Вместе с женой он наблюдал жизнь и поведение горилл. Эти обезьяны обитают в определенных географических зонах. Живому описанию этих зон, их природе, геологическому строению, рельефу посвящены многие страницы книги. Автор увлекательно рассказывает о различных африканских племенах, которые ему встретились во время путешествий.

-
- [Джордж Шаллер](#)
 - [Предисловие](#)
 - [В царстве горной гориллы](#)
 - [Недоступный лес](#)
 - [Отдых на равнинах](#)
 - [Гора Чабериму.](#)
 - [Среди горилл](#)

- [Дом в горах](#)
 - [День гориллы](#)
 - [«Кто я — сатир или человек?»](#)
 - [Вулканы](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Джордж Шаллер
Год под знаком гориллы

Предисловие

Случайно сделанные замечания и удача не играли важную роль в моей жизни. Обстоятельства, при которых я занялся изучением горилл, не были исключением из этого правила. В январе 1957 года я зашел в кабинет доктора Джона Т. Эмлена, профессора зоологии в Висконсинском университете: у меня был к нему какой-то вопрос. В то время я был одним из его аспирантов и занимался изучением поведения птиц.

Док откинулся на спинку стула и спросил меня полушутливо: «Хотели бы вы заняться изучением горилл?»

— Конечно! — вырвалось у меня.

Тогда доктор Эмлен сказал мне, что Гарольд Кулидж (Гарольд Джефферсон Кулидж (Harold Jefferson Coolidge) — один из знатоков горилл, пересмотревший в 1929 году систематику этих антропоидов на основе изучения коллекций их черепов, скелетов, чучел и других материалов в музеях США, Англии и других стран, включая Антропологический, Зоологический и Дарвиновский в Москве («Memoirs of the Museum of Comparative Zoology, Harvard College». Cambridge, U.S. A., vol. 50, N 4, p. 293–371), считает, что в состав вида горилл (*Gorilla gorilla*) входит два подвида: 1) береговая горилла (*G. g. gorilla*), или равнинная, и 2) горная (*G. g. beringei*). Такое подразделение более или менее общепринято и сейчас.), член Национальной Академии наук, намерен организовать экспедицию по изучению поведения горилл, живущих в природных условиях. Как я впоследствии узнал, Кулидж — один из тех немногих ученых, которые обладают также и выдающимися организаторскими способностями. Мысль об изучении горилл возникла у него в 1927 году, когда, будучи

членом Гарвардской Африканской экспедиции, он побывал в районе обитания этих обезьян в Центральной Африке. Не имея возможности самому заняться их изучением, он давно искал человека, который мог бы посвятить себя этому. Я отправился домой и в тот же вечер написал ему письмо.

Дорога из кабинета Висконсинского университета в леса Центральной Африки оказалась отнюдь не такой прямой и гладкой, как я надеялся. Нужно было написать и разослать множество писем, найти кого-то, кто согласился бы взять на себя ответственность за экспедицию, заручиться помощью иностранных организаций, а самое главное — раздобыть деньги. Но прежде всего следовало ознакомиться с литературой о существах, которых я собирался изучать. Горилла! Вероятно, ни одно животное не дразнило до такой степени воображение человека. Ее облик, похожий на человеческий, невероятная сила, приписываемая ей свирепость, трудный доступ к тем местам, где она обитает, — все это придавало животному какую-то особую таинственность, возбуждая интерес среди ученых и среди широкой публики.

Есть в гориллах нечто необыкновенное, побуждающее каждого, кто побывал в тех краях, где они живут, непременно описать свои встречи с ними. Я прочел буквально сотни книг, статей и газетных сообщений, штудировал научные доклады, просматривал учебники. Если бы знания измерялись числом прочитанных слов, мне осталось бы изучить очень немного. К сожалению, человек, серьезно занимающийся этим предметом, должен отбросить большинство появляющихся в печати сведений о поведении горилл в природных условиях. Многие из напечатанных материалов являются по своему характеру сенсационными, безответственными преувеличениями, мало соответствующими

действительности. Горилла обычно изображается таким свирепым, кровожадным животным, наделенным необычайно обширным ассортиментом человеческих и сверхчеловеческих качеств, и особенно — коварством. Другая, часто встречающаяся разновидность подобной литературы — это рассказы «неустрасимых охотников»; в них попадаются иногда полезные сведения, но так как эти охотники «изучают» животное, взяв его на мушку своего ружья, ценность их рассказов ограничена. Такие описания, как правило, иллюстрируются снимками гориллы с простреленной головой, приваленной к стволу дерева, а наш герой обычно сидит на корточках рядом с огромным трупом животного. Разумеется, следует упомянуть и категорию «безобидных путешественников», которые, вооруженные фотоаппаратами и сопровождаемые целой вереницей носильщиков, пересекают местность, населенную гориллами. Если путешественнику удастся найти гнездо гориллы и если он хоть один раз увидит мелькнувшее вдалеке животное, он уже становится специалистом по гориллам, пишет научную статью и даже книгу. А чтобы как-то компенсировать отсутствие настоящих знаний, такой «очевидец» включает в книгу рассказы африканцев, всякие слухи и сведения из старой литературы о гориллах, в том числе и самые сомнительные. Большое количество таких, малодостоверных, сведений о гориллах было напечатано и перепечатано столько раз, что благодаря многократным повторениям они приобрели некоторое подобие правды.

Начав изучение литературы, я еще не знал, что в ней правда, а что — ложь, но довольно скоро заметил, что если отбросить все обобщения, не основанные на фактах, и все субъективные толкования, то не остается почти никаких конкретных сведений. Конечно, встречались и исключения из этого правила. В одной

такой книге я ознакомился с историей открытия горилл, их систематикой и поведением, правда в самых общих чертах. Итак, думал я, вот существо, которое вместе с шимпанзе считается наиболее близким родственником человека, а мы ничего не знаем о его жизни в природных условиях. Как живут гориллы — небольшими семьями или большими стадами; сколько обычно бывает самцов и самок в каждой группе; что происходит, когда встречаются два стада; какое расстояние они покрывают за день; сколько времени детеныши зависят от своих матерей? Ответы на эти и многие другие важные вопросы не были известны еще и в 1957 году. В наши дни, когда человек более чем когда-либо интересуется своим происхождением и факторами, определяющими его поведение, он только приступает к изучению своих ближайших родственников и самого себя. Как сказал немецкий драматург Фридрих. Геббель: «Было бы лучше, если бы человек занимался побольше историей своей природы, а не своих деяний».

Береговая горилла, или горилла низменностей (*Gorilla gorilla gorilla*), водится в Западной Африке, от Южной Нигерии к югу, в Камеруне, Габоне, Рио Муни, почти до Конго. От побережья район распространения тянется в глубь континента на пятьсот миль до Убанги, правого притока реки Конго. Это обширная холмистая равнина, густо заросшая влажным тропическим лесом. До этого столетия только небольшое число европейцев смогло проникнуть в эти жаркие, влажные джунгли, и поэтому горилла, крупнейшая из человекообразных обезьян, последней из них стала известна науке.

В 470 году до нашей эры мореплаватель Ганнон отправился из Карфагена с большой экспедицией. Он вел шестьдесят пятидесяти весельных галер, груженных товарами и везущих будущих колонистов. У подножия гор Сьерра-Леоне колонистам встретились мохнатые лесные существа, которые, подвергшись

нападению, стали кидать в них камнями. Три таких животных, названных «гориллаи», были пойманы. Плиний рассказывает, что во время римского вторжения в Карфаген в 146 году до нашей эры две шкуры этих животных еще хранились там, в храме Астарты. Хотя это первый в истории случай употребления названия «горилла», но животные, о которых идет речь, вероятно, были павианами или шимпанзе.

В 1559 году англичанин Эндрю Баттель, искатель приключений, был взят в плен португальцами. Его послали в португальские колониальные войска в Западной Африке, и он провел несколько лет неподалеку от реки Майомбе. Там он видел две породы обезьян; описание их было опубликовано в малоизвестной книжке, озаглавленной «Purchas his Pilgrimes». Одна из описанных обезьян была понго, то есть, несомненно, горилла.

«Этот понго по всему своему сложению похож на человека; только он скорее великан, чем человек. Он очень высок, у него человеческое лицо, глубоко посаженные глаза, а на лбу длинные волосы. На лице и ушах его волосы не растут, на руках тоже. На теле много волос, только не очень густых, и цвета они серовато-коричневого. Он не отличается от человека, только ноги не похожи — нет на них икр... Спят они на деревьях и строят от дождя убежища».

Хотя Баттель и был первым европейцем, который узнал о существовании горилл, на его описание не обратили внимания. В 1774 году лорд Монбоддо (Джемс Бернетт Монбоддо (James Burnett Monboddoo, Lord). Его труд об источниках и путях развития речи (1774 г.) был переведен на немецкий язык и издан в Риге: Des Lord Monboddoo Werk von dem Ursprunge und Fortgange der Sprache. Obers.von E. A. Schmid. Mit einer Vorrede des Herrn Herder. Bde. 1-2456+462 S. Riga. 1784-1785.) получил письмо от одного капитана, который описывает

большую обезьяну, по всей вероятности гориллу: «Это необычайное и устрашающее порождение природы ходит выпрямившись, как человек; ростом оно во взрослом состоянии от семи до девяти футов (Фут равен 30,48 см ^[1], сложения плотного и изумительно сильно». В 1819 году Томас Боудич опубликовал книгу под названием «Поездка от замка Кейп Коуст до Ашанти», в которой он описывает нескольких обезьян из Габона, в том числе «инженю», которые обычно бывают пяти футов высоты и четырех — в плечах. Тремя годами позднее доктор Джордж Максвелл сообщает об огромной обезьяне, превосходящей шимпанзе по своим размерам. Однако честь настоящего открытия горилл принадлежит двум миссионерам — Вильсону и Сэвэджу. Когда Сэвэдж в 1848 году посетил Вильсона на реке Габон, он увидел в доме «череп, который, по словам туземцев, принадлежал обезьяноподобному животному необычайного размера, свирепости и привычек». В последующие месяцы Вильсон и Сэвэдж набрали несколько черепов и послали их выдающимся анатомам Джефрису Уаймену и Ричарду Оуэну. Кроме того, Сэвэдж дал описание образа жизни и привычек гориллы, послужившее образцом таких описаний на целое столетие вперед:

«Они крайне свирепы и имеют обыкновение нападать, а не убегать от человека, как шимпанзе. Говорят, что, когда впервые увидишь самца, он испускает ужасающий рез, который разносится далеко по лесу. Этот рев подобен звуку кх-ах, продолжительный и пронзительный... Самки и их потомство быстро прячутся, слышав этот крик; тогда самец в ярости идет навстречу врагу, раз за разом издавая свой страшный боевой клич. Охотник ждет его приближения, поднимая ружье; если

прицел его неточен, он позволяет животному схватиться за ствол и, пока животное тянет оружие себе в рот, стреляет. Если произойдет осечка, ствол будет разmozжен зубами животного и тогда встреча окажется для охотника роковой».

Не желая уступать автору этой истории, анатом Оуэн, отказавшись на время от науки ради легенд, написал в 1859 году:

«Негры, пробирающиеся сквозь сумрак тропических лесов, иногда вдруг замечают по внезапному исчезновению одного из своих товарищей, что вблизи них находится одна из этих ужасных обезьян. Бедняга успевает издать лишь краткий стон, когда его втаскивают на дерево, а через несколько минут на землю падает его труп — он задушен».

В 1856 году американский путешественник Поль дю Шайю приехал в Западную Африку. Он был первым белым человеком, которому удалось застрелить гориллу. В красочном и весьма преувеличенном описании, опубликованном в 1861 году в его знаменитой книге «Путешествия и приключения в Экваториальной Африке», Поль дю Шайю наделяет гориллу еще большей свирепостью, чем это делали его предшественники. Вот как путешественник описывает самый критический момент охоты на гориллу:

«Теперь он воистину казался мне каким-то кошмарным исчадием ада — чудовищное существо, получеловек, полузверь, — мы видели подобных ему на картинах старинных художников, изображающих подземное царство.

Он сделал несколько шагов вперед — остановился, снова издал отвратительный рев — еще продвинулся и наконец замер ярдах в шести от нас [2]. И тут, когда он опять заревел, яростно ударяя себя в грудь, мы выстрелили и убили его».

Своими рассказами дю Шайю познакомил с гориллой широкий круг читателей, однако подвергся жестокой критике со стороны ученых, которые сочли его описания вымыслом. Об этом приходится пожалеть, так как в общем дю Шайю был знающим и добросовестным наблюдателем. Говорят, что редактор вернул путешественнику первый вариант книги, считая, что материал изложен недостаточно живо. Несмотря на несколько преувеличенные описания, рассказ дю Шайю о гориллах оставался самым достоверным в течение целых ста лет.

Но даже и теперь образ жизни береговых горилл во многих отношениях остается неизученным. Их убивали охотники, ловили для зоопарков, путешественники делали о них случайные заметки, но только один ученый попытался изучать этих обезьян в течение сколько-нибудь продолжительного периода времени. В 1896 году Гарнер опубликовал книгу о своей поездке в Западную Африку. Он был, видимо, напуган рассказами о якобы свирепом нраве горилл и поэтому соорудил себе прямо в лесу железную клетку и сидел в ней день за днем в ожидании горилл. Как и следовало ожидать, успехи его были столь же ограничены, как и его свобода передвижения. В 1956 году гид Фред Мерфильд опубликовал наилучшее после книги дю Шайю описание охоты на горилл. Несколько ученых написали на эту тему краткие сообщения, но очень многое остается неясным. Береговая горилла все еще ждет своих исследователей.

На рубеже двух столетий внимание ученых привлекали не столько гориллы Западной Африки, сколько сородичи последних, обитающие на тысячу миль восточнее, в горных районах Восточного Конго и Западной Уганды. В этом районе горная долина Альбертина, словно гигантский ров, шириной около тридцати миль, тянется от верховьев Белого Нила до южной оконечности озера Танганьика. На дне долины лежит цепь больших озер. Если смотреть в направлении с севера на юг, это — озера Альберта, Эдуарда, Киву и Танганьика. Со дна этой долины поднимаются два изолированных друг от друга горных массива. Между озерами Альберта и Эдуарда высятся легендарные Лунные горы, или Рувензори (высота их 16 730 футов). К северу от озера Киву горная цепь из восьми вулканов Вирунга образует гигантскую плотину, пересекающую долину. И горы Рувензори, и вулканы Вирунга частично входят в Национальный Парк Альберта ^[3], занимающий площадь в восемь тысяч квадратных миль ^[4]. Вдоль большей части долины тянется хаотическое нагромождение гор, достигающих местами высоты в десять тысяч футов.

Именно в этом, красивом и мало изученном, районе первые путешественники по Центральной Африке слышали о живущей здесь огромной обезьяне. В ноябре 1861 года Спик и Грант путешествовали в северном направлении, неподалеку от Руанды и Бурунди. Они были первыми европейцами, проникшими сюда в поисках истоков Нила. Им рассказали о человекообразных чудовищах, «которые не умеют разговаривать с людьми» и живут в горах, в западной стороне.

В 1866 году Ливингстон прошел от Уджиджи, арабского центра работорговли, расположенной на берегах озера Танганьика, на запад, до Ньянгве,

городка, основанного арабами в верховьях реки Конго около 1860 года. По дороге ему приходилось видеть, как местные жители сражаются с животными, которых он называл гориллами, но которые несомненно были шимпанзе. Исследователь Стэнли в 1890 году предположил, что гориллы обитают в северо-восточном Конго. В 1898 году Е. Гроган прошел пешком от Кейптауна до Каира. Он был первым европейцем, который пересек континент таким образом. Во время охоты на слонов в районе вулканов Вирунга ему попался «скелет гигантской обезьяны».

В 1902 году капитан Оскар фон Беринге, немецкий офицер, совершил путешествие из Усумбуры (город на северной оконечности озера Танганьика) на север, через Руанда-Урунди, которая в то время была немецкой колонией. Главной целью его путешествия было внушить местным вождям и бельгийским пограничникам мысль о военном могуществе Германской империи. 17 октября 1902 года фон Беринге и некий доктор Ингланд пытались совершить восхождение на гору Сабинию, одну из вершин вулканов Вирунга. Разбив лагерь на узком гребне на высоте девяти тысяч трехсот футов, они заметили над лагерем несколько человекообразных обезьян:

«Из нашего лагеря мы увидели группу больших черных обезьян, которые пытались взобраться на самый высокий пик вулкана. Нам удалось застрелить двух обезьян, и они с шумом свалились в каньон, находившийся к северо-западу от нас. После пятичасовых усилий удалось втащить наверх одно из этих животных. Это была крупная человекообразная обезьяна, самец, примерно полутора метров роста, весивший около двухсот фунтов. Грудь у него была безволосая, кисти рук и ступни огромного размера. К сожалению, я не мог определить, к какому виду относится эта обезьяна. Шимпанзе такого размера еще

не встречались, а наличие горилл в районе озера еще не было установлено».

Это описание было погребено в скучнейшем отчете о путешествии фон Беринге, напечатанном в колониальной газете «Дойч Колониальблатт». Фон Беринге послал скелет одной из обезьян немецкому анатому П. Матчи, известному тем, что он «воссоздавал» виды и подвиды обезьян с большой лихостью, часто на основании одного только черепа. Он и тут остался верен себе, записав, что горилла, найденная фон Беринге, отличалась от западноафриканских горилл. Теперь это животное известно как восточная, или горная, горилла: подвид назван *Gorilla gorilla beringei* в честь того, кто ее открыл.

Горная горилла так похожа на береговую гориллу, что если в наличии имеется только одно животное, то даже антрополог затруднится определить, к какому виду оно относится. Анатом А. Шульц отметил тридцать четыре морфологических различия между этими двумя видами, но большинство этих различий незначительны. Например, у горной гориллы длиннее и гуще шерсть и более длинное нёбо, чем у береговой.

В самом начале нашей работы мы пришли к убеждению, что горная горилла более подходит для изучения, чем береговая. Чаще всего она живет в горах, где климат умеренный; считают, что это животное скоро исчезнет, и поэтому особенно важно собрать о нем возможно больше сведений, пока оно не вымерло. Кроме того, был известен ряд районов, удобных для проведения наблюдений, хотя точные границы области обитания горилл были еще не установлены. Поэтому мы обратили особое внимание на знакомство с литературой, посвященной горным гориллам.

Обычно после того как обнаруживается какое-нибудь новое, ранее неизвестное животное, первыми в местах его обитания появляются отряды музейных

сборщиков, старающихся добыть экземпляр покрупнее и получше. То же самое случилось и с горными гориллами. В промежутке между 1902 и 1925 годами только в районах вулканов Вирунга было добыто пятьдесят четыре гориллы, хотя этот небольшой район в сто пятьдесят квадратных миль считается последним пристанищем обезьян. Например, в 1921 году экспедиция, возглавляемая шведским принцем Вильгельмом, убила четырнадцать горилл. Американец Бэрбридж застрелил и поймал девять горилл между 1922 и 1925 годами. Карл Экли, известный натуралист и скульптор, застрелил в 1921 году пять горилл для Американского музея естественной истории. По счастью, на Экли его жертвы и великолепные горы, в которых они жили, произвели такое сильное впечатление, что он стал настойчиво просить бельгийское правительство выделить для этих животных постоянный заповедник, где они могли бы мирно существовать и быть объектом научной работы.

Национальный Парк Альберта был создан 21 апреля 1925 года, а 9 июля 1929 года его территория была еще расширена. После реорганизации в него стала входить вся цепь вулканов Вирунга.

Экли возвратился на вулканы в 1926 году, чтобы изучать горных горилл, а не убивать их. Он умер в самом начале экспедиции и был похоронен в заповеднике, который помог создать.

Г. Бингхэм (Сообщение Бингхэма о результатах его экспедиции было опубликовано в 1932 году: Bingham Harold C. Gorillas in a native habitat. Report of the joint expedition of 1929-1930 of Yale University and Carnegie Institution of Washington for psychobiological study of mountain Gorillas (*Gorilla beringei*) in Pare national Albert, Belgian Congo, Africa. Carnegie Institution of Washington, publication № 426 (august), p. 66, with ill.), ученый-психолог, приехал сюда в 1929 году. К

сожалению, у него не было навыков в полевой работе и количество полученных им сведений о самих животных весьма невелико. За это время Роберт Йеркс, известный специалист по поведению приматов, опубликовал великолепную книгу «Большие человекообразные обезьяны!», в которой собрал все имеющиеся сведения о гориллах и других высших обезьянах.

Меня поразило, как мало было тогда о них известно и как мало дополнительных сведений получили до 1957 года. Большинство встреч с гориллами были краткими, сводились к беглым впечатлениям: мелькнувшей неясной тени, треску ветвей, сломанных убегающим животным. Я начинал задавать себе вопрос: а возможно ли вообще изучение горилл? Изучение поведения требует долгих часов наблюдения над спокойными животными. Временами меня мучала мысль, что я принялся за дело, которое невозможно будет довести до конца.

И тут мы прослышали про Вальтера Баумгартеля. В 1955 году он купил маленький отель в Уганде, у подножия вулканов Вирунга, и очень заинтересовался гориллами, которые водились неподалеку от его гостиницы «Приют путешественников», надеясь использовать их как приманку для туристов. Но Баумгартель понимал также и потенциальную научную ценность этих обезьян. Он написал доктору Лики и доктору Дарту, крупнейшим в мире специалистам по приматам, и попросил их совета. Мисс Розали Осборн пыталась изучать горилл между октябрём 1956 года и январём 1957, а когда она уехала, мисс Джилл Донисторп, журналистка, продолжала наблюдения до сентября 1957 года. Я с нетерпением ждал их отчетов, но когда наконец получил их и прочел, то просто впал в уныние. В течение целого года эти наблюдательницы пытались проводить серьезное изучение горилл, а количество полученной ими конкретной информации о

поведении животных было ничтожно. В этих отчетах, как и раньше, даны описания гнезд, остатков пищи, найденных на тропах, рассказано, как ревут самцы при виде людей. Изредка попадались увлекательные, интересные отрывочные сведения о групповой общественной жизни горилл, однако это были именно лишь крупицы сведений, потому что животные, как правило, убегали при появлении наблюдателей. Мои беседы с учеными, побывавшими в местах обитания горилл, тоже вселяли мало надежд. Общее мнение сводилось к тому, что я принялся за дело крайне трудное; скорее всего безнадежное. К счастью, однажды вечером я излил все свои сомнения перед доктором Ч. Р. Карпентером. На свете нет человека, который бы знал приматов лучше, чем он. Он был пионером в проведении полевых наблюдений за ревунами в Панаме и гиббонами в Таиланде, и его работы классические в своей области.

«Я думаю, что горилл можно изучать, — сказал он. — Когда я поехал в Азию, чтобы наблюдать гиббонов, все говорили, что это невозможно. Но если Вы выработаете свои собственные методы и приемы, найдете подходящее место для работы, я уверен, Ваши труды увенчаются успехом». Его слова меня необычайно ободрили.

Репутация свирепых животных, которой пользуются гориллы, вызывала некоторую тревогу, особенно у моей жены, Кей. Я понимал, конечно, что рассказы охотников были сильно преувеличены для того, чтобы героизм, который они проявляли, очищая нашу Землю от этих чудовищ, ценился вдвойне. Солидные авторы утверждали, что горилла — застенчивое, робкое существо и безопасна, если ее не преследовать. Но факт оставался фактом: на Бингхэма и на некоторых других, хотя они и не охотились на горилл, нападали самцы, и приходилось прибегать к оружию. Даже Экли,

лучший друг горилл, закончил свое восхваление этих обезьян следующими словами: «Все же я считаю, что белый человек, который позволит горилле приблизиться к себе на десять футов и не выстрелит, — просто дурак...» А я не хотел брать с собой ни ружья, ни револьвера, считая, что оружие только повредит моей работе. За исключением редких случаев, ни одно животное не нападает без особой на то причины. Я лично считаю, что всегда надо сомневаться в серьезности нападения зверя и надо надеяться на то, что он просто хочет вас отпугнуть. Если же, в исключительном случае, животное действительно на вас кинулось, тут стрелять все равно уже поздно. Я убедился в этом, сталкиваясь на Аляске с медведями и другими животными, и считал, что то же правило применимо и к гориллам.

Кей была совсем не в восторге от этих идей. Наконец я пошел на компромисс, взяв с собой маленький стартовый пистолет, какие обычно употребляются для стрельбы холостыми патронами на спортивных соревнованиях по бегу. Поскольку мне так и не довелось пустить его в ход против горилл, я не знаю, насколько он был бы эффективен.

Бассейн реки Конго. Деревня из глинобитных хижин, окруженная плантациями бананов и

молодым лесом

После целого месяца обсуждений и совещаний был выработан окончательный план. Доктор Эмлен, которого мы называли Док, будет руководителем экспедиции, а я его помощником. Я был очень рад такому решению потому, что Док обладал большим опытом в изучении экологии и поведения млекопитающих и птиц, а кроме того, был превосходным учителем и прекрасным товарищем. Он и его жена Джинни должны были сопровождать экспедицию в течение шести месяцев, а затем вернуться в Висконсин. Моя жена Кей и я намеревались остаться еще на восемь месяцев, чтобы завершить работу. В общих чертах цель экспедиции была такова.

Изучить район распространения горных горилл, установить различные виды растительности, которые эти обезьяны наиболее часто употребляют в пищу по всему району обитания, выяснить сходство и различие в их привычках в еде, устройстве гнезд и других чертах поведения этих животных в разных районах; наконец, что очень важно, разыскать место, где можно изучать горилл. Этой части плана предполагалось посвятить первые шесть месяцев.

Интенсивно наблюдать в течение по крайней мере одного года за поведением какой-либо определенной популяции горилл.

Собрать сравнительные данные об обезьянах вообще и особенно о других человекообразных обезьянах, если представится случай.

В конце 1958 года Док и я получили сообщение о том, что мы можем выезжать. Я был вне себя от радости. Сознаюсь, что помимо горилл меня манила сама Африка. Будучи узником современных городов с их цементными каньонами и скрежетом машин, я хотя бы мысленно спасаюсь от них, рассматривая

географические карты и читая книги о путешествиях. Я представляю себя среди раскаленных песков Руб-эль-Хали или на ледниках Лунных гор. Я принес домой груды книг об Африке. Дело дошло до того, что Кей просто не хотела на них смотреть.

1 февраля 1959 года, два года спустя после того, как впервые зашел разговор о гориллах, мы выехали из Нью-Йорка. Цель настоящей книги — изложение в популярной форме результатов нашей экспедиции. Понятно, что большая часть книги посвящена гориллам, так как они были главной целью нашей поездки. Сначала я несколько сомневался — стоит ли прибавлять еще одну книгу о гориллах к уже написанным. Передо мной лежат недавно выпущенные книги, написанные охотником, траппером, владельцем гостиницы, журналистом. Сам я уже написал научную монографию «Горная горилла» (Здесь Шаллер ссылается на свою монографию о гориллах 1963 года: George B. Schaller. The Mountain Gorillas. Ecology and behavior. The University Chicago Press. Chicago, p. 431. (Обсуждение книги и отзывы на нее напечатаны в журнале «Current Anthropology», Chicago, vol. 6, 1965(N 3, June, p. 295-302.)), напечатанную в 1963 году издательством Чикагского университета. Но книги, которые я приобрел, содержат мало сведений об обычном поведении горилл, когда они ничем не встревожены, а моя научная работа является неким резюме, выводом из фактов. Гориллы в ней трактуются как объекты научного исследования, а не как личные знакомые, чьи поступки мы с женой обсуждали в конце каждого дня. В той, первой работе мне негде было рассказать об удовольствии, которое испытываешь, бродя по заросшим травой равнинам, по пустынным лесам, взбираясь на окутанные туманом горы.

Иначе говоря, эта книга — книга личных впечатлений о животных, о том, как они себя ведут, о

прогулках, которые я совершал, о красотах, которые я видел. Это не книга приключений в общепринятом смысле слова, Понятие «приключение» включает в себя всякие трудности и происшествия, которые обычно возникают в результате плохого планирования и небрежности. Мне думается, что наша экспедиция достигла тех результатов, которые нам были нужны, без особых трудностей и усилий.

Невозможно в нескольких словах отдать должное всей той помощи, которую экспедиция получила за два года. Многие лица, помогавшие нам, упомянуты на страницах этой книги; я хотел бы поблагодарить их всех вместе. Национальный Научный фонд финансировал нашу поездку, дополнительные суммы были получены от Нью-Йоркского Зоологического общества. Это общество под руководством доктора Фэйрфильда Осборна тоже было покровителем нашей экспедиции, умело и деловито ведя такие прозаические дела, как переписка и финансы.

В Африке нам посчастливилось быть под покровительством Института Парков и колледжа Макерере; оба этих учреждения предоставили нам жилье и дали ценные советы о количестве нужного оборудования. В основном же всеми достигнутыми результатами экспедиция обязана доктору Эм-лену. Вся программа экспедиции, начиная со сбора средств и кончая завершением работ, проходила под его умелым и опытным руководством. Он помог нам выработать методы работы в поле, а также собрал много информации и разрешил мне ею пользоваться. Я благодарю Дока за все то, чему он, прямо и косвенно, меня обучил за эти годы и в поле, и в лаборатории, и не только в научном плане, но и в чисто человеческом отношении.

Эта книга была написана в 1962-1963 годах, когда я работал при Научном Центре по углубленным

исследованиям поведения животных в Стенфордском университете в Калифорнии. Миссис Хилдэгарда Тейлхет помогла мне, отпечатав эту рукопись.

Приношу также благодарность Компании Хольт, Райнхарт и Уинстон за разрешением перепечатать строчки из «Дикой природы» Карла Сэндберга. Агентство Бен Рот дало мне разрешение перепечатать стихи «Кто я — сатир или человек?» (журнал «Панч», Лондон). К сожалению, я не мог установить, кто автор этих строк.

В царстве горной гориллы

Когда наконец достигаешь цели путешествия, месяцами занимавшей все твои помыслы, добираешься до мест, не похожих на что-либо ранее виденное, тебя охватывает особое чувство подъема.

Природа в Румангабо восхитительна. Все время, пока мы там были, нам ни разу не наскучило любоваться расстилающимся внизу пейзажем. По утрам воздух замечательно свеж, в листве блестит роса и ярко пылают цветы «огненного дерева». Легкий ветерок шелестит в зарослях слоновой травы, растущей повсюду, где ее не трогает мачете рабочих. С юго-восточной стороны в долине и на склонах холмов жмутся друг к другу группы хижин. Над их травяными крышами вьются дымки. Большая часть земли хорошо обработана. Плодородная вулканическая почва этой местности кормит один из самых густонаселенных районов Африки. Некоторые участки засажены бананами, на маленьких полях — бобы и сорго, кое-где разбросаны рощицы австралийских длиннолистных акаций. Эти деревья быстро подрастают, и их сажают специально для того, чтобы иметь топливо.

На полях женщины мотыжат землю, другие идут к деревенским колодцам, неся на головах большие глиняные кувшины. Мирная картина, очевидно не менявшаяся веками.

Конечно, цивилизация проникла и сюда, принеся с собой перемены и к лучшему и к худшему. По шоссе, которое проходит у подножия холма Румангабо, грохочут грузовики, а африканцы, одетые в потрепанные «армейские излишки», бредут на работу на кофейные плантации и на строительство дорог. Трудно представить себе, что до 1894 года ни один

европеец не проникал в этот район (если полагаться на память старейшего обитателя этой местности).

14 февраля мы приехали в Румангабо, где находилось Управление Национальным Парком Альберта. Было решено сделать Румангабо нашей главной базой на время, пока мы не подыщем подходящую местность, чтобы вести там наблюдения за гориллами.

Станция расположена на высоте более пяти тысяч футов над уровнем моря. Она состоит из нескольких строений, сгруппированных на вершине холма в стороне от главной дороги. Самое внушительное здание — это дом, в котором живет комендант Марк Мика и его семья. Мика — небольшой плотный человек. Он бывший пехотный офицер, как и многие другие сотрудники заповедников в Африке. Мы сидели в Просторной гостиной и разговаривали. Мика рассказывал о том, какие проблемы возникают перед ним в его работе в качестве управляющего пятью заповедниками в Конго и Руанда-Урунди, а я думал о том, как помогает ему в работе прежняя армейская служба. В одном только Национальном Парке Альберта служит двести пятьдесят африканцев. Это в основном работники охраны — сторожа, в чьи обязанности входит борьба с браконьерами, и проводники туристов. Дисциплина среди них военная. Въезжая в Румангабо, мы видели, как вооруженные копьями сторожа вытягиваются по команде «смирно» и щелкают голыми пятками. Эти служители носят защитного цвета шорты, курточки, а на головах темно-зеленые фески. Вид у них очень подтянутый, аккуратный. Днем группы сторожей маршируют в строю и поют. По утрам, после подъема, все делают зарядку.

В Румангабо кроме семьи Мика было еще два европейца, два молодых холостяка — Руссо и Букэрт. Руссо, прямой и тощий, как жердь, ведал работниками

охраны заповедника. Его контора и квартира были расположены на маленьком плацу, и мы слышали, как он подает свои команды. Букэрт ведал хозяйственной частью. Маленькая электростанция и гараж также находились на его попечении.

Здесь нет помещений для туристов, кроме двух домиков для приезжих, которые мы и заняли. В каждом из них была маленькая спальня, гостиная, примитивная кухня, оборудованная крошечной дровяной плитой и раковиной. Нам дали слугу Донати Ендонябо, веселого малого, работавшего в заповеднике уже много лет. Он убирал наши постели, мыл посуду и проводил уйму времени у печки, дуя в нее, чтобы разгорелись дрова.

За Румангабо, за деревеньками и полями виднеется цепь вулканов Вирунга. К юго-востоку, позади обширного леса, составляющего часть Парка Альберта, поднимается гора Нья-мураджира высотой всего около десяти тысяч футов, самая низкая из восьми вулканов. Ее мягкие очертания обманчивы, под ними скрывается яростный характер. Раз в несколько лет по откосам Ньямураджиры стекают в низины огненные реки лавы. Рядом, возвышаясь над своей соседкой на тысячу футов, стоит гора Ньярагонго с крутыми склонами и плоской вершиной, как бы срезанной гигантским ножом. Ньярагонго — один из немногих существующих на свете действующих вулканов, в кратере которого постоянно стоит озеро жидкой лавы. Вечером 17 мая 1894 года немецкий путешественник граф фон Гетцен, первый европеец, разбивший лагерь у подножия вулканов Вирунга, сидел в своей палатке. К нему с криком подбежал африканец: «Господин! Небо горит!» Взглянув на вершину горы Ньярагонго, фон Гетцен увидел зарево, стоящее над озером раскаленной лавы. Название горы означает «мать Гонго»; Гонго — имя одного из самых главных божеств этой местности. Бахунда, племя, живущее на склонах горы, верит, что

души умерших обитают в глубине горы и раздувают огонь. Когда же они сражаются между собой, земля дрожит, деревья падают, огненные воды изливаются с высоты и, остывая, превращаются в камни.

Распространение горных горилл в зависимости от типа растительности

1. Нахождение и приблизительное расположение отдельных популяций или концентраций горилл в местах их постоянного распространения 2. Места, где были замечены гориллы, находившиеся вне района их скопления 3. Главный район, где гориллы обитают постоянно, но более рассредоточено 4. Саванны 5. Горные леса 6. Экваториальные леса 7. Великий африканский разлом

Последнее извержение в этом районе произошло в августе 1958 года. Как-то вечером Руссо показал нам груды черной лавы у подножия горы Ньямураджира. Лава неожиданно вышла на поверхность земли прямо в лесу и прожгла в нем просеку. Руссо рассказал нам, как ходил смотреть новый вулкан, описал жар и языки пламени, вздымавшиеся высоко к небу. Слоны поспешно ушли из района извержения, но там остались различные грызуны, сновавшие в нескольких футах от расплавленной породы. Насекомые, привлеченные

светом среди ночи, гибли тысячами; летучие мыши гонялись за насекомыми, мелькая тут и там, под градом камней и пепла. Сейчас вулкан бездействовал. Руссо сказал нам с гордостью: «Сторожа назвали новый вулкан в честь меня — Кистимбаны. Это значит „тот, кто появляется внезапно“». Я подумал, что это подходящее имя не только для вулкана, но и для Руссо, манера которого неожиданно набрасываться на ленивых сторожей была нам уже известна.

Сотни, даже, пожалуй, тысячи, небольших выходов лавы, лавовых пробок испещряют землю вокруг вулканов Вирунга. Большинство таких выходов старые, многие густо заросли кустарником и травой, некоторые из них, лежащие на склонах, возделываются. Эта лава свидетельствует об яростном кипении огня под поверхностью земной коры. Несомненно, настанет день, когда деревни и городки в окрестностях вулканов Вирунга будут уничтожены потоками лавы, подобными тому, который недавно устремился на город Ручуру и остановился у самых его окраин.

Из всех вулканов взгляд наш чаще всего привлекала вершина горы Микено, которая вздымается в своем диком великолепии к югу от Румангабо. Высота ее 14 553 фута. Когда-то гора Микено была вулканом. С годами ее склоны подверглись эрозии, и сейчас сохранилась только центральная скалистая сердцевина. Обнаженная поверхность горы, глубоко изборозженная каньонами, придает ей своеобразный, величественный характер, которого лишены другие вулканы. Название «Микено» означает «голая». На ее вершине растительности почти нет. Огромный массив горы ежечасно меняет свой облик. Порой он выглядит суровым, порой тает в воздушной дымке и всегда волнует воображение.

Скрытый горой Микено вздымается к небу красивый конус горы Карисимби; высота ее 14 782 фута. Дальше к

востоку — гора Високе с плоской вершиной. В ясные дни мы могли видеть зубчатую вершину горы Сабинио и конус Мухавура. Гора Гахинга прячется между ними, ее не видно.

Мы потратили несколько дней на то, чтобы разобраться не только в названиях, но и в правописании названий гор. Например, вулканы Вирунга известны также под названиями Бирунга, Буфумбиро и Мфумбира. Слово «вирунга» происходит от слова «кирунга» — местное выражение, обозначающее «высокие изолированные горы, достигающие вершинами облаков». Некоторые из первых путешественников-исследователей приводили с собой носильщиков с побережья, называвших вулканы Буфумбиро — «горы, которые варят еду».

Европейские путешественники создали большую путаницу, потому что давали горам названия, не поняв хорошенько туземцев. Например, фон Беринге открыл гору Високе в 1899 году. Он не знал, что, когда у аборигенов спрашивают название горы, они обычно называют не самую гору, а местность, в которой она находится. Поэтому он записал слово «високе». На самом же деле гора называется Маго, а расположена она в районе Бисоко.

Перед приездом в Румангабо мы заказали у местного агента автомобиль «фольксваген Комби», и машина уже дожидалась нас. Два дня спустя мы выехали в Гому, ближайший городок, расположенный примерно в тридцати милях к югу. Там мы намеревались открыть счет в банке, зарегистрировать машину, закупить провизию и, что было очень важно, найти наш багаж, который должен был уже прибыть. Давно застывшие потоки лавы, покрытые кустарником, окаймляли дорогу с обеих сторон; среди кустов паслись стада коз. Тут и там виднелись деревни — группы травяных хижин. Спотыкаясь брели женщины, сгибаясь

в три погибели под тяжестью вязанок дров. Дорога была узкая, разбитая; группы дорожных рабочих долбили ломами глыбы лавы. Изгибаясь, дорога поднималась вверх, в седловину между горами Ньярагонго и Микено, а затем полого спускалась к озеру Киву и к городку Гома, лежащему на его северном берегу.

Озеро Киву — последнее большое озеро, обнаруженное в этом межгорье. Путешественник Спик услышал о нем в 1861 году и нарек его Рузизи, по названию реки, которая соединяет его с озером Танганьика. В 1871 году Стэнли тоже нанес это озеро на свою карту и дал ему имя Кивое; сам он его, однако, не видел. И только 3 июня 1894 года граф фон Гетцен увидел наконец голубые воды Киву. Хотя это озеро длиной в шестьдесят и шириной в тридцать миль, оно кажется каким-то уютным, потому что окружено крутыми берегами, поднимающимися прямо от уреза воды. На озере есть острова; его береговая линия изрезана тихими бухточками и заливами.

На языке суахили слово «гом» означает «барабан». Этот город — европейский центр района. На его главной улице, на протяжении около полумили, выстроились чистенькие магазины, окрашенные в светлые тона. Здесь же расположены гостиницы и банки, скобяные и продовольственные лавочки, булочные и кафе на открытом воздухе, в переулках находятся гаражи и склады. На окраинах городка живут африканцы. Почти все их дома сделаны из жести консервных банок. Маленькие африканочки бродят по улицам и продают помидоры и лук, калеки просят милостыню.

Сначала продавцы в магазинах обращались с нами равнодушно и даже грубо, как со всеми туристами; тогда мы сказали им, что приехали сюда надолго. Их обхождение немедленно улучшилось. Поскольку мы не

были туристами, нас немедленно стали считать миссионерами. На французском языке одно из значений слова «экспедиция» — «миссия». И я уверен, что, изъясняясь на нашем, далеком от совершенства французском языке, мы иной раз создавали впечатление, что приехали обращать горилл в христианскую веру.

Скоро мы поняли, что для получения каких-либо пропусков, различных регистрации и прочих административных решений надо сразу же добиваться разговора с главным начальством, минуя мелких чиновников.

Чиновники напускали на себя важный вид, но, не желая принимать каких-либо решений, пересылали нас из отдела в отдел, пока мы не возвращались туда же, откуда начинали. Тот факт, что мы американцы, нам отнюдь не помогал.

В Руанде, приблизительно в миле от Гомы, находится город Кисеньи. Кисеньи оказался прелестным курортным городком. Магазинов в нем почти не было — за покупками ездили в Гому. Вдоль главной улицы растут тенистые пальмы, многие дома и маленькие гостиницы, расположенные вдоль берега озера, завиты бугенвильей, осыпанной пурпуровыми цветами. Песчаный пляж и прохладная вода озера манят искупаться.

Гома и Кисеньи теперь уже курортные города, они совсем другие, чем в начале века, когда эта территория была спорной границей между германскими и бельгийскими владениями. Если одна держава устраивала здесь военный пост, другая немедленно делала то же самое, чтобы следить за ее деятельностью. В своей книге «От Рувензори до Конго» Уол-ластон дает такое описание этих городков в 1908 году:

«Вблизи места, откуда мы вышли к северному берегу озера, находился временный конголезский пост Нгома. Там, в жалких травяных хижинах, был расквартирован маленький гарнизон и при нем один бельгийский офицер.

...Милях в двух по берегу, в направлении северо-восточного угла озера, был немецкий пост Киссеньис. Немцы обосновались на прекрасной плодородной земле, которую они расчистили и возделали, проложили там дороги и посадили деревья. Кирпичный дом старшего офицера — это просто чудо — прочные, толстые стены и прохлада внутри».

Дорога, по которой мы выехали из Гомы на запад, шла вдоль отвесной стены ущелья мимо живописных застывших потоков лавы. Извержения вулканов в этой местности происходили в 1904, 1912, 1938, 1948, 1950, 1951, 1954, 1957 и 1958 годах; большинство извержений было вблизи откосов горы Ньямураджира. Сэр Альфред Шарп наблюдал, пожалуй, самое внушительное извержение в декабре 1912 года:

«Вся местность вдоль берега озера Кабино была засыпана черным пеплом, урожай погиб, банановые деревья повалены, хижины туземцев раздавлены или засыпаны; непрерывный ливень, который шел из черных туч над нашими головами, вызвал оползни, сносившие в озеро целые дома и участки возделанных полей... Все кругом было черно, не оставалось ни одного зеленого листочка, ни травинки. Мы находили множество птиц и мелких млекопитающих, убитых падающими камнями; некоторые камни были двух дюймов в диаметре. В ту ночь мы не спали и почувствовали несколько резких подземных толчков; часто налетал ураганный ветер и сверкала ужасающая молния; наши палатки почти сорвало ветром, а густо падавшие с неба в течение двух часов камни и пепел грозили совсем засыпать наш маленький лагерь. Из кратера вулкана раздавался

грохот — непрерывный, оглушающий рев, а вся местность в долине была освещена фонтаном огненной лавы и раскаленного вещества, вылетающими из кратера вверх на высоту в несколько тысяч футов... В северной части озера Киву вода стала горячей, и тысячи мертвых рыб плавали на его поверхности...

Погибли сотни жителей, главным образом потому, что они не хотели оставить свои деревушки и укрыться в другом месте... Можно составить себе некоторое понятие о силе этого извержения из того, что на пост Уаликали, расположенный в лесах Конго, в ста милях от вулкана, в течение двух дней непрерывно выпадал пепел, а шум извержения был слышен в Бени, на расстоянии ста сорока миль к северу» («Географический журнал», XVII, 1916).

Нам известен возраст многих из этих застывших потоков лавы, и я с интересом отмечал, с какой быстротой растительность покрывает бесплодные камни. В 1904 году поток лавы излился в озеро Киву, но вскоре первые поселенцы — лишайники — затянули камень мохнатым покровом. Вслед за ними укоренились папоротники — их споры проросли в навозе, оставленном проходившими слонами. Постепенно в трещинах и расщелинах накопились органические вещества и на них выросли различные травы. С годами поднялся густой кустарник, а теперь деревья, более чем в тридцать футов высотой, затеняют некогда оголенные участки лавы.

Андре Мейер, геолог, живущий в Гоме, провел большую работу по изучению вулканов. В ответ на наши расспросы он обрисовал нам в общих чертах геологическое прошлое этой местности. В далеком прошлом равнина была спокойной. По склонам гор росли леса, и река, лениво извиваясь, текла к северу. Но около полумиллиона лет тому назад здесь началась бурная вулканическая деятельность, во время которой

на поверхность долины поднялись два вулкана, горы Микено и Сабинио. Затем вулканическая деятельность на время несколько затихла, а потом возобновилась с новой силой, и в течение последних ста тысяч лет возникли горы Карисимби, Високе, Гахинга и Мухавура. Окончательный сдвиг земной коры произошел около двадцати тысяч лет тому назад. Он поднял на поверхность земли горы Ньярогонго и Ньямурадзира. По мере того как потоки лавы один за другим изливались в долину, они создали как бы плотину высотой в тысячу восемьсот футов и протяженностью в пятнадцать миль. Каждый поток лавы был примерно шестисот футов шириной. Буровые пробы, взятые из скважины глубиной до пятидесяти футов, показали наличие восьми различных слоев, свидетельствуя о том, что бесконечное число раскаленных потоков создало эту естественную плотину. Река, которая некогда текла в направлении озера Эдуарда, оказалась прегражденной. Постепенно речные воды скопились в долине и создали озеро Киву. Долина заполнялась водой в течение четырех тысяч лет. Древние морские раковины на откосах гор свидетельствуют о том, что уровень воды, пока она не нашла выхода на юг, в реку Рузизи, был почти на четыреста футов выше теперешнего уровня озера.

Мы жадно впитывали в себя свежие впечатления. Каждый день приносил нам какие-нибудь новые открытия и обогащал опытом. Док и я отправились за своим багажом в Букаву, столицу провинции Киву, расположенную на южном берегу озера. Мы посетили заповедник Альберта, чтобы посмотреть на стада слонов, антилоп, водяных козлов, антилоп топи и буйволов. Побывали мы и в Кампале, самом большом городе Уганды. Целью поездки были различные покупки, а также посещение доктора Голлоуэя из колледжа Макерере — одного из местных

организаторов нашей экспедиции. В порядке подготовки к предстоящим наблюдениям над гориллами Уганды мы проконсультировались у майора Бруса Кинлока, Джона Миллза и других сотрудников из Департамента заповедников Уганды. Ознакомившись с местностью и поговорив с людьми, заинтересованными в содействии нашим наблюдениям над гориллами, мы таким образом провели подготовку к предстоящим месяцам работы. Но мной овладевало нетерпение. Прошел уже месяц с тех пор, как мы выехали из Соединенных Штатов, а я еще не видел ни одной гориллы. К счастью, Док обладал более спокойным характером и по опыту своих прежних экспедиций в Африку и Центральную Америку знал, что до начала работ нужно заручиться чьей-то поддержкой.

Наше первое продолжительное посещение вулканов Вирунга было назначено на 6 марта. К сожалению, Институт Конголезских Заповедников в Брюсселе, единственная организация, имевшая право выдачи пропусков для посещения мест обитания горилл в районе вулканов, ограничил наше пребывание там одной неделей. Понятно, что мы были очень этим огорчены, но надежды все же не теряли. Нас весьма приободрил доктор Кэрри-Линдаль, шведский зоолог, который только что вернулся из поездки на вулканы. Он несколько раз встречал горилл, а однажды в течение получаса наблюдал целую группу этих животных.

В назначенное утро вместе с Руссо, который устроил эту поездку и должен был сопровождать нас, мы выехали в Кибумбу, деревню у подножия горы Микено, где нас уже ожидала толпа носильщиков. Джинни и Кей пришли нас проводить. Мы выгрузили из машины ящики, корзины, мешки и прочий багаж. Все было аккуратно увязано, и каждый тюк весил около тридцати фунтов. Носильщики, которых мы наняли за тридцать франков (шестьдесят центов) в день, толпились вокруг

нас, прикидывая вес поклажи, шумя и толкаясь. Вокруг, смеясь, бегали ребятишки, а трое парковых сторожей носились взад и вперед, распределяя что кому нести. Носильщики рвали высокую траву, растущую по обочинам дороги, скручивали ее жгутом и, свернув жгут в кольцо, клали на голову, под ношу. Наконец все тронулись в путь гуськом — шестнадцать носильщиков и три сторожа запозедника. Мы замыкали шествие.

Способ переноски грузов в Центральной Африке не переменялся со времен Стэнли. Я шел за вереницей носильщиков, глядя, как ловко балансируют они ношей на головах, пробираясь по узеньким тропинкам между полей маиса и бобов, и мне казалось, что я нахожусь в прошлом веке. Еще один обычай остался в наследство от первых путешественников — брать с собой в поход множество африканцев. Путешествуя по Аляске, я привык нести в своем рюкзаке запасов недели на две, а то и больше. Теперь я не понимал, зачем нам понадобилось шестнадцать носильщиков. Мое любопытство было удовлетворено позднее, когда «бой» Филипп, нанятый на все время похода, распаковал поклажу Руссо. В ней были: тяжелый матрац, простыни, складные столы и стулья, полное кухонное оборудование, включая фаянсовые миски, кувшины и тарелки, и, кроме того, огромная корзина, наполненная свежими фруктами и мясом. Все удобства, совсем как дома. Я вспомнил, что читал об экспедиции 1954 года в район вулканов. Ее целью являлось изучение горилл, и, хотя она продолжалась всего одну неделю, было нанято сто двадцать носильщиков. Разумеется, горилл никто и в глаза не видел. Шумная, смеющаяся орава людей нарушает лесную тишину и тем отпугивает животных. Однажды в гостях за ужином я неосторожно выразил удивление, зачем кому-то понадобилось брать с собой в трехдневный поход восемнадцать носильщиков.

— Узнаете зачем, — ответили мне с улыбкой. — Африка не Америка. Здесь никто не носит свою поклажу на себе.

Позднее на недельные или более короткие походы я брал с собой двух или трех человек. Один показывал дорогу, другие составляли ему компанию. Поклажу мы делили между собой поровну. Однако для походов к вулканам я всегда брал столько носильщиков, сколько было нужно, чтобы доставить оборудование в основной лагерь, а затем немедленно их отпускал, оставляя с собой только двоих.

Мы шли по лабиринту тропинок; со временем я их хорошо изучил. Путь наш вел через деревушку. Травяные хижинки напоминали стога сена, выстроенные в ряд. Детишки и козы бегали между амбарами, стоявшими напротив хижин; женщины сушили сорго на утреннем солнце, рассыпав его на плетенных из тростника циновках. Африканские белые трясогузки летали вокруг хижин; туземцы верят, что эти птицы приносят счастье в дом. Через полчаса мы достигли опушки леса. Носильщики остановились, переложили свои ноши, и мы вступили в обитель горилл.

Примерно с полмили лес был низкорослым. Тропинку окаймлял мимулопсис, древовидный кустарник с большими зазубренными листьями и раскидистыми ветвями. Там, где лес недавно вырублен, были заросли аканта с ярко-красными цветками и колючими листьями. Наши босые носильщики осторожно пробирались между ними. Над низким подлеском возвышались неубутонии, деревья с гладкими серыми стволами и широкими светло-зелеными листьями, которые отливали мерцающим серебром, как только их трогал ветерок. Весь кустарник вдоль тропинки был недавно срублен, и получилась просека шириной футов в пятнадцать. Я спросил Руссо,

зачем сделана эта ненужная вырубка в местности, где редко кто бывает и которая считается заповедной.

— Это все король Леопольд, — ответил он, пожав плечами. — Он намеревается совершить восхождение на гору Микено. Вот мы и облегчаем ему путь.

Характер местности резко изменился, когда мы вошли в зону бамбука — злака, растущего на плоскогорьях на высоте от восьми до десяти тысяч футов. Над нашими головами как бы сомкнулся навес, и мы шли по зеленому коридору. Лучи солнца играли между стволами. Если взглянуть наверх, то виднелась только полупрозрачная завеса бамбуковой листвы странного зеленого цвета — как будто смотришь вверх со дна моря, сквозь толщу воды. Наша дорога теперь превратилась в тропу, проложенную слонами и буйволами. Она вилась по краю каньона Каньямагуфа, разрезающего склон горы Микено. В местной легенде рассказывается, что в давно минувшие времена в этом месте произошла великая битва и тела убитых воинов были сброшены в пропасть, которую называли «Каньямагуфа» — «место, где кости». Теперь впереди нас шли служители заповедника и прокладывали путь быстрыми ударами мачете.

Я с восхищением наблюдал за ловкостью, с какой наши проворные носильщики, пригибаясь, ныряли под ветвями, перелезали через поваленные деревья, прыгали через слоновые следы и ни разу не уронили с головы своих тюков; при этом они все время перекликались.

Сначала тропа постепенно шла под уклон, но скоро спуск стал более крутым. Разговоры прекратились, мы пыхтели и отдувались, рубашки потемнели от пота. Спустя часа два мы добрались до Руэру, окруженной деревьями поляны на вершине холма. Здесь, примерно в полпути от цели нашего похода — седловины между горами Микено и Карисимби, носильщики обычно

устраивают привал. Люди переложили поудобнее свои тюки; одни разлеглись на траве и закурили сигареты, другие стали закусывать вареными бобами, а кое-кто отправился на обрыв — облегчиться.

От Руэру каньон Каньямагуфа сворачивает к северу. В ту же сторону вела и наша тропа. Стены каньона стали отвесными. Внизу, в нескольких стах футах, я увидел каменистое ложе ручья. Сколько столетий существовала эта дорога? Многие поколения буйволов проходили по краю каньона, взрывая землю своими острыми копытами. Первые путешественники в этих горах описали тот же путь, тот же каньон, ту же тропу, по которой мы сейчас шли. Шведский принц Вильгельм, Карл Экли, король Альберт, сэр Джулиан Гэксли — все они побывали здесь до нас.

Внезапно бамбуковые заросли кончились и мы вошли в рощу хагений. Она была похожа на прекрасный парк. Неожиданно открылся широкий обзор — деревья росли разбросанно, на некотором расстоянии друг от друга, а кустарника было мало. Слева, подобно гигантской крепости, возвышалась гора Микено, а справа покатыми округлыми уступами шла вверх, к самым облакам, гора Карисимби.

Со временем хагения стала моим любимым деревом. Высота его не более пятидесяти — шестидесяти футов; в нем нет холодного равнодушия, с которым лесные великаны вздымают свои гладкие стволы на сотни футов вверх. У хагений перистые листья, крона похожа на зонтик и сквозь негустую листву спускаются тонкие гроздья красноватых цветов. Ствол массивный, до восьми футов в диаметре, ветви отходят от него очень низко над землей, вначале растут горизонтально и только потом загибаются вверх. Охристо-желтая древесина хагении непрочна, встречается много дуплистых деревьев — убежищ для духов, населяющих этот лес. Кора на стволе слоистая, на ветвях лежат

мягкие подушки мха и свисают папоротники, а покрывающий ветви лишайник придает дереву сходство с добродушным неопрятным стариком.

Док и я были уже не в силах продолжать подъем. Болели ноги, и на высоте десяти тысяч футов началась одышка. Вдруг носильщики весело закричали. Тропа расширилась и вышла на поляну, на краю которой стоял домик. Мы добрались до Кабары — места отдыха. Я повалился в прохладную траву, а носильщики, бодрые, как ни в чем не бывало, после пятичасового перехода с грузом, стали надо мной смеяться.

Домик, построенный из грубо обтесанных досок и крытый железом, стоял уже лет двадцать пять. В нем были три просторные комнаты, а по бокам примыкали два сарая. Все это было вытянуто в одну линию — весьма неудачная планировка для горной хижины. Вскоре выяснилось, что дом невозможно натопить. В комнатах были два стола, три стула, две кровати и крохотная печь. Несколько растрепанных травяных матов покрывали стены одной из комнат. Три окна — по одному в каждой комнате — пропускали мало света, стекла были почти непрозрачные. Снаружи, по углам домика, стояли заржавевшие железные бочки для сбора дождевой воды с крыши.

В одном углу поляны была могила, частично затененная деревьями. На большом плоском камне простая надпись: «Карл Экли. 17 ноября 1926 года». Надгробный камень окружала низкая изгородь, сложенная из неровных кусков лавы. Жена Карла Экли возвратилась сюда в 1947 году и сложила эту изгородь, которая сейчас поросла желтыми цветами очетка.

Док и я стояли около могилы и размышляли о выпавшей нам судьбе — продолжать изучение горилл, не законченное Экли.

Когда смотришь через поляну, усеянную мелкими цветами, на массив леса и на вершину Карисимби над

ним, понимаешь, почему Экли считал это местечко прекраснейшим на земле. На другом конце поляны, футах в четырехстах, находился неглубокий пруд. Его вода была мутной, берега изрыты копытами буйволов. А вокруг нас — лес.

В ту ночь мне показалось, что едва я успел заснуть, как услышал тихий говор, доносившийся словно издалека. Я вылез из спального мешка и оделся, дрожа от холода. Небо было ясным, вокруг все безмолвствовало. В одном из сарайчиков, вокруг костра, лежали, завернувшись в куртки и одеяла, наши носильщики и служители заповедника. Воздух был свеж и прохладен, как на севере. Солнце, медленно поднимаясь за дальними холмами, позолотило деревья, трава заблестела от росы. Антилопа красный лесной дукер вышла из кустов в дальнем конце поляны. В лучах солнца ее шерсть стала медно-рыжей. Эта хрупкая антилопа, размером не больше сеттера, робко щипала траву, то и дело поглядывая на меня. Потом она несколькими большими прыжками скрылась в подлеске.

После завтрака Док и я решили, что нам лучше отправиться на поиски горилл поодиночке, а не вместе. Я стал взбираться на крутой склон Микено — прямо за домом, потом направился вдоль откоса в надежде найти свежие следы.

Репейник, крапива, дикий сельдерей и другие травы достигали добрых шести футов. Мои ноги спотыкались о невидимые корни, скользили по сочным травам; жгучая крапива стрекала лицо, оставляя красные полосы. Дукер выскочил у меня прямо из-под ног, издав резкий звук «пши-пши», и умчался, оставив за собой специфический сильный запах. Невольно, с бьющимся сердцем, я и сам отскочил назад.

Радостно бродить в одиночку по незнакомому лесу. Все ново, таинственно. Слух и зрение как-то особенно обострены. Я знал, что на этих склонах водятся

леопарды, а тропы буйволов пересекали всю местность. И те и другие животные пользуются дурной славой — от них можно ожидать чего угодно. Поэтому я был настороже. Любое животное подпускает к себе чужого на какое-то определенное расстояние, прежде чем оно обратится в бегство или начнет защищаться. Нужно знать повадки всех обитателей леса. Пока человек их не изучил, пока он незнаком со звуками, запахами и формами, окружающими его, он находится в некоторой опасности. Но опасность, если она понята, осознана, только увеличивает удовольствие, когда идешь по следам диких зверей.

Первыми признаками присутствия горилл были три найденных мною гнезда. Пригнутые к середине, к центру куста, ветви образовывали на земле нечто вроде примитивных настилов, на которых животные спали ночью. Однако сломанные растения завяли, а навоз по краям гнезда покрылся мелким красным грибком, указывающим на то, что ночлег был давно покинут. Находка меня обрадовала. Осмотрев гнезда, я пошел дальше. В этот день ни Доку, ни мне не повезло — мы не нашли ничего, кроме старых гнезд.

На следующее утро Руссо решил проинспектировать дом для привалов в Рукуми, находящийся примерно еще на тысячу футов выше, на склоне Карисимби. Мы присоединились к нему, и я взял с собой спальный мешок на случай, если надумаю там заночевать. В течение часа мы взбирались вверх сквозь заросли хагении. Потом деревья поредели, их сменил гиперикум, древовидный кустарник с мелкими ланцетовидными листьями и ярко-желтыми цветами. Местность вдруг стала совершенно ровной. Лес кончился, и мы оказались на краю огромного луга, над которым возвышалась вершина Карисимби, уходя ввысь на три тысячи футов. Темные стволы и ветви деревьев, разбросанных по лугу, четко рисовались на фоне

желтой травы. По маленьким цветам, похожим на колокольчик, покрывавшим ветви деревьев, я узнал вереск.

Это был не тот мелкий кустарник, который мы все знаем, а вересковое дерево, вышиной более тридцати футов.

Среди вереска встречались участки, заросшие дикой ежевикой, крупной и очень вкусной; мы ее ели, пока у нас не посинели пальцы и губы. Дом для привала стоял у подножия горы. Отсюда открывался великолепный вид на луг, на черные силуэты вересковых деревьев и дальше, на скалистую вершину Микено.

Меня манили склоны Карисимби; я чувствовал, что обязательно должен взобраться на ее вершину. Док отправился неподалеку, чтобы осмотреть самый удивительный лес, который нам когда-либо приходилось видеть. Крестовники, или гигантские сенецио, странные, узловатые деревья, словно выходцы из другого мира, росли разбросанно на открытых склонах горы на высоте тринадцати тысяч пятисот футов. В умеренных климатических зонах крестовники всего лишь незаметные сорняки, но здесь, в горах с прохладным и влажным климатом, они превращаются в двадцатифутовых великанов с толстыми стволами и соцветиями длиной более фута. Крупные, яйцевидные листья сенецио собраны в пучки на концах веток и блестят, словно лакированные. Единственными высокими растениями в этом странном лесу кроме сенецио были гигантские лобелии, состоящие из ствола, грозди узких листьев и початковидного соцветия из крохотных лиловатых цветков, устремленного вверх наподобие свечи.

Я продолжал свой путь в одиночку, брел, спотыкаясь, по тропинкам, протоптанным буйволами, все вверх, к вершине, которая теперь пряталась в облаках. После часа пути сенецио стали ниже и следы

буйволов уже попадались реже. Весь склон был покрыт африканской манжеткой, словно пружинистой циновкой, местами достигавшей почти фута толщины. На меня стала действовать высота. Тело казалось тяжелым. Пройдешь пятьдесят шагов, остановишься и переводишь дыхание. Снова пятьдесят шагов, и снова остановка — нужно отдышаться. Ноги путались в растительности, я спотыкался и чуть не падал. Наконец я лег, раскинув руки, прижался лицом к прохладной земле и лежал так, пока не почувствовал, что могу идти дальше. Потом стали встречаться выходы лавы и участки земли, лишенные растительности. Это значило, что я приближаюсь к вершине. Густые, влажные облака проплывали мимо меня, усиливая чувство одиночества.

Мне попался след буйвола — темная линия, которая извивалась и тянулась по земле куда-то вверх, исчезая в тумане. Что заставляло и человека, и животное стремиться к этим бесплодным высотам? Доктор Джеймз Чапин, посвятивший много лет изучению птиц Конго, нашел однажды скелет гамлиновской мартышки (Упоминание о найденном ранее доктором Джеймзом Чапином скелете гамлиновской мартышки на вершине Карисимби представляется маловероятным, так как обитает этот вид на крайнем западе Экваториальной Африки — в болотистых лесах Габона и побережья Конго. В настоящее время эти особые мартышки «с лицом совы» относятся к виду черно-зеленых мартышек (*Cercopithecus nigroviridis* Росоок 1907).) на вершине Карисимби, за много миль от ее родных лесов. А недавно я прочел интересную заметку о стае гиеновых собак, которую видели в ледниках Килиманджаро, на высоте почти в двадцать тысяч футов. Возможно, человек не единственное существо на этом свете, которое взбирается на гору только потому, что она перед ним стоит.

Спустя примерно два с половиной часа после выхода из Рукуми я уже находился на вершине горы. Здесь был небольшой кратер, стоял дождемер, а вокруг в беспорядке были разбросаны доски, пустые консервные банки и другой мусор, оставленный многочисленными экспедициями, восходившими на вершину начиная с 1903 года.

Я подождал минут двадцать в надежде, что рассеются облака. Но тут пошел град, и я поспешил вниз, по склону. Вспомнился несчастный случай, происшедший с геологом Кирштейном. Он совершал подъем в феврале 1907 года, когда его застигла метель. Носильщики, которые впервые в своей жизни попали в холод и снег, легли на землю и отказались идти дальше. «Мы должны умереть — такова воля богов», — стонали они. Двадцать человек погибло в эту метель, а сам Кирштейн, который пытался перетащить полузамерзших африканцев в укрытие, заболел воспалением легких и два дня лежал без сознания.

Многочисленные ущелья, словно спицы колеса, расходятся во все стороны от вершины Карисимби. Так как видимость не превышала пятидесяти футов, я ошибся и начал спускаться не по той тропе, по которой поднимался сюда. Пройдя довольно далеко, я проверил направление по компасу и увидел, что заблудился. Пробираясь по склону горы, я то и дело попадал в овраги. Камни были мокрые и скользкие, а заросли сенецио представляли собой беспорядочную массу хрупких стволов, с хрустом ломающихся под ногами. Я непрестанно падал на мокрый мох, покрывающий почву. Это был какой-то жуткий мир теней, полный причудливых форм и чудозищ, которые то возникали на мгновение, то снова исчезали. Вдруг из клубящегося тумана появился буйвол. Он стоял, черный и зловещий, слегка наклонив голову, показывая широкие изгибы своих рогов. Я замер, пока буйвол не исчез, беззвучно,

как призрак. Через некоторое время издалека донесся треск ломающихся ветвей.

Когда я наконец добрался до хижины, меня там ждал только один сторож заповедника, остальные вернулись в Кабару. Сняв с себя мокрую одежду, я завернулся в одеяло и так сидел у костра, пока не стемнело.

Следующие два дня мы продолжали поиски горилл. Попадались места, где животные недавно кормились. Доку раз показалось, что он услышал вдалеке крик гориллы. На третий день, бродя по каньону Каньямагуфа, я услышал звук, от которого невольно вздрогнул, словно меня ударило током: «пок-пок-пок» — это горилла била себя в грудь. Я пошел по краю каньона, увидел пересекавшую его звериную тропу и начал осторожно пробираться вдоль склона туда, где, по моему расчету, должно было находиться животное. Но мне и на этот раз не повезло. Позднее я узнал, что звук, который издает горилла, ударяя себя в грудь, имеет то же свойство, что и голос чревовещателя, — невозможно определить, с какого расстояния он доносится.

Когда мы с Доком пришли в каньон на следующее утро, нас приветствовал тот же звук. Очевидно, горилла нас заметила. Я влез на дерево, чтобы поглядеть поверх кустарника, закрывавшего обзор, а Док начал кружить по склону. Вдруг (как он мне потом рассказал) футах в сорока от него кусты зашевелились и послышалось тихое, удовлетворенное ворчание животных. Не замечая человека, гориллы приблизились на расстояние в тридцать футов. На несколько мгновений из зарослей показались две черные, косматые головы. Не зная, как ему поступить, Док поднял руки. Животные пронзительно закричали и скрылись. Вдвоем мы осмотрели место, где растительность была только что

смята и валялись объедки пищи горилл — дикий сельдерей и крапива.

Пока Док делал заметки в своей тетради, я пошел по следу. Затхлый, приторный запах горилл стоял в воздухе. Где-то впереди, невидимая, ревела горилла. Уууа... Уууа! Это был резкий, отрывистый не то крик, не то визг, который раскалывал тишину леса. От этого звука у меня встали дыбом волосы на затылке. Я сделал несколько шагов, остановился, прислушался и снова двинулся вперед. Было совершенно тихо, только жужжали насекомые. Далеко внизу, подо мной, по склонам, поднимались облака и вползали в ущелья. Снова раздался рев, но уже дальше. Я продолжал идти через гребень горы, то спускаясь, то поднимаясь, и наконец на расстоянии двухсот футов от себя увидел обезьян.

Взрослый самец — его легко можно было узнать по огромному размеру и серебристой шерсти на спине — сидел среди травы и лиан. Он внимательно посмотрел на меня и заревел. Около него был подросток лет четырех. Три самки, жирные, спокойные, с отвислыми грудями и длинными сосками, сидели на корточках неподалеку от самца. Еще одна самка расположилась в развилке дерева. За длинную шерсть на ее плечах цеплялся маленький детеныш. Несколько других животных бродили в густых зарослях. Я привык к невзрачному виду горилл в зоопарках с их потускневшим мехом, вытертым о цементные полы клеток. Меня поразила красота этих обезьян. Мех у них был не просто черный, — он лоснился и отливал в синеву, а черные морды блестели, как лакированные.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Особенно привлекал мое внимание большой самец. Он несколько раз поднимался на свои короткие, кривые ноги, вытягивался во весь рост (около шести футов), вздымал руки и, выбив быструю барабанную дробь на голой

груди, снова садился. Я никогда раньше не видел такого великолепного животного. Тяжелое надбровье нависало над его глазами, а гребень на макушке напоминал мохнатую митру. Когда он ревел, пасть разверзалась, как пещера, обнажая большие клыки, покрытые черным налетом.

Этот самец лежал на откосе, опираясь на огромные, косматые руки; мускулы на широких плечах и спине играли под серебристой шерстью. Он производил впечатление достоинства, сдержанной мощи и, казалось, был абсолютно уверен в своей великолепии. Мне очень хотелось как-то вступить с ним в общение, выразить ему каким-то движением, что я не замышляю зла, что мне просто хочется быть около него. Никогда еще при виде животных я не испытывал такого чувства. Мы смотрели друг на друга через лощину, и я невольно задавал себе вопрос: чувствует ли он, что нас связывает родство?

Через некоторое время самец стал реветь пореже, а остальные члены этой группы стали медленно разбредаться кто куда. Одни не спеша полезли на низкорослые деревья и начали поедать лианы, свисавшие с ветвей, другие развалились на земле — кто на спине, кто на боку, — изредка лениво протягивая руку, чтобы сорвать листок. Они все еще не спускали с меня глаз, но я был поражен их спокойствием.

— Джордж! — позвал Док. — Джордж!

Едва раздался его голос, гориллы поднялись мгновенно и беззвучно исчезли. Оказалось, что, услышав рев самца, за которым наступило продолжительное молчание, Док забеспокоился, не случилось ли чего со мной.

Мы с ним позавтракали галетами, сыром и шоколадом, прежде чем обследовали место, где находились гориллы. След их шел под углом через лощину на другой хребет. Там спустя два часа мы их

снова обнаружили. Самка сидела на холмике, около нее находился детеныш. Самец, который, как всегда, был настороже, увидев нас, заревел и начал ходить взад и вперед в обычной манере горилл, ступая на всю подошву ног и опираясь на согнутые пальцы рук. Когда он приблизился к самке, она поспешно отодвинулась, и он занял ее место. Как и раньше, животные сидели спокойно и, казалось, обращали на нас мало внимания. Самец, весивший, вероятно, около четырехсот фунтов (приблизительно 180 кг), расположился на холмике и глядел на горы и доли — настоящий владыка своей земли. Самка, нежно прижимая детеныша к груди, подошла к нему.

— Детеныш, наверно, только что родился, — шепнул я Доку. — Он еще мокрый. — Док кивнул головой в знак согласия.

Самка привалилась к боку самца. Ее косматые руки почти закрывали младенца, похожего на паучка. Он бесцельно сучил голыми ручками и ножками. Самец нагнулся и одной рукой стал ласкать малыша. В течение двух часов мы с восхищением наблюдали эту семейную сцену. Но до дома было далеко, и нам нехотя пришлось уйти от обезьян. По дороге мы заметили далеко на холме едва видную отсюда гориллу. Была ли это одиночка или животное из другой группы?

Мы бодро шагали вниз по склону. Хорошо бы, чтоб в нашем присутствии гориллы всегда были такими спокойными, как сегодня! Однако мы опасались, что они были так малоподвижны потому, что у них только что родился маленький, а может быть, и потому, что предстояло появление на свет еще потомства.

Тут наши мысли отвлеклись от обезьян. Прямо перед нами, около тропы, пересекающей каньон Каньямагуфа, засопел и зафыркал слон, а за ним другой. Мы остановились и прислушались, стараясь понять, с какой стороны беззвучно скользят сквозь

бамбуковые заросли серые тени. Это была моя первая встреча со слонами, и я так нервничал, что решил влезть на дерево. Подо мной с треском обламывались сухие ветки, и все это было бесполезно, так как после всех усилий я взобрался не выше слоновьей спины. Док знаками велел мне спуститься, и мы поспешно выбрались из каньона, надеясь, что никто более не преградит нам дорогу.

На следующее утро мы вернулись на тот горный хребет, где видели горилл. Животные спустились в долину и неторопливо там кормились. Мы сразу заметили, что горилл стало больше, чем было накануне, считали их, пересчитывали и сошлись на цифре 22. Здесь было четыре взрослых самца с серебристыми спинами, один молодой самец с черной спиной, восемь самок, три подростка, пять малышей и одна горилла среднего размера, чей пол мы не могли определить. Что это — объединились две группы в одну или же мы видели вчера лишь часть группы? Огромные самцы ревели и били себя в грудь, но, как и вчера, не слишком были обеспокоены нашим присутствием и отдыхали под сенью деревьев. Пока мы вели наблюдения, большинство из них улеглось спать. Одна самка сидела, держа на руках большого детеныша. К ней подобрался другой детеныш, маленький и лохматый, который отполз от своей матери. Самка прижала обоих детенышей к своей груди. Потом встал самец, направился к одной из сидящих самок, схватил ее за ногу, протащил фута три по склону и горделиво удалился. Замечательное чувство — сидеть неподалеку от этих животных и наблюдать их поведение. Сделать это не удавалось еще никому. Мы имели возможность видеть характерные и важные поступки горилл, но вместе с тем знали: потребуются долгие часы наблюдений, чтобы дать объяснения этим поступкам и предвидеть, что произойдет при той или иной ситуации.

Отдохнув часа три, животные разбрелись по холму и стали кормиться. Пробежал детеныш. Запихал себе в рот какие-то листья, потом выплюнул их обратно. Подросток лет четырех схватил обеими руками трехфутовое бревно. Он откусил кусок прогнившей коры и стал слизывать с древесины беловатую жидкость. Подошел другой подросток и, проведя по бревну пальцем, облизал его. Гориллы стали двигаться по склону, кормясь на ходу. Их движения были сдержанными, даже вялыми; только малыши вели себя оживленно. Один из них вдруг побежал, вскочил на спину другому, и оба покатались в заросли. Проведя с гориллами пять часов, мы вернулись домой.

На следующий день вместе со сторожем заповедника я пытался найти эту группу горилл, но безуспешно. Тут я понял, как много мне еще нужно узнать о жизни леса и о том, как выслеживать животных на больших расстояниях. В заповеднике не было инструкторов, а местные жители банту все были земледельцы. Они избегали леса, населенного дикими зверями и злыми духами. Мне предстояло, прежде чем серьезно приняться за изучение горилл, научиться читать и понимать их следы, старые они или новые, сколько в этом месте побывало животных, куда они ушли. Лес был огромный, горилл в нем немного, а я не мог в их поисках полагаться лишь на удачу, как делал это вначале.

И все же нам снова повезло. По пути домой, в том месте, где каньон Каньямагуфа круто сворачивает к верхним откосам горы Микено, мы обнаружили свежие следы. На следующий день, рано утром, Док и я не успели пройти и трехсот футов по этим следам, как впереди нас затрещали кусты. Из зарослей протянулась черная рука, оборвала с ветки гирлянду лианы и исчезла. Мы спрятались за ствол дерева и оттуда смотрели, как в ста футах от нас кормятся гориллы.

Вдруг самка с детенышем направилась к нашему дереву, а за ней крупный самец. Я толкнул Дока и тихонько взобрался на ветку. Животные меня не заметили. Самка остановилась футах в тридцати от нас и спокойно уселась на землю вместе с детенышем. Малыш посмотрел на меня, потом устался пристальнее и глядел секунд пятнадцать, не поднимая тревоги. Тут и самка случайно взглянула в мою сторону. Ее спокойный взор стал тревожным, она одной рукой подхватила детеныша и с пронзительным криком метнулась в заросли. Самец ответил ей ревом, оглядываясь по сторонам. Док так и не понял, почему я его толкнул. Он с изумлением заметил, что я сижу над ним на ветке. Стадо собралось вокруг самца. Животные все еще находились в сотне футов от нас. Что будет дальше? К нашему облегчению, головы обезьян одна за другой повернулись к нам и на их лицах выражение тревоги сменилось любопытством. Они вытягивали шеи, а двое подростков даже взобрались на деревья, чтобы получше нас разглядеть. Еще один озорной подросток ударил себя в грудь и тут же проворно нырнул в заросли, поглядывая на нас сквозь завесу листвы, чтобы убедиться, какое это произвело впечатление.

Постепенно животные разбрелись по своим делам. Мне особенно запомнилась одна самка, которая вышла из густой тени и села, озаренная солнцем, у подножия дерева. Она вытянула перед собой свои короткие ноги и безвольно опустила руки. У нее было старое, доброе лицо, изборожденное множеством морщин. Греясь на утреннем солнышке, она казалась совершенно спокойной и безмятежной.

После трех часов непрерывных наблюдений мы с сожалением ушли от горилл. Было 15 марта, на этот день был назначен уход из Кабары. Большинство носильщиков отправились домой еще в тот день, когда мы прибыли в лагерь. Теперь они вернулись за нами. Мы

спустились с горы опечаленные тем, что путешествие наше пришло к концу, но довольные достигнутым успехом. Осуществилась мечта, которая вдохновляла и мучила нас в течение долгих месяцев подготовки. Оказалось возможным подойти к гориллам и наблюдать их с близкого расстояния. Мы видели такие интересные сценки из семейной жизни горилл, что я решил, завершив общий обзор, вернуться в Кабару вместе с Кей и постараться получить ответы на множество вопросов, которые у меня возникли.

Недоступный лес

Самый приятный путь к вулканам Вирунга идет с севера, через Кигези, район Уганды. Узкая дорога вьется среди высоких холмов, большая часть которых возделана. Здесь применяется контурная пахота. Группы травяных хижин с островерхими крышами лепятся по склонам. Маленькие мальчики, одетые лишь в рваные рубашонки, пасут у дороги стада пятнистых коз. Через лощины из деревни в деревню перекликаются мужчины и женщины, сообщая друг другу последние новости; их певучие голоса отдаются эхом в холмах. В долинах есть и ручьи и болота, кое-где попадаются озера. Каждый день с высоких склонов женщины спускаются за водой. Ближе к вершинам холмов возделанные поля сменяются бамбуковым лесом. На высоте восьми тысяч футов вы внезапно попадаете на Канабский перевал.

Далеко внизу лежит ущелье, а вся цепь вулканов Вирунга разворачивается перед вами обширной панорамой. Гора Муха-вур, совершенно правильной конической формы, обрамленная лесом по нижним склонам, достигает высоты 13 540 футов. Когда-то эта гора служила своеобразной вехой, по которой местные жители направляли свой путь домой после Дальних странствий; поэтому гора была названа «гухавура», что означает «проводник». Стоящая рядом с Мухавурой гора Гахинга кажется карликом по сравнению со своей соседкой. В дымке, обычной для засушливого сезона, едва виднеется зубчатая вершина Сабинио — «старика с большими зубами», Это гора высотой почти в двенадцать тысяч футов. Сабинио — последний из трех вулканов, расположенный частично на территории Уганды.

У подножия горы Мухавура приютился поселок Кисоро.

В нем несколько лавочек, принадлежащих индийцам. В этих лавочках продаются консервы, ткани, кастрюли, фонари, овощи и фрукты, керосин и многое другое. Все это лежит навалом или подвешено к потолку. В Кисоро также находится угандийский таможенный пункт, потому что здесь дороги разветвляются и ведут и в Руанду, и в Конго.

Кисоро — сонный поселок, и ничто в нем не нарушает привычного ритма жизни. Когда-то здесь проходила главная дорога на Конго, но потом построили новую, в обход гор. В полях мужчины и женщины выбирают куски лавы из земли и в тонкий слой плодородной почвы сажают картофель, кукурузу, бобы. Индийцы сидят в темных лавочках. Они живут в своем, особом мире и мечтают о том дне, когда, разбогатев, смогут вернуться на родину. Темп жизни в поселке убыстряется только раз в неделю, в базарный день. Жители из ближних деревень собираются на окраине поселка и приносят туда свои товары. Это корзины, сплетенные из гибких полос молодого бамбука, обмазанные коровьим навозом, тростниковые циновки, глиняные горшки, живые куры, больные овцы с понурыми головами и слезящимися глазами, миски, наполненные разноцветными бобами. Женщины разодеты в самые лучшие наряды. Старые все еще носят одеяния из козьей кожи; на их запястьях и щиколотках бесчисленные браслеты — спирали из позеленевшей медной проволоки.

Большое число таких украшений раньше считалось признаком богатства. А молодые женщины ходят завернувшись в ткань с ярким набивным рисунком. За плечами у них обычно привязан маленький ребенок и виднеется только его коричневая головенка. Ребятишки играют, бегают между корзинами, пронзительно визжа,

мужчины громко торгуются. Настроение у всех хорошее, приподнятое, на время забыто унылое однообразие жизни.

Кисоро широко известен своей маленькой гостиницей «Приют путешественников». Главное здание окружено клумбами ярких цветов; с одной его стороны стоят три круглые хижины, называемые рондавели. Водопровода нет, ужин подается при свете фонарей, но это единственное место во всей Центральной Африке, откуда обычный приезжий, рядовой турист, может за один день добраться до места, населенного гориллами, притом имея много шансов увидеть животных и их гнезда.

Для меня и для Кей гостиница «Приют путешественников», стала вторым домом.

«Ну! Как жизнь?» Владелец гостиницы Вальтер Баумгартель встречал нас с распростертыми объятиями. Глаза его лукаво блестели, на лице сияла приветливая улыбка, и нам сразу становилось хорошо. Вальтер долгие годы скитался по всему миру; он любит горы, которые высятся около его гостиницы, а больше всего он любит горилл.

После нашего посещения Кабары в ответ на приглашение Вальтера мы переехали в Кисоро, чтобы познакомиться с гориллами в районе вулканов Вирунга. Для нашего первого путешествия Вальтер обещал дать нам трех проводников — во всей Центральной Африке никто лучше их не умел находить следы горилл. Рубен Руанзаджире, старший проводник, человек исключительный среди африканцев из племени банту, ему нравится бродить по горам. Он большого роста и сухощав, с лицом аскета. Хотя высокий лоб и слегка крючковатый нос придавали ему некоторое сходство с батутси, этими сухопарыми великанами из соседней Руанды, Рубен уверял, что он чистокровный бахуту. Нтируабарира и Баджи-рубджира, два других

проводника, показались мне людьми замкнутыми. Вообще нелегко сблизиться с африканцами. Они живут в своем собственной мире, и все попытки как-то разговориться с ними встречают молчаливый отпор. В этом отношении Рубен был совсем другим. Его познания в английском языке ограничивались словами «да» и «спасибо», а на суахили — «международном языке» Восточной Африки — он изъяснялся не слишком хорошо, хотя, конечно, говорил на этом языке много лучше нас. Мы выучили едва ли сотню слов. Однако Рубен находил подлинное удовольствие в беседе с нами.

25 марта мы встретились с нашими носильщиками у подножия гор и начали примерно полуторачасовой подъем, сперва сквозь низкорослый лес, затем через зону бамбука. Эта местность была объявлена заповедником горилл в 1930 году, а лесным заповедником, смежным с Парком Альберта, — в 1939 году.

Лес на нижних склонах был отрезан от заповедника в 1950 году, и его граница поднялась теперь с восьми до девяти тысяч футов. Это было очень неудачное решение, потому что, как оказалось, часть леса, урезанная у заповедника, была как раз самым подходящим местом для обитания горилл. Когда на лес начинают наступать люди, изголодавшиеся по земле, лес не может им долго противостоять. Козы и другой скот пасутся в подлеске, уничтожая его, мужчины валят деревья, женщины вскапывают землю. Гориллы вынуждены все время отходить все выше и выше, в горы.

Горный лагерь Вальтера расположен в седловине между Мухавурой и Гахингой, на маленькой вырубке, около верхней границы бамбукового леса, на высоте почти десяти тысяч футов. В лагере четыре хижины — одна из металла, три из бамбука. Отсюда открывается

вид на Кисоро, а в очень ясные дни видны Лунные горы к северу от озера Эдуарда.

Несколько дней нас обучали, как находить следы горилл. Мы спускались и поднимались по каньонам, сквозь густые заросли бамбука и кустарника, ища те следы, которые гориллы всегда оставляют после себя: на мягкой земле отпечаток пятки, похожий на человеческий, только шире; растения с оборванными листьями, ямку в земле, выкопанную обезьяной в поисках вкусного корня огуречника.

Мы шли точно по следам, а когда они терялись, Рубен подавал знак, и проводники кружили по местности, пока снова не находили их. Чтобы не разговаривать громко, но в то же время поддерживать связь между собой, мы тихонько пересвистывались, как сонные птицы. Проводники, согнувшись, сновали по зарослям, кидая по сторонам взгляды, иногда оглядываясь и на нас.

Наступил сезон дождей. Здесь, около экватора, год делится на два засушливых и на два дождливых сезона. В январе и феврале обычно стоит довольно сухая погода, в марте, апреле и мае — дожди. С июня до конца августа очень сухо. А с сентября по январь снова непрерывно льет.

Склоны гор стали скользкими, в седловине осели облака. Мы обнаружили небольшую группу горилл — одного самца с серебристой спиной, одного с черной, трех самок и двух маленьких детенышей. Ливень промочил нас насквозь, но мы продолжали идти по следам животных и вдруг увидели их. Гориллы сидели совсем сухие, уютно устроившись под нависшей скалой. Заметив нас, они тут же бросились карабкаться вверх по склону. Один крупный самец остался, спрятавшись за бамбуками. Он ревел. Рубен настаивал, чтобы мы подошли поближе, но я предпочел глядеть на неясно виднеющуюся фигуру с расстояния восьмидесяти

футов. Самец снова заревел, потом бесшумно растаял в зарослях на склоне.

Из таких случайных встреч мало что можно было узнать о том, как живут и общаются между собой гориллы, когда им никто не мешает. Док и я скоро пришли к выводу, что

в этом районе вообще нельзя проводить задуманные нами наблюдения над гориллами. Густой подлесок, в котором животные совершенно скрываются, оказался для нас непреодолимым препятствием. То же самое произошло до нас с Осборном и Дониетропом, а впоследствии с Каваи и Мицухарой — двумя японскими учеными, побывавшими здесь после нас.

И все же гориллы, живущие на земле, дают больше удовлетворения изучающему их, нежели другие обезьяны — и низшие, и человекообразные, но обитающие на деревьях, так как даже если сами гориллы и остаются невидимыми, то их следы раскрывают много интересного. Док ходил по следам одной группы непрерывно в течение семи дней. Все это время гориллы оставались в местности шириной примерно в полмили и длиной в милю. Группа то забиралась повыше, в бамбуковые заросли, то спускалась пониже, в лес, не раз пересекала свои собственные следы и передвигалась примерно на милю в день. Осматривая остатки их еды, разбросанные там, где проходили обезьяны, мы обнаружили, что в это время года почти половину рациона горилл составляли молодые побеги бамбука. Они сдирали с них верхний слой, как кожуру с бананов, выбрасывая жесткую, ворсистую оболочку, и поедали нежную, белую сердцевину. Им также нравились корни огуречника, листья некоторых растений и дикий сельдерей. Рассматривая их экскременты, состоящие из трех долей и похожие по консистенции на конский навоз, мы находили там семена различных фруктов. Гориллы,

живущие в данной местности, питались, в общем, двадцатью девятью различными видами растений.

Мы составили план мест, где находились гнезда, и, сосчитав их, отметили, что из ста шести гнезд меньше половины было на земле. Они были построены из бамбука, лиан и кустарника. Большая же часть гнезд была на ветвях деревьев и на сомкнутых, сплетающихся ветвях бамбука. Эти последние очень мягки и пружинисты, пожалуй, лучше любого матраца. Мною не раз овладевало искушение остановиться и лечь на них поспать, мягко покачиваясь, греясь на теплом солнышке.

Рубен и другие проводники много рассказывали нам о семейной жизни горилл, но им нельзя было в этом полностью верить. Когда дело шло о том, чтобы подтвердить присутствие или отсутствие в данном месте обезьян, показать нам различные растения, которыми они питались, — проводникам не было цены; но, описывая поведение горилл, эти люди просто исходили из того, что оно подобно их собственному, что самцы горилл приносят корм своим семьям, что самки перед тем, как родить, уходят от группы и прячутся.

Пока Док шел по следам одной группы, я искал другие. Мы с Кей взобрались на вершину Гахинги и заглянули в ее зеленый кратер, на склонах которого росли гигантские сенецио. Ключья облаков клубились в глубине этого огромного котла. Одинокий буйвол стоял на пригорке, медленно пережевывая свою жвачку. К нашему удивлению, на такой большой высоте мы нашли помет слонов. В течение трех дней я трижды восходил на вершину Мухавуры потому, что видел свежие следы горилл на высоте тринадцати тысяч пятисот футов и надеялся встретить их на открытых склонах. На вершине горы находится небольшой пруд футов семидесяти в диаметре. Первыми здесь побывали два

немецких офицера, Бете и Пфейфер, поднявшиеся сюда в 1898 году.

На этой высоте я чувствовал себя хорошо. Правда, мускулы ног деревенели после подъема, но не было того ощущения слабости, которое одолевало меня на горе Карисимби. С вершины открывались необозримые дали. Все вокруг было величественно, просторно; воздух над долиной струился, как пламя. Примерно в пятнадцати милях к северу, за цепью обнаженных холмов, виднелся другой лес, в котором тоже жили гориллы. Как и в районе вулканов Вирунга, эти животные были изолированы от своих собратьев полосой возделанной земли, окружавшей их обиталище.

Мы и раньше слышали о гориллах, которые водились в Недоступном лесу, — само название которого казалось романтическим и таинственным и возбуждало воображение, — но никто еще их там не изучал. Говорили, что в 1912 году некто Критчли-Самонсон слышал рев горилл в этом районе, но лишь в 1934 и 1937 годах были получены первые надежные сведения об их существовании от Питмана, бывшего егеря из Уганды. Специалист по поведению животных эколог Нильс Больвиг совершил короткое путешествие в Недоступный лес в 1959 году, а теперь вот Док и я решили потратить одиннадцать дней на обследование этого района. Некто Фангудис — ныне охотник, а в прошлом изыскатель — провел там пять лет в поисках вольфрама и других редких металлов. Когда мы побывали у него, он сообщил, в каких местах можно встретить горилл, и, кроме того, рассказал о племени батва, которое как никто знает этот лес.

Мы познакомились с первым представителем племени батва в гостинице «Приют путешественников». Он пришел к нам, похлопал в ладоши, выбил ногами какое-то подобие чечетки и хрипло крикнул: «Э эау, сава сава сава!» Когда мы дали ему шиллинг, его

широкое морщинистое лицо расплылось в улыбке, и он бросил монету в небольшую, плетенную из коры сумку, которую всегда носил через плечо. Это был нищий. Одежда его состояла из грязного полосатого одеяла, но держался он с достоинством. Он обладал превосходным актерским талантом, был прирожденным комиком и свои роли исполнял гротескно, с удовольствием высмеивая те стороны быта, которые окружающие его люди из племени банту воспринимали серьезно. Он едва достигал пяти футов роста и казался гномом, истинное место которого в таинственной лесной долине.

Племя батва — это только одно из многих удивительных племен, населяющих эту часть Африки (О племенах, обитающих в описываемой области, можно найти сведения в книге «Народы Африки». Под ред. Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. Изд-во АН СССР. М., 1955.). Рослые батутси, славящиеся своими красочными танцами, живут по преимуществу в Руанде и Бурунди. Они пришли в XVII веке из северной Уганды и подчинили себе окрестные племена, наводя на них страх своим ростом. Это гордый, красивый народ. Черты их лица напоминают облик древних фараонов, но столетия легкой жизни расслабили их воинственный дух, и мне они казались несколько жалкими. Задрапированные в полотнища белой ткани, опираясь на длинные посохи, они пасут свои стада. Стада — это их богатство, их общественное положение, их любовь, их жизнь. Скот обычно тощий, ребра резко обозначаются под бурой или пятнистой шкурой. Разводят скот они не ради мяса (коров никогда не режут для пищи) и не ради молока, а ради больших рогов. У некоторых животных рога, изгибаясь вперед и вверх, достигают длины пяти с лишним футов.

Власть скотоводов батутси рухнула, когда над Африкой повеял ветер независимости. Племя бахуту,

составляющее 85 % населения Руанды и Бурунди, восстало против своих бывших властителей в 1959 году. Бахуту — земледельцы. Никто не знает, с каких пор они поселились в этой местности. Как и племена баши, бахаву, бахунде и другие, родственные бахуту в этническом и языковом отношении, они живут здесь уже много столетий. Тысячу лет тому назад земледельцы банту уже толкли просо на холмах около Букаву.

Пигмеи батва — лесные обитатели и живут охотой. Они немного выше и более плотного телосложения, чем пигмеи из леса Итури, хотя средний рост мужчин племени батва не превышает пяти футов. Некогда батва жили по всей этой местности, но потом земледельческие племена свели леса, и они подались на запад, в горы. Немногие из них еще ютятся близ мест старых обиталищ — вулканов Вирунга и леса Кайонза, но другие оставили бродячую жизнь охотников и стали нищими или ремесленниками и делают на продажу глиняные трубки и миски. Батва говорят на том же языке, что и местные банту, но с маленькими диалектическими различиями. Никто не знает настоящей истории пигмеев. Если верить самим батва, Вото, четвертый вождь племени, покинул свой народ и удалился в лес. Почувствовав себя очень одиноким, он произнес заклинание. Тут стволы деревьев раскрылись, и из них появилось множество маленьких существ. Тогда Вото спросил: «Кто вы?» Они ответили: «Бину батва!» — «Мы люди!»

Высоко на склонах ущелья, к северо-западу от Букаву, Док и я посетили деревушку племени батва. Вместе с нами был Кристиансен, бывший владелец кофейной плантации, ныне агент местной научно-исследовательской станции. Его обязанностью было скупать любых интересных животных, которых батва убивали на охоте. Деревушка занимала маленький

участок расчищенной земли на крутом склоне и была окружена лесом. Далеко внизу холмы становились все более низкими и терялись в дымке, покрывающей бассейн реки Конго. Одиннадцать хижин, высотой не более шести футов, стояли в два ряда, словно домики бобров. Это были простые, недолговечные строения, сделанные из согнутых ветвей, привязанных к центральному шесту и покрытых охапками травы. Внутри, у стены против входа, на подстилке из травы спит семья. В центре хижины сложен очаг из нескольких почерневших и потрескавшихся камней, у входа стоят различные горшки и корзины, наполненные бобами, маниок и другими плодами земледелия.

На горизонтальном шесте между двумя хижинами висели пятнистые шкуры лесных антилоп. Другие шкуры, в том числе и антилопы дукера, были растянуты для просушки на сухой, плотно утрамбованной земле. Несколько мужчин из деревушки ушли в лес в поисках дичи; если дичь попадалась, то ее съедали жители деревни, или меняли у банту на сельскохозяйственные продукты.

Трое мужчин отрезали заднюю ногу лесной свиньи. Они сидели на корточках около красного мяса, лежащего на подстилке из зеленого папоротника, а тем временем женщины раскладывали костер. В деревне было семь женщин; — это крошечные существа, по виду не совсем взрослые, но уже сложившиеся. На них были саронги из цветной материи, а на запястьях и на щиколотках звенели медные браслеты. У каждой из них на лбу вытатуирована синяя линия, спускающаяся к кончику носа; различные ямки и кресты выжжены или вырезаны на щеках, верхней части рук, на грудях. У одной женщины была бесцветная татуировка, выжженная вокруг шеи наподобие ожерелья.

Батва — кочевники, и они редко живут больше года на одном месте. Когда дичи становится мало, они

перекочевывают в другие места. Подлесок, стоящий словно в ожидании по краям деревушки, снова завладевает землей; хижины гниют и разваливаются, и земля поглощает следы племени.

С помощью местного начальника мы наняли несколько носильщиков нести нашу поклажу через Недоступный лес. С нами отправились также четверо батва и мальчик из племени банту. Ефраиму Бисинье было около двенадцати лет; это был симпатичный, со смысленным взглядом паренек, который научился английскому языку в школе при миссии. Ему предстояло быть переводчиком между нами и батва. Жены наши оставались дома, потому что мы не знали, с какими трудностями, быть может, придется встретиться в лесу. Джин-Ни поехала в Кампалу, а Кей — в Катве, в гостиницу «Озеро Эдуарда».

Сойдя с дороги, мы около часа шли по тропинке в глубь леса. Тропинка была крутая и обрывистая, громадные деревья высоко над головами образовывали зеленый навес. Наконец мы добрались до Батаны, маленького холма, где когда-то, очевидно, были вырублены лесные великаны. Банту прорубались через подлесок с помощью «панга», страшного вида ножей, с лезвием в форме вопросительного знака. Мы поставили палатки на вырубке, а Бисинье и двое других банту выстроили себе хижину из молодых деревьев и папоротника немного ниже по откосу. Батва сооружали свое жилище позади нашей палатки и все время радостно напевали: «ииииии-йо-йо-ииии!»

Когда-то на этом холме жил рудокоп Джек Коллинз, но его надежды и планы рухнули вместе с ценами на металлы, и теперь от его дома оставался только каменный фундамент, густо заросший ползучими растениями, приют мышей и ящериц. Коллинз посадил здесь несколько кустов роз. Они прижились, и их алые цветы ярко выделялись в этой необычной обстановке.

Это было мое первое посещение дождевого, или влажного, тропического леса. Вечером я смотрел на необозримое море листвы, черное и неподвижное, как бы символ дикой и непокоренной природы. Воздух звенел от звуков — трещали цикады, слабо попискивали летучие мыши, звонко кричали древесные лягушки. Африканцы тихонько переговаривались между собой. Время от времени кто-нибудь подбрасывал ветку в огонь, и пламя взвивалось вверх, бросая слабые отблески на весь лагерь.

Ночью, уютно согревшись в спальном мешке, я слышал, как батва то и дело принимались разговаривать. Они спали несколько часов, просыпались, смеялись чему-то и снова засыпали. Один раз кто-то из них заиграл на своем «ликембе» — плоском, выдолбленном внутри музыкальном инструменте, который издает несколько простых звуков, если трогать указательными пальцами прикрепленные к нему параллельные полосы металла. Это была странная, призрачная мелодия, словно доносящаяся из других миров.

Рано утром Док и я встали с наших раскладушек и на костре сварили на завтрак овсянку. Мы находились на высоте почти семи тысяч футов, и было холодно. В глубоких долинах осели облака, вершины темных холмов как бы плавали в молочно-белом море. Мы послали двух батва искать горилл. Вместе с другим батва и Бисиньей мы пошли к югу, в самую чащу леса.

Недоступный лес был объявлен заповедным в 1932 году. Вырубки начались в 1940 году и производятся в основном по опушкам и в других легкодоступных местах. В год можно вырубать и вывозить только сто тысяч кубических футов древесины. Для разделки огромных бревен на доски применяется древний способ — распилка над ямой. Внутренняя часть леса в основном остается нетронутой человеком, островком

первобытной, первозданной природы, окруженным со всех сторон возделанной землей. Только батва считают лес своим домом, и действительно, они здесь чувствуют себя такими же хозяевами, как и дикие животные, на которых они охотятся.

Мы надеялись, что этот участок горного дождевого леса навсегда останется заповедником. Если разрешить в нем обработку земли, то скоро холмы потеряют лесной покров, как потеряла его окружающая их местность. Трудно поверить, что могучие леса некогда венчали горы вокруг заповедника. Еще в 1910 году слоны и буйволы бродили там, где теперь не видно ни деревца. В 1860 году племя бакига переехало сюда из Руанды, и это переселение, вдобавок к естественному приросту населения, за пятьдесят лет увеличило число жителей района Кигези со ста тысяч до шестисот тысяч человек. Африканцы сводили леса, возделывали землю под различные культуры, а когда земля истощалась, бросали ее. Но как только подрастали молодые деревья и кустарник, их снова выжигали. Скоро этот метод земледелия получил развитие и в степных районах (грасслендз). Сейчас холмы стоят обнаженные, коричневые под палящим солнцем. Иногда сюда забредет какой-нибудь житель и подожжет сухую траву: либо для того, чтобы помочь пробиться молодой, зеленой траве — корму его коз, либо просто так, от желания что-то поджечь. Тогда горячий воздух дрожит над палом, клубы дыма катятся над землей. По ночам кажется, что огонь пылает в небе.

Ни гориллы, ни слоны, ни другие дикие животные не могут существовать, если не оберегать растительность. В Уганде наглядным примером этому являются слоны, животные, способные хорошо приспосабливаться к самым различным условиям. Слоны могут жить в жарких, поросших травой районах и в прохладных горных лесах. Если же места их обитания

превращаются в поля и слонам приходится конкурировать с домашним скотом, то им ничего более не остается, как отступить. В 1929 году слоны занимали 70 % всей территории Уганды; в 1959 году они встречались только на 17 % этой территории, почти исключительно в лесных заповедниках, национальных парках и «зонах сонной болезни».

Мы двинулись гуськом по гребню горы. Бичуму, начальник моих батва, трусил впереди. У него были курчавые, седые волосы и короткая, клочковатая борода, а кожа на коленях морщинистая, как у слона. Старое, слабое тело Бичуму прикрывала рваная куртка защитного цвета. Как и все батва, он нес в одной руке два копья, в другой — мачете. Следом за ним шел Батака, с грустными, выпуклыми глазами, которые никак не соответствовали его веселому и живому характеру. Временами он пел, прыгал и приплясывал.

В Недоступном лесу нашим проводником был Бичуму

Мы быстро продвигались по гребню. Здесь, во всяком случае, лес не был непроходимым. Громадные деревья образовали сплошной навес, не пропускавший прямых лучей солнца. В этом сумраке выживали лишь отдельные молодые деревца, и поэтому лес у основания стволов был сравнительно редким. Там же, где свалился какой-нибудь лесной гигант и лежал, запутавшись в сломанных ветвях, на землю падал столб

солнечного света. Ковер опавшей листвы приглушал шаги, горячий и влажный воздух был пропитан запахом гниения. Земляной червяк, длиной с фут и толщиной в человеческий палец, быстро заполз в гнилой пенёк. Муравьи, растянувшись черной лентой, перебирались через гребень горы. Их фланги охраняли муравьи-солдаты, готовые впиться своими мощными челюстями в любого врага.

На смену утренней прохладе пришел полуденный зной. Мы сделали короткий привал и полюбовались на долину, лежащую в тысяче футах под нами; нам предстояло ее пересечь. В полдень лес был тих и совершенно неподвижен. Вокруг собирались дождевые тучи. Обычно так бывало каждый день. Лес, казалось, давил на нас какой-то нестерпимой тяжестью.

Батва показали нам много интересного: толстые стволы деревьев, называемых «орнукунгашебея», — из них выдалбливают каноэ, и вьющееся растение «олушури», с которого пигмеи обдирают кору и искусно плетут из нее небольшие сумки. Но когда мы засыпали их вопросами: «А гориллы едят это растение? А где они спят — на деревьях или на земле?» — ответом было упорное молчание, или уклончивые ответы. Наконец Бичуму, которому было явно не по себе, сказал: «Если называть по имени животное, которое ищешь, его никогда не найдешь».

Нам несколько раз встречались хитроумные ловушки, установленные батва для ловли лесных свиней. Они устраиваются так: сгибают молоденькое дерево и привязывают к его вершине петлю из лыка. Петлю закрепляют на земле клином, вогнанным в расщепленную палку. И палка и петля находятся в небольшой ямке, и все это замаскировано опавшими листьями. Ступив в яму, свинья задевает палку, клин вылетает и освобождает петлю. Деревце резко распрямляется, и петля затягивается на ноге

животного. Такой же механизм применяется и в так называемых опадных ловушках, только там на ничего не подозревающее животное обрушивается тяжелое бревно и придавливает его к земле.

Оступаясь, скользя мы спустились в долину и попали в другой мир. На нижних склонах горы и в самой долине было мало высоких деревьев. Все заполнила буйная масса кустов, лиан и высоких трав. Батва прорубали дорогу сквозь заросли своими мачете, по временам мы просто ползли в нескольких футах над землей по сплошной колеблющейся массе растительности. В нас впивались шипы, ноги путались в лианах. Встречались заросли древовидных папоротников с черными стволами и плюмажами вайй, грациозно развевающихся на их верхушке. Здесь, в зарослях, освещение было призрачно-зеленое, словно мы находились под водой. Стволы папоротников покрыты колючками. Часто спотыкаясь, мы машинально хватались за эти стволы, чтобы удержаться на ногах. Повсюду сновали лесные тараканы. Вся атмосфера была какой-то первобытной, палеозойской, как в те далекие времена, когда на земле царили древовидные папоротники и амфибии. Небольшие ручейки пробивались почти по всем ложбинам, мы жадно пили из них и освежали водой разгоряченные лица.

Мы продолжали путь то спускаясь, то поднимаясь. Батва по-прежнему шли впереди, а мы с Доком старались от них не отставать. У батва с природой какое-то особое взаимопонимание, они как бы часть окружающего их леса. Иногда они останавливались, чтобы разглядеть следы свиньи, еле заметные в гниющей листве; или вдруг втыкали конец копья в землю, а затем принимались копать ее руками, извлекали клубень дикого растения и прятали в мешок. Однажды в подлеске что-то зашуршало, и оба батва, окаменев, застыли с поднятыми копьями, готовые к

удару, но животное исчезло, так и не показавшись. Батва рассказали нам, что однажды несколько банту, вооруженных копьями, отправились в лес охотиться на свиней. Заросли зашевелились, и они метнули копья, думая, что там свинья. Но это оказалась горилла, самец-одиночка. В свалке горилла укусила одного банту за ягодицы. Батва с восторгом изображали, как он потом пытался сесть, но тут же подскакивал от боли и хватался рукой за укушенное место.

Батва любили дразнить банту, я полагаю, потому, что последние относились к ним с пренебрежением. В нашем лагере банту не желали есть вместе с пигмеями или спать в одной хижине и при всякой возможности старались командовать ими. Несмотря на это, батва оставались простодушно веселыми, жизнерадостными, в отличие от всегда угрюмых банту, с которыми нам приходилось иметь дело. Может быть, трудная, но свободная жизнь охотников вырабатывает легкий, вольный характер, который теряют привязанные к одному месту земледельцы.

Две женщины и дети из народа банту отдыхают около банановой рощи. Одной из женщин девочка бреет голову

Один банту рассказал мне, что во время охоты на горилл обезьяны перехватывают копья на лету и мечут

их обратно в нападающих. Когда я спросил об этом Бичуму, он улыбнулся и ответил: «Это сказки. Мы рассказываем такие сказки хуту, и они нам верят. Гориллы боятся человека. Они лают, рычат и убегают».

В горной гилее редко встречаются дикие животные. Многие звери ведут ночной образ жизни и вообще пугливы. Хотя я часто слышал шум, производимый свиньями, убегающими при моем появлении, я ни разу не видел их. Слоны встречаются в западной части леса, но почему-то ни один из них не показался вблизи лагеря. Однажды мы видели группу лоэстовских мартышек (Автор встретил в горном лесу небольшую группу лоэстовских бородатых мартышек (*Cercopithecus lhoesti* Sclater 1899) с длинной и густой темно-серой шерстью, с бурым участком на спине, со светло-серыми кудрявыми волосами на щеках, покрывающими также уши, с белыми подбородком и горлом.), кормившихся в зарослях. Эти полуназемные обезьяны ярко окрашены: у них черное тело, рыжевато-коричневая спина, белая бахрома на щеках и подбородке. словно большие кошки, они бросились прочь по колеблющемуся пологую лиан.

Другие виды обезьян в этой местности, видимо, предпочитают опушки леса, а не его дебри. Нам встречались голуболицые мартышки, которых потом мы видели на горе Чабериму, и краснохвостые мартышки (В горной лесной гилее Шаллер видел представителей еще двух видов мартышек. Это были голуболицые (*Cercopithecus cephus* Linnaeus 1758), иначе муйдо, и краснохвостые белоносые мартышки (*Cercopithecus ascanius* Audebert 1799).) — бойкие маленькие создания с белым пятном на носу и переливчатым красно-рыжим хвостом. Самыми ярко окрашенными из обезьян были черно-белые гверецы (Черно-белые гверецы представлены несколькими видами в Западной, Центральной и Восточной Африке. В данном случае

речь, по-видимому, идет о белохвостом гвереце мбеге (*Colobus guereza caudatus* Thomas 1885).). Небольшими компаниями, от трех до пятнадцати животных в каждой, они сидели на деревьях, объедая почки, цветы и листья. Когда я к ним приближался, самцы иногда поворачивали в мою сторону черные мордочки и раскрывали рты, издавая губами чмокающие звуки. Потом они убегали, причем длинная белая шерсть, окаймляющая их бока и хвост, развевалась по воздуху, как плащ.

Даже птицы здесь были незаметны. Многие из них сидели неподвижно среди ветвей высоко на деревьях и, только попадая в яркий свет, мелькали темным силуэтом. Изредка шлемоносная птица-носорог перелетала, шелестя крыльями, с дерева на дерево, издавая громкий, гнусавый крик: «кво-кво». Я искал гнезда птиц-носорогов, но так и не нашел. Самка обычно откладывает яйца в дупле, высоко над землей. Самец приносит в клюве комочки земли, смоченные слюной, и самка строит себе тюрьму, замазывая отверстие в дупле изнутри до тех пор, пока не останется только узкая щелка. Она сидит в дупле почти четыре месяца, линяя, высиживая яйца и выращивая птенцов до тех пор, пока они не смогут сами летать. Все это время самец кормит ее плодами, которые заботливо приносит в зобе к отверстию гнезда и отрывает для нее.

Однажды я заметил маленькое, похожее на змею создание, извивавшееся на земле у моих ног. Мне вспомнилось, как мальчиком я пытался ловить ящериц и в руках у меня оставался только судорожно извивающийся хвост, а само животное убегало. К моему большому удивлению, то, что я поймал, оказалось не ящерицей и не змеей, а земляным червем ярко-синего цвета. Это был самый яркий и сильный червяк, которого мне когда-либо приходилось видеть. Хотелось его

сохранить, но спирт его обесцветил, и в банке осталась лишь дряблая розовая масса.

Следы горилл здесь встречались гораздо реже, чем в Кабаре. Попадались кучи кожиры от листьев древовидного папоротника, которую обезьяны обдирали, чтобы добраться до нежной сердцевины, и оголенные лианы с объединенной корой и листьями. В отличие от района вулкана Вирунга, в этой части леса не было ни бамбука, ни дикого сельдерея, и животные питались другими растениями. Всего мы собрали двадцать семь разных растений, употребляемых гориллами в пищу. Девять из них гориллы ели и в районе вулканов Вирунга.

Большинство найденных гнезд были старые, только сломанные, засохшие ветки свидетельствовали о том, что там отдыхали обезьяны. Некоторые гнезда были прямо на земле, другие — в нескольких футах от нее на кустарнике и кронах молодых деревьев. Некоторые гориллы устроили платформы на ветвях больших, деревьев, на высоте сорока пяти футов от земли, располагаясь там, как на дозорных вышках. В этом лесу я нашел 179 гнезд и около половины их было на деревьях.

Ни в первый, ни на второй день гориллы нам не попадались, но на третий мы услышали крик по другую сторону долины. Мы беззвучно подкрались и увидели животных на противоположном откосе, примерно в пятидесяти ярдах от нас. Батва нервничали, переговаривались между собой, и, в конце концов, я отослал их обратно к стоянке. Гориллы нас еще не заметили. Великолепный самец с серебристой спиной лежал среди лиан. Он неторопливо захватывал горсть растений, обрывал несколько листиков большим и указательным пальцами, запихивал в рот и лениво жевал. Солнце блестело на его обнаженной груди. Три самки и подросток кормились, временами исчезая в

кустах, и только колебание ветвей выдавало их передвижение. Одна из самок забралась на дерево, футов на двадцать от земли, и села в развилке ветвей. Она притянула ко рту лиану и объела с нее листья. Потом, перехватываясь руками, соскользнула со ствола дерева и улеглась спать на боку, положив голову на сгиб руки. Около четырех часов я наблюдал, как обезьяны кормятся и отдыхают. Наконец они скрылись из виду. Пока я тихонько взбирался по откосу, стараясь не вспугнуть горилл, над моей головой раздалось шипение, похожее на змеиное. Я вздрогнул. Сверкая ярко-алыми крыльями, взлетел черноклювый турако, птица величиной с ворону, и затем, треща, как белка, запрыгал по ветке.

После того как я добрался до вершины гребня, продвигаться стало снова легко. Я то и дело останавливался и сверялся с компасом. Не будь его, я непременно заблудился бы в этом лесу. Гребни холмов и долины не идут в каком-то определенном направлении, а постепенно и незаметно отклоняются в ту или другую сторону. Только батва безошибочно находят здесь дорогу. Но я помню случай, когда Бисинье, два батва и я зашли в незнакомую для них юго-восточную часть леса. Мы дошли до развилки тропы. Батва уверяли, что лагерь находится в одном направлении, а компас показывал на противоположное. У меня был соблазн не обращать внимания на компас и пойти туда, куда они меня тянули, но я не поддался. Бисинье семенил за мной и ныл: «Господин, ты нас заведешь в дебри». К большому моему облегчению, этого не случилось и я оказался прав.

Как-то один из батва издал радостный крик, и все бросились к нему. Он заметил, что футах в двенадцати над землей, вокруг маленького дупла, вьются пчелы. Батва немедленно сломали и притащили молодое деревцо, прислонили его к стволу и влезли по нему,

затем зажгли сухую гнилушку и стали вдвухать дым в отверстие. Они ковыряли кору вокруг дупла своими копиями, стараясь расширить вход, но толку получалось мало. Было решено вернуться сюда на следующий день. На этот раз они приспособили к копиям наконечники, похожие на долото. Щепки летели во все стороны, батва кашляли и плевались от густого дыма. Один из них засунул руку в дерево и извлек оттуда соты, с которых капал золотистый мед. Они ели, смеялись и отмахивались от пчел, сердито жужжащих вокруг. В некоторых сотах попадались белые личинки. Их тоже съедали, выплевывая только воск. Мед тек по рукам и груди батва, пчелы садились на них и жалили. Наконец, мои спутники облизали руки и спрятали остатки меда в маленькие сосухи из тыквы, которые они всегда носили с собой. Дождливый сезон еще не кончился. Часто неожиданный порыв ветра, сотрясавший верхушки деревьев над нашими головами, был предвестником грозы. Вслед за порывом ветра наступала тишина, воздух застывал в неподвижности, лес безмолвно и обреченно ждал. Затихал даже пронзительный треск цикад. Иногда издали доносился птичий крик, короткий, одинокий звук, от которого тишина казалась еще глубже. Раздавался грохот, сперва отдаленный и неясный, затем громкий и настойчивый, накатываясь все ближе и ближе, и, наконец, ливень окутывал все серыми полотнищами. Мы стояли, прижавшись к стволу дерева, выглядывая из-под куска пластика, растянутого над головами. Дождь низвергался сплошной пеленой, и за нею казались расплывчатыми очертания деревьев по ту сторону оврага. Эти неожиданно налетающие ливни прекращались так же внезапно, как и начинались.

Батва, дрожа в похолодавшем воздухе, решили развести костер. Батака вывалил содержимое своего мешка на землю. Там оказался засохший початок кукурузы, небольшой самодельный нож, коробок

спичек, завернутый в тряпку, несколько листьев табака, деревянная трубка и две палочки длиной около двух футов каждая. Батака тщательно обернул их листьями и обвязал лианой, а затем, быстро вращая палку между ладонями, прижал ее конец к другой палке. От трения появились мельчайшие стружки, похожие на пену. Батака работал все быстрее и быстрее. Глаза его выпучились, а на лбу заблестели капли пота. Через несколько минут стружка задымилась и затлела. Тогда он оторвал кусочек материи от своей куртки и поднес вместе с сухими листьями к тлеющей стружке. Теперь я понял, почему его куртка состояла в основном из швов, на которых болтались отдельные лоскуты; куртка уже давно перестала служить для защиты его тела и стала лишь намеком на одежду.

Скоро загорелся веселый огонек. Пока мы грели руки над пламенем, вдали закричала горилла. Мы отошли от костра и стали красться вдоль оврага, туда, где, очевидно, кормились животные. Неожиданно раздался странный крик гориллы, напоминающий лошадиное ржание. Ни до этого, ни позже я не слышал ничего подобного. Другие наблюдатели отмечали такие же звуки, но никто не знает, что они означают.

Я приказал батва остановиться, а сам стал подкрадываться поближе. Две гориллы мелькнули в подлеске и спрятались. Впереди, футах в тридцати, зашевелился куст. С трудом можно было разглядеть темное тело спокойно кормящегося животного. Шаг за шагом я стал беззвучно двигаться в обход зарослей, однако вести наблюдения было невозможно, и я также тихо отступил.

Мои попытки приблизиться к гориллам взволновали батва, но я так и не понял, тревожились они обо мне или о себе. Когда мы двинулись по свежим следам, Батака все время твердил как заклинание: «Если ты пойдешь по этой тропе, тебя убьют гориллы». Иногда

батва нарочно теряли следы. В июне 1960 года, когда я вернулся в Недоступный лес вместе с доктором Нильсом Больвигом, работавшим тогда в колледже Макерере, я уже умел находить горилл не хуже батва. И если наши проводники отклонялись в сторону от следов, я просто шел один. Через некоторое время они меня догоняли, несколько встревоженные, но смирившиеся с необходимостью следовать за мной.

Однажды я ходил за группой в пятнадцать животных в течение четырех дней. Уже несколько недель не было дождя, и на гребнях гор под ногами шуршали сухие листья. В долинах было по-прежнему сыро. Хотя я тратил целые дни на попытки наблюдать за гориллами, мне удавалось видеть их лишь мельком, сквозь густой кустарник. Тем не менее, даже идя за ними по следу, можно многое узнать. Например, выяснилось, что животные избегают соприкосновения с водой, Они трижды пересекали небольшой ручей, менее восьми футов шириной и глубиной не более двух футов. Один раз гориллы перешли ручей по бревну, в другой раз повалили три древовидных папоротника, чтобы получился мост, а в третий раз они прыгали на камень, лежащий посередине ручья и чуть прикрытый водой. Другим прыжком обезьяны достигали противоположного берега. Кроме этого, идя по следам, можно было еще раз убедиться в том, что гориллы кормятся главным образом в долинах, поросших сочной зеленью, но на ночевку поднимаются на склоны и гребни холмов.

Интересно отметить, что в Недоступном лесу водились и шимпанзе. Мы узнали об этом, найдя гнезда горилл и шимпанзе на одном и том же холме. К сожалению, нам не удалось видеть вместе эти два вида обезьян, находящихся в таком близком родстве.

Обследовав гнезда шимпанзе, я увидел, что они похожи на гнезда горилл. Только расположение их и

экскременты указывали на то, кому из этих двух видов обезьян принадлежат гнезда. Шимпанзе никогда не располагается на ночлег на земле, обычно устраиваясь на высоте от пятнадцати до восьмидесяти футов над землей, в густой листве деревьев. Кал шимпанзе совершенно не похож на кал гориллы и по форме напоминает скорее человеческие экскременты.

К концу пребывания в Недоступном лесу мы подвели итоги работы. Были найдены свежие гнезда в пяти удаленных друг от друга местах, очевидно, ночевки пяти различных групп. Число животных в них колебалось от двух до четырнадцати. В этой местности горилл меньше, чем в районе вулканов Вирунга. Побывав в разных частях Недоступного леса, мы пришли к выводу, что в нем обитало около ста пятидесяти горилл, узнали их рацион, ознакомились с тем, как они устраивают гнезда, и получили некоторые сведения об их поведении. Как и в Кисоро, длительные наблюдения за этими животными возможны лишь тогда, когда они кочуют по открытым долинам.

До отъезда было решено хотя бы поверхностно обследовать восточную часть леса. Лучше всего было проделать это в машине. Когда настало время выезда, батва испугались. Наконец трое из них забрались на заднее сиденье, нервно хихикая и судорожно сжимая в руках копы. Это была их первая поездка в автомобиле. Но Бичуму остался стоять на шоссе. Его товарищи манили его жестами, смеясь и притворяясь, что им совсем не страшно. Бичуму стоял неподвижно, гордо выпрямясь и отрицательно качая головой. Старик не доверял враждебной ему цивилизации, недавно вторгнувшейся в его родные края. Вдруг он повернулся к нам спиной и сел на дорогу. Так мы его и оставили. Оглянувшись, я увидел маленькую коричневую фигурку, неподвижную и одинокую на желтой дороге, а вокруг нее простирался бескрайний зеленый лес.

Отдых на равнинах

Существует мнение, что и человек и животные с трудом приспосабливаются к биотопу, отличному от того, в котором они выросли. Например, считается, что пигмеи не любят открытых равнин, а европейцы, находясь в гилее, испытывают чувство беспокойства — им кажется, что они заперты в каком-то тесном помещении. Думаю, что в этом есть большая доля правды; по крайней мере я всегда испытывал чувство облегчения, когда после нескольких недель, проведенных в лесу, передо мной снова открывались широкие горизонты.

Закончив работу в Недоступном лесу, мы поехали к северу через Руинди — равнинные охотничьи угодья Парка Альберта. Руинди, лежащее у южной оконечности озера Эдуарда, — единственное место в самом парке, где есть постоянные туристические базы. Кроме того, оно находится в центре заповедника и отсюда можно наблюдать на заросших травой равнинах и на обрамленных пальмами реках стада буйволов, слонов, бегемотов, антилоп водяных козлов, а также львов, леопардов и бородавочников.

Мы миновали Руинди, выехали из узкой долины, направляясь к северу, через горы, и спустились в городок Бени, расположенный у самого леса Итури, зеленого океана, простирающегося до самого горизонта. В этом городке несколько греческих лавочек. Есть и маленькая гостиница — «Отель Мажестик», в которой мы остановились. На закате, когда равнины уже погрузились в густую тень, мы увидели Лунные горы. Они вздымаются над долиной почти на семнадцать тысяч футов. Это пенеплен,

поверхность которого сильно выветрилась; среди голых скал лежат ледники.

Ледники сверкали темным золотом и постепенно меркли по мере того, как солнце садилось все ниже и ниже. Нам посчастливилось насладиться редким зрелищем. Нередко Лунные горы бывают укрыты облаками по несколько недель кряду, так что случайно попавший сюда путешественник и не догадается об их существовании. Африканцы дали этим горам подходящее название — «руенжура», что означает «место дождя».

В I веке нашей эры грек Диоген будто бы проник в глубь континента со стороны Занзибара. После двадцати пяти дней пути он достиг окрестностей двух больших озер и горного хребта со снежными вершинами, в которых берет свое начало Нил. Об этом написал сирийский географ Маринус Тирский, а в 150 году нашей эры Клавдиус Птоlemeус, более известный под именем Птолемея, составил свою знаменитую карту, на которой показан Нил, текущий с Лунных гор на север. И все же человечество узнало об этом наверняка только семнадцать веков спустя. Хотя считается, что Генри Стэнли первый открыл эти горы в 1888 году, другие европейцы видели их раньше него. В 1864 году сэр Сэмюэль Бейкер, который открыл озеро Альберта, увидел издалека какой-то горный хребет и назвал его Синими горами; два члена экспедиции Стэнли, Парк и Маунтений-Джефсон, заметили ледники с озера Альберта за месяц до того, как это сделал сам Стэнли.

На Лунных горах нет горилл, но по их нижним склонам бродят шимпанзе. В течение двух дней, в начале мая, мы обследовали этот горный массив. Пока Док искал шимпанзе у подножия гор, я отправился вдоль долины Бутагу. Я видел, что кое-где эти обезьяны выгрызли сердцевину из стеблей диких бананов;

издалека доносился рев животных. Вместе с проводником мы начали быстро подниматься в гору и, миновав зону бамбука, вошли в заросли древовидного вереска. Слой мха сфагнома доходил до трех футов толщины, тропинка представляла собой настоящее болото, и мрачный свет пробивался сквозь серебристо-серые лишайники, гирляндами свисавшие с ветвей. Мы оставили поклажу в хижине Махангу и продолжали подъем, вступив в зону гигантских сенецио.

На высоте примерно тринадцати тысяч футов нам встретился «Кампи-я-Чупа» — «Лагерь Бутылки». Лагерь получил это название потому, что немецкий зоолог Франц Штульман оставил на этом пригорке бутылку, обозначив ею наивысшую точку, достигнутую им в 1891 году. Некоторое время мы продолжали подъем, затем повернули обратно.

Ледники были закрыты облаками. Слева, в глубине затененной долины, лежало Лак Нуар (Черное озеро). Его темная поверхность была неподвижна, как смерть. На следующее утро мы вернулись в низины. Ничего полезного сделать не удалось; в сущности этот поход был глупостью, и все же я был доволен, что побывал на горе.

В этот вечер мы встретились с Мича, прибывшим сюда для обследования северной части Парка Альберта. Мы сидели на веранде отеля Митумба, расположенного у подножия гор, пили джин и болтали о разных пустяках. Мича спросил: «А вы были в Ишанго? Нет? Непременно поезжайте туда. Это самый красивый уголок Парка Альберта».

Мы последовали его совету. 8 мая, под вечер, мы съехали с шоссе на дорогу, ведущую на юг к Ишанго. Она представляла собой просто две колеи, тянущиеся через холмистые, поросшие травой равнины, с разбросанными кое-где небольшими группами акаций. Далеко впереди сквозь золотистую вечернюю тишину

двигалось стадо слонов, голов в пятьдесят, — величественных животных, властелинов минувших эпох. Справа от нас склоны гор, круто поднимавшиеся над долиной, неясно рисовались в косых лучах заходящего солнца.

Наивысшей точкой хребта, поднимающейся приблизительно на семь тысяч футов над нами, была гора Чабериму — крайняя северная оконечность района обитания горных горилл. К северу от этого массива местность резко понижалась. Я с интересом рассматривал гору Чабериму — она была целью нашего следующего похода.

Нет сомнения, что Ишанго — одно из красивейших мест в Африке. Оно расположено на северном берегу громадного, в пятьдесят миль длиною, озера Эдуарда, в том месте, где из него вытекает река Семлики и течет, извиваясь к северу, в сторону озера Альберта и Белого Нила. На выступе, с которого открывается вид на озеро, стоят два павильона для отдыха. Мы вынесли стулья на самый край выступа и стали любоваться рекой, текущей в двухстах футах под нами. Река плавно изгибалась в сторону горных склонов. Она текла в берегах, обрамленных кустарником, среди которого тут и там росли древовидные молочаи, простиравшие к небу свои темно-зеленые сочные ветви. Небольшая, грушевидной формы отмель около устья реки, видимо, была излюбленным местом отдыха множества водоплавающих птиц. Там собралось около двухсот бакланов; когда с наступлением сумерек они улетели вниз по реке, стая пеликанов с розовыми спинами и стая совсем белых прилетели цепочкой, одна за другой, величественно взмахивая крыльями. Эти нелепые птицы сели на островке — белые пеликаны с одной стороны, пеликаны с розовыми спинами с другой.

В камышах под нами отдыхал бегемот. Он тяжело дышал, и на его серовато-розовой шкуре была видна

глубокая рана. Другие бегемоты лежали, погрузившись в реку. Над поверхностью воды виднелись только их ноздри и выпуклые глаза. Иногда какое-нибудь животное поводило ухом и издавало басовитое «хо-хо-хо». Этот звук отдавался от берега до берега. Десять молодых бегемотов вылезли на песчаную отмель ниже по течению и гонялись друг за другом, словно огромные щенята, разевая гигантские пасти.

Стадо из восьми рыжевато-коричневых антилоп водяных козлов вышло из кустарника и спустилось гуськом по узкой тропинке. У воды самец обернулся, словно почуяв опасность, потом склонил голову с длинными изогнутыми рогами и начал пить рядом со своими самками. Двадцать слонов пришли на водопой; быстро темнело, и в сгущавшихся сумерках мы различали только их неясные силуэты. После этого не было ничего — лишь безмерная тишина ночи.

Мы покинули этот очаровательный уголок на следующий день рано утром. Однако мне удалось побывать там еще раз, в сентябре 1960 года, вместе с доктором Жаком Вершуреном, который тогда работал в качестве биолога в Национальном Парке Альберта. Когда я один пробирался вдоль берега озера Эдуарда, вблизи устья реки, я был настороже, опасаясь встречи с бегемотом. Огромное тело и тощие ноги этих животных создают обманчивое впечатление о той быстроте, с которой они могут двигаться на суше. Когда бегемот пасется ночью на берегу, он может стать опасным, если ему покажется, что отрезан путь к убежищу, то есть к воде.

Национальный парк королевы Елизаветы. Два льва около убитого буйвола. В воде видны головы и спины гиппопотамов

Франк Поппельтон, егерь из Парка королевы Елизаветы, который примыкает к Национальному Парку Альберта с востока, рассказал мне, что за последние несколько лет в его парке погибло десять африканцев. Пятеро были убиты бегемотами, буйволы забодали четырех женщин, собиравших хворост в густых зарослях, а последнего из этого списка погибших убил слон.

Множество бегемотовых троп, вытоптанных в твердой Глинистой почве ногами целых поколений этих тяжеловесных животных, вело от озера и реки к равнинам. Вблизи этих троп, обычно около кустов, лежали кучи навоза. Бегемоты имеют любопытное обыкновение мочиться и испражняться одновременно, а быстро машущий хвост животного разбрасывает испражнения во все стороны. Возможно, что навоз и моча служат как бы дорожными знаками,

указывающими другим представителям этой породы, кто здесь прошел. Это похоже на то, как собаки размечают границы своих владений, оставляя знаки на деревьях и изгородях. Граф Корнэ д'Эльзиус, который в то время был директором лагеря в Руинди, рассказал мне местную сказку, объясняющую эту привычку:

«Бог сотворил бегемота и велел ему накосить травы для других животных. Но когда бегемот пришел в Африку и увидел, как там жарко, он попросил у бога позволения сидеть в воде в течение дня и косить траву только по ночам. Бог не очень хотел давать такое позволение потому, что боялся, что бегемот будет есть рыбу, а не косить траву. Но бегемот дал обещание не есть рыбы, и тогда ему было позволено сидеть в воде. И вот теперь, испражняясь, бегемот раскидывает навоз хвостом, чтобы показать богу, что в нем нет рыбьей чешуи».

Взрослый бегемот, вес которого может достигать до двух тонн, должен поедать огромное количество травы, чтобы насытиться. Поскольку охота на бегемотов запрещена, их поголовье в Парке королевы Елизаветы и Национальном Парке Альберта невероятно увеличилось, и теперь около тридцати трех тысяч животных населяет озера и реки этих парков. Даже периодические эпидемии сибирской язвы не уменьшают их количество. В Парке Елизаветы это становится настоящей проблемой — слишком много животных, слишком мало травы. Травяной покров у берегов озер и рек полностью объеден, в результате чего возникла эрозия почвы. В поисках пищи животные стали уходить все дальше и дальше. Перед администрацией Парка встала трудная проблема, которая рано или поздно возникнет перед всеми парками, где есть стада крупных животных, а территория парка мала. Администрация знает, что паркам грозит опасность превратиться в пустыни, и все же они не хотят произвести отстрел лишних животных

потому, что цель заповедников — сохранение животных в их природных условиях, без вмешательства человека. А между тем человек-охотник был неотъемлемой частью экологии в течение многих тысяч лет. Кроме того, большинство парков недостаточно обширны для того, чтобы быть независимыми заповедниками, удовлетворяющими все свои нужды. Когда же обиталища становятся для животных слишком тесными, то им некуда податься — со всех сторон они окружены человеком. В Уганде администрация наконец решилась произвести отстрел некоторого количества бегемотов в самом парке и на его окраинах; этим они спасли заповедные земли и в то же время дали африканцам мясо. Вывод отсюда ясен: парки нельзя полностью оставлять на произвол судьбы, ими надо разумно управлять.

Я нашел небольшой холмик и сел на нем, вооружившись биноклем. Светило утреннее солнышко. Гора Чабериму, окутанная туманом, словно плыла над землей, а вдалеке, над сверкающей гладью озера Эдуарда, стояли черные столбы поденок. Отмель на противоположном берегу была покрыта водоплавающими птицами. Около восьмисот бакланов стояли тесными рядами. Некоторые птицы распустили крылья, желтая кожа на их горлах быстро трепетала, Временами два баклана приветствовали друг друга весьма изысканным образом: покачивая головой взад и вперед, они сближались мелкими шажками до тех пор, пока их грудки почти соприкасались, и затем вытягивали кверху шеи. Два священных ибиса, выглядевших очень торжественно в своем белоснежном оперении, с черной головкой и шеей, бродили по отмели. Неподалеку стояло девять лесных ибисов. Вид у них был озабоченный. Их голые темно-красные головы и желтые клювы составляли резкий контраст с черно-белым оперением. Когда пеликан с розовой спиной

выронил из клюва какую-то еду, к нему ринулся лесной ибис и подхватил кусочек. В стороне, на небольшой зеленой лужайке, стояли разные птицы: две серые цапли, одна цапля голиаф, одна средняя белая цапля, четыре большие белые цапли, один ябиру, тринадцать малых белых цапель и восемь марабу.

Мне особенно нравятся марабу, с их голыми головами и шеями красноватого цвета, усеянными черными пятнами. Эти птицы не очень красивы, но когда они выступают важно, с задумчивым видом, им нельзя отказать в какой-то особой, торжественной элегантности. По своим повадкам это скорее хищные птицы, чем аисты. Во время дневной жары они парят на большой высоте, легко скользя на восходящих потоках воздуха. В городе Катве, на северной оконечности озера Эдуарда, марабу, совсем ручные, стоят вокруг помойных куч, подняв плечи и опустив головы, в ожидании рыбьих потрохов.

Варан длиной около трех футов подплыл к птицам, стоявшим на берегу, вылез на песок и заковылял к бакланам. Уступая ящерице дорогу, птицы неторопливо посторонились, а проходивший мимо пеликан бросил беглый взгляд на своего дальнего родственника. Минут десять ящерица бродила между птицами, затем вошла в воду и уплыла.

У самых ног я нашел кусок кварца. Было похоже, что он обколот рукой человека. Я начал поиски и вскоре собрал целую пригоршню обломанных наконечников стрел, скребков, острых осколков и недоделанных орудий.

Когда-то, давным-давно, здесь сидели охотники, мастерили оружие и поглядывали на равнину в надежде увидеть антилопу или какое-нибудь другое животное, идущее по узенькой тропе к береговому обрыву. Доктор Жан де Хайнзелин, который производил раскопки на месте древнего поселения около Ишанго,

сказал мне, что некоторые из этих каменных орудий не старше ста пятидесяти лет. Но первобытные люди жили в этих местах давно. Около девяти тысяч лет тому назад здесь было поселение охотников и рыбаков эпохи мезолита. Эти люди охотились на животных с копьями и употребляли гарпуны, чтобы убивать бегемотов. Внезапно земля вокруг них стала взрываться, образуя огромные кратеры на дне долины и на склонах гор. В течение ряда лет образовалось около двухсот кратеров. Некоторые из них были диаметром в милю и глубиной в тысячу футов. Ныне края кратеров поросли лесом, а кое-где их заполнила вода и они превратились в озера. Эти кратеры — одно из самых интересных явлений природы в Парке королевы Елизаветы. В конце засушливого сезона, когда трава начинает вновь зеленеть, в кратеры приходит множество слонов. Если смотреть на них сверху, они напоминают серых жуков, ползающих по зеленому ковру.

Можно представить себе, каким ужасом был объят первобытный человек, когда земля начала содрогаться, а его хижины погребал под собой слой серого пепла. Деревня Ишанго была покинута, и в течение многих столетий здесь не было нового поселения.

Я никогда не забуду дни, проведенные в Ишанго и других парках Восточной Африки, и считаю посещение этих мест, пожалуй, наиболее значительным событием моей жизни. Природа там такая, какой она была до появления современного человека, и только там можно наблюдать животный мир Африки во всей его полноте и разнообразии.

Когда я заметил семейство львов, лениво отдыхающих в тени кустов; увидел, как трусцой убегает бородавочник — безобразный и все же чем-то привлекательный; когда я забавлялся зрелищем сотен шипящих друг на друга хищных птиц, покрывающих труп животного, — в эту кишашую массу врывались

шакалы и гиены, чтобы урвать себе кусок; когда я наблюдал множество интересных сцен, легко было забыть, что большая часть крупных животных в Африке истреблена и доведена до ничтожного числа и что вне пределов национальных парков и заповедников почти не осталось диких животных.

Многие люди до сих пор представляют себе Африку как страну, кишашую огромными стадами крупных животных. До второй мировой войны так оно и было во многих районах этого континента. Однако теперь такие скопления животных существуют лишь в воспоминаниях людей старшего поколения. В Уганде, в Энтеббе, есть небольшой зверинец, где департамент охоты содержит животных перед отправкой их в различные зоопарки. Я видел, как толпы африканцев с восторгом разглядывали зверей, которых они никогда не видали в природных условиях, и тогда понял, как резко уменьшилось поголовье диких животных.

Существует несколько причин, вызвавших это уничтожение. Незаконная охота, которую ведут местные браконьеры, по масштабам своим равна серьезному коммерческому промыслу. В прошлом аборигены охотились только для еды. Теперь же существует значительный по размерам черный рынок, где продается сушеное мясо, слоновая кость, рога носорогов, якобы обладающие возбуждающими свойствами, хвосты диких животных — ими удобно отмахиваться от мух, жилы жирафов, из которых делают тетиву для луков.

Ученый-эколог Дарлинг, обследовав один район в Кении площадью приблизительно в сто квадратных миль, убедился в том, что браконьеры убивают там в течение одной недели от одной до двух сотен крупных животных, прибегая к весьма жестоким способам охоты, ведущим к тому же к уничтожению непомерно большого количества зверей. Для ловли крупных

животных, например слонов, часто применяется проволочная петля, прикрепленная к тяжелому бревну. В Парке королевы Елизаветы мы видели слона, которого егерю пришлось пристрелить потому, что проволока врезалась слону в ногу до самой кости и у него получилась незаживающая, гноящаяся рана. На звериных тропах роют ловушки, охотники, вооруженные отравленными стрелами, сидят в засадах у водопоев и убивают животных, когда те приходят пить. Иной раз ловушки не проверяются по многу дней и животные умирают в мучениях, а потом их пожирают стервятники. Иногда западни роют цепочкой на протяжении мили и гонят туда целые стада. После удачной охоты браконьер зачастую не может сбыть все мясо и многих покалеченных животных просто бросает; они еще живы, но не могут передвигаться. Иногда за ними приходят позже, но чаще они так и погибают напрасно.

Кто-то в шутку предложил воздвигнуть памятник мухе цеце потому, что это маленькое насекомое сохраняет диких животных Африки, не позволяя заниматься сельским хозяйством и животноводством во многих районах. Муха цеце питается кровью диких животных, в которой живут смертоносные простейшие — трипанозомы. Дикие животные выработали иммунитет, но у домашнего скота трипанозомы вызывают смертельную болезнь — нагану. Другая разновидность мухи цеце — носитель сонной болезни, смертельной для человека. Однако эта болезнь теперь в основном побеждена и находится, под контролем. В течение долгого времени местные правительства пытались уничтожить муху цеце и дать людям возможность поселиться в ряде районов. Пытались истребить всех диких животных в надежде, что мухе цеце будет нечем питаться и не будет среды для размножения трипанозом. Недавно за два с половиной года в одном из районов Уганды было уничтожено

двадцать восемь тысяч антилоп — водяных козлов, лесных антилоп, дукеров и других животных — все это ради истребления мухи цеце. Мясом этих животных никто не воспользовался. По той же причине в Южной Родезии за двадцать пять лет было уничтожено более полумиллиона голов диких животных. В Уганде в период между 1927 и 1958 годами по различным санитарным соображениям было отстрелено 31 966 слонов, а за это же время охотники, имеющие специальные разрешения, добыли только 8170 слонов. Недавно проведенные исследования показали, что трипаномы обитают также и в крови различных мелких зверьков, что и они подвергаются укусам мухи цеце. Теперь можно считать, что почти поголовное истребление крупных животных весьма сомнительный способ борьбы с этой мухой.

Там, где живет человек, количество крупных диких животных резко уменьшается: на них охотятся, места их обитания подвергаются коренным изменениям. Сэр Джулиан Гексли высказал мнение, что равнины, саванны, леса, растущие в доступных местностях, и другие места обитания животных в Африке настолько неустойчивы в экологическом отношении, что интенсивное земледелие и скотоводство быстро превращает эти районы в пустыню, непригодную ни для человека, ни для животных. Население Африки растет и распространяется все дальше и дальше, занимая все уменьшающиеся районы обитания диких животных. Что можно сделать, чтобы спасти то немногое, что осталось?

Сохранение животного мира зависит в конечном счете от самих африканцев. Нельзя требовать, чтобы человек, занимающийся сельским хозяйством, оберегал дикую фауну, — ему нужна земля, нужно мясо, и ради сохранения собственной жизни он не потерпит на своих полях слонов и буйволов. Для скотовода его коровы и

козы дороже всего, и, чтобы сохранить пастбища для своего скота, он будет истреблять других животных.

Трагическое положение, в котором очутились крупные дикие животные Африки, привлекло к себе внимание всего мира. Специалисты по сохранению поголовья диких животных, такие, как Гржимек (ФРГ), Дарлинг и Гексли (Англия), Бехнер, Петрид, Тальбот, Лонгхэрст (Америка) и другие, посещали Африку в надежде найти выход из создавшегося положения. В Найроби было образовано Кенийское Общество охраны природы, а Нью-Йоркское Зоологическое Общество создало для этого специальный фонд. Еще несколько лет тому назад будущее животного мира выглядело весьма мрачным, однако хотя и запоздалые, но интенсивные усилия ученых принесли некоторые результаты, могущие, как я полагаю, обеспечить хотя бы частичное сохранение неповторимо своеобразной, уникальной африканской фауны.

Следует исходить из того, что африканцы будут сохранять диких животных только в том случае, если смогут извлекать из этого прямую материальную выгоду и будут помнить, что Дикие животные представляют собой значительный природный ресурс, требующий правильного использования. Было наглядно доказано, что во многих районах можно получить больший доход от диких животных, чем от домашних. Например, одно земельное владение в Южной Родезии дает четыре фунта мяса дичи с каждого акра земли и только три фунта мяса домашних животных. В Уганде было установлено, что буйволы прекрасно развиваются и нагуливают вес на природных пастбищах, непригодных для домашнего скота. Ежегодный отстрел, так сказать «сбор урожая» диких животных на мясо, производимый за счет прироста числа животных, не уменьшающий их постоянное количество и осуществляемый совместно с африканцами, кажется

нам наилучшим способом сохранения поголовья животных, находящихся вне пределов национальных парков. Порядок, при котором вся добыча поступает африканцам, дает им возможность получать мясо и шкуры и в то же время сохранять в нерушимости природные условия. Племена, живущие около областей, в которых действует такая система, будут получать дополнительные выгоды и от туризма. Например, в Кении туризм является вторым по размеру источником национального дохода. Сафари, организуемые для охоты или фотографирования, принесут дополнительные средства.

Экологи обнаружили, что в некоторых районах наличие какого-то количества диких животных улучшает пастбища домашнего скота. Разные виды копытных животных в районах своего обитания достигли удивительного природного равновесия. Некоторые из них едят один вид травы, другие — другой. Одни пасутся в низком кустарнике, другие — в высоком, тогда как домашний скот употребляет в пищу только несколько определенных видов трав. И растения, не поедаемые домашним скотом, разрастаются за счет тех, которыми он кормится.

Необходимо, чтобы африканцы как можно скорее уяснили себе ценность дикой фауны. В Америке мы можем на основании горького собственного опыта говорить о том, какая участь постигает диких животных, не взятых под охрану. Исчезли огромные стаи странствующих голубей, лабрадорских уток, лугового тетерева и других птиц; исчезли и громадные стада бизонов, под чьими копытами дрожала земля, почти не осталось карибу и баранов-толсторогов.

Гексли говорит: «Охрана природы должна стать основой всей политики. Новые африканские нации должны понять жестокую истину, что без правильной презервации почвы, вод и природной растительности их

земли станут убыточными и бесплодными. Они должны помнить о высокой ценности их природных ресурсов, в том числе диких животных, и красот природы».

Собственно, вся проблема заключается в экологии человека. Человек побеждает болезни, которые в прошлом сдерживали прирост населения. Он расширяет свою власть над природой, уничтожая животных и истощая почву. Тот же склад ума, который некогда дал ему возможность одержать победу надо львом и медведем, теперь толкает его на то, чтобы окончательно подчинить себе природу, принести вечные ценности в жертву непосредственной выгоде. Разрушение земли зависит от его каприза и сновидения; человек не чувствует, не понимает того, что сам он является не чем-то особым, отличным от растений, животных, вод и земли, а, наоборот, составляет с ними неразрывное целое. Он зависит от всего этого не меньше, чем простейший организм, муха цеце и горилла. Ставя себя вне общей экологии, человек становится тираном земли, тираном, которому предстоит неизбежное падение, если он и выиграет битву за существование.

Гора Чабериму

Человек, находящийся на плоскогорье, расположенном к западу от озер Киву и Эдуарда, чувствует себя так, словно он живет не на земле, а в воздухе. Климат здесь умеренный и, даже когда полуденное солнце стоит прямо над головой, дышится легко. В этих горах поселилось много европейцев. Они выращивают чай и белоцветный пиретрум, из которого делают порошок против насекомых. На зеленых лугах пасутся стада коров голштейнской и фризской пород и другой молочный скот.

Еще недавно на месте этих лугов шумел лес и в нем бродили гориллы. Плоскогорье покрыто толстым слоем плодородной земли. Здесь можно заниматься постоянным земледелием. Большая часть первоначальной растительности уже уничтожена; от нее остались только небольшие участки высоко на холмах или в лесных заповедниках. Однако местное население, и европейское и африканское, отвоевывает под поля земли, лежащие все выше и выше по склонам холмов. Однажды, когда Док и я в поисках горилл обследовали холмы к западу от Букаву, мы, отъехав уже много миль от ближайшего жилья, остановились у конца проселочной дороги. Вокруг были заросли бамбука. Здесь, на высоте девяти тысяч футов над уровнем моря, мы дрожали от пронизывающего холода. Неожиданно перед нами открылось обработанное поле, на нем стояла дощатая хижина. День был пасмурный, ледяной ветер гнал обрывки облаков над самой землей. В этом неприветливом уголке поселилась фламандская семья — муж с женой и тремя маленькими дочерьми, несмотря на то что бельгийское правительство не слишком поощряло таких постоянных поселенцев. Нас

угостили кофе, и мы выпили его, стоя у печки. Семья пробовала разводить здесь свиней, но это им не удалось. Сейчас их судьба целиком зависела от урожая турнепса.

В этих горах много миссий — импозантных кирпичных зданий, возвышающихся на вершинах холмов. По бокам их жмутся туземные деревушки. Католики, баптисты, адвентисты седьмого дня сменяли друг друга пестрой чередой. Некоторые из этих религиозных групп враждуют друг с другом. Авторитет христианской церкви в Африке сильно упал благодаря той крайней нетерпимости, с которой одна секта относится к другой. Значительное предпочтение оказывалось католическим миссиям, и с 1925 по 1945 год только они и получали субсидии на содержание школ.

В середине мая Джинни поехала в Родезию навестить своих друзей. Док, Кей и я остались вести наблюдения над гориллами на горе Чебериму и в ее окрестностях. Гора Чебериму возвышается на десять тысяч футов. Хотя граница Парка Альберта в одном месте отступает от берегов озера Эдуарда, с тем чтобы включить в свои пределы гору Чебериму, эта часть заповедника редко посещается администрацией парка. За последние годы только доктор Вершурен провел здесь несколько дней. 16 мая мы подошли к Чебериму с запада, со стороны деревни Мазерека. Наши носильщики шли впереди, весело перекликаясь с женщинами, работающими на полях. Земля здесь богатая, зеленая, всюду поля бобов, картофеля, гороха и пшеницы. Маленькие возделанные участки поднимались на склоны холмов по линиям контурной пахоты. Каждая терраса отделялась от другой живой изгородью пеннисетума красного (слоновой травы); это препятствует эрозии почвы. Деревушки лепились по гребням холмов, и каждая круглая хижина належала на

свою соседку, словно опасаясь упасть без ее поддержки. Лес в этом районе был уже давно сведен, и только рощицы австралийской длиннолистной акации росли в защищенных от ветра оврагах, над которыми лениво кружили бурые змеяеды. Контурное земледелие было введено здесь под нажимом бельгийцев. По их же распоряжению разбросанные в беспорядке хижины были собраны в деревушки, а отхожие места построены ниже уровня жилых хижин.

Гора Чабериму виднелась впереди, вся окутанная темными тучами, возвещавшими нам, какова будет погода в ближайшие две недели. После четырехчасового перехода мы достигли бамбуковой рощи. Пошел дождь. Земля была мягкая, усталая листьями и невероятно скользкая. Балансируя, чтобы не потерять равновесие, мы перебрались по камням через реку Кибио. Вниз по течению река уходила в темный тоннель, образованный склонившимися бамбуковыми стволами, и текла дальше, к реке Конго, а потом в океан. Мы долго карабкались вверх по склонам Чабериму и наконец добрались до небольшой лужайки в зарослях бамбука. Один раз доктор Вершурен уже разбивал здесь лагерь, мы решили последовать его примеру. Мы окопали небольшую площадку, носильщики вырубили несколько шестов, воткнули их в землю, затем связали гибкими корнями и лианами, и таким образом получились примитивные стены. Сверху был натянут брезент, а деревянные ящики служили полками для продовольствия. Расщепленные стволы бамбука были нам сиденьями. Док поставил себе отдельную палатку. Кей и я натянули гамаки между толстыми стволами подокарпусов, бросавших тень на наш лагерь.

Доктор Вершурен послал с нами двух африканцев из своего обслуживающего персонала, хорошо знакомых с этой местностью. Киеко, спокойный, приветливый

мальчик, с застенчивой улыбкой, должен был заготавливать топливо, мыть посуду и исполнять другую работу в лагере, а Кристоф был обязан договариваться с носильщиками и быть переводчиком — он знал с десяток французских слов. Я немедленно почувствовал к нему антипатию, увидев, с каким нахальным видом он командует другими африканцами и как пресмыкается и скулит, говоря с нами. Несколько парковых сторожей, на которых лежала охрана границ парка от браконьеров и порубщиков, появились из леса. Они устроили себе навес на склоне горы, выше нашего лагеря.

В последующие дни мы пытались наблюдать горилл в типичных условиях бамбукового леса, бродили по лесу вместе и по одиночке, в поисках гнезд и остатков пищи. Было найдено около восьмидесяти пяти гнезд, из них приблизительно треть была на земле, остальные на верхушках бамбуков, иногда в десяти футах над землей. Мы слышали рев горилл, слышали, как они бьют себя в грудь, но не видели их даже мельком. Все время мы ходили промокшие до нитки. Одежда так и не высыхала на влажном воздухе. С деревьев непрестанно капало, а каждое неосторожное прикосновение к стволу бамбука вызывало целый водопад ледяных капель. Наш лагерь был настоящим болотом. И все же непонятно, каким образом минуты величайших неудобств нередко оставляют приятные воспоминания. Помню, как однажды вечером Док и я, промокшие до костей, плелись, спотыкаясь, по извивающейся тропе, проложенной слонами, и продирались сквозь лианы. Мы торопились попасть в наш лагерь до наступления темноты. Совершенно изнемогающие, мы наконец добрались до нашего пристанища. В ожидании нас Кей приготовила горячее какао. Мы с благодарностью выпили его, сели у костра и грелись до тех пор, пока от наших штанов не повалил пар и мы не перестали дрожать.

Изредка выпадали солнечные утра. Тогда роса блестела на листве деревьев, а желто-зеленый бамбук приобретал такой мягкий, бархатистый оттенок, что мне хотелось встать и погладить рукой окружающие холмы. Снопам солнечного света косо падали на землю между стволами деревьев. Яркость лучей подчеркивала приглушеннее краски леса. Я любил неподвижно стоять и слушать молчание. Очень немногие птицы живут в бамбуковых рощах, и лишь изредка порывы ветра шелестят в листве над головой. Иногда мы взбирались на плоскую вершину горы и оттуда смотрели на долину в ущелье; она всегда сияла на солнце, даже когда у нас шел дождь.

Прожив с неделю, Док покинул нас и отправился искать горилл в горах, расположенных южнее. Небо было по-прежнему свинцовым, и Кей проводила большую часть времени в нашем унылом лагере. Она готовила еду и делала снимки; на ней также лежала неблагоприятная задача сушить по одной, прямо у костра, гербарные рамки с образцами растений. Поскольку я предпочитал ходить на поиски горилл в одиночестве (таким образом, можно было избежать споров о том, в каком направлении идти и когда возвращаться домой), африканцам в нашем лагере работы было мало. Кристоф был превосходный рассказчик, и все свое увлекательное повествование он играл, как актер, и даже давал ему звуковое сопровождение. Остальные слушали его рассказы, затаив дыхание, прерывая их только смехом или стоном. Искусство слушать нами почти утеряно, его сохранили разве только дети. Неграмотные африканцы обладают им в полной мере. Иногда они поют бесконечные песни, к которым добавляют новые куплеты на злободневные темы. Коеко записал для Кей несколько стихов на том наречии суахили, на котором говорят в его родной местности. Это наречие много проще и менее сложно в

грамматическом отношении, чем суахили, на котором говорят на востоке. Вот один из куплетов:

«Карисимби, Микено и Сабинио — горы мокрые и холодные. Ньярогонго — это гора огня. Говорят, что на горе Чабериму можно видеть горилл. Нам надоело искать этих горилл, потому что они существуют только в уме у сторожей. Мир нашей матери, мир нашему дому, тем, кто родился в Ручуру».

Не раз утверждалось, что гориллы живут главным образом в бамбуковых зарослях и предпочитают это растение всем другим. На самом же деле, бамбук покрывает лишь небольшую часть горного хребта — место обитания горилл. Мы обнаружили, что обезьяны предпочитают поедать нежные белые побеги, при помощи которых бамбук размножается. Хотя мы и собрали на горе Чабериму и вокруг нее образцы девятнадцати растений, употребляемых гориллами в пищу, все же в то время года, когда мы там были, бамбуковые побеги составляли основное питание обезьян. Даже экскременты животных стали мягкими, потому что в молодых побегах нет грубой клетчатки, придающей калу твердость. После обследования ряда бамбуковых рощ в разное время года мы убедились в том, что побеги этого растения появляются в определенные сезоны, как правило в период дождей, а в засушливые месяцы их почти нет. Если же отсутствуют молодые бамбуковые побеги, гориллы вынуждены искать другую пищу, а ее часто бывает мало. Таким образом, даже небогатые пищей бамбуковые леса становятся излюбленным местом пребывания горилл.

Я еще не был в северной части массива Чабериму; чтобы попасть туда, нужно было провести ночь в пути. 25 мая я отправился к северу через поля и деревни, чтобы сократить путь до леса, лежащего на обратном пути в лагерь. В этой стране, где чиновники редко

покидают свои конторы и еще реже путешествуют в стороне от больших дорог, я, одиноко бредущий белый человек с поклажей за плечами, казался полнейшей загадкой для обитателей деревушек. Они толпились на порогах своих хижин, молчаливо разглядывая меня: к чужим они относятся с подозрением. Ребятишки бежали за мной, хихикая и пересмеиваясь, подбивая друг друга подойти поближе. Если я вдруг останавливался и оглядывался на них, они с визгом убегали, и только их худенькие коричневые ножонки мелькали, как спицы в колесе. Постепенно это превращалось в какую-то игру, и все увеличивающаяся орава ребятишек бежала вслед за мной по холмам, пока я не исчез в зарослях бамбука.

Вскоре после того как я вошел в лес, раздался характерный звук «пок-пок-пок». Это самец с серебристой спиной бил себя в грудь. Направление, по которому двигались животные, можно было определить по ямкам в земле, вырытым ими, чтобы добраться до основания молодых бамбуковых побегов, и по обломанным стеблям с объединенными верхушками. Обезьяны двигались быстро, и пришлось отказаться от мысли идти за ними.

Выглянуло солнце, и я, присев у дерева на маленькой, поросшей травой горной полянке, принялся за обед, состоящий из галет, сыра, шоколада и сушеных фруктов. Дальше в лесу, на другой поляне, мне встретилась ловушка для голуболицых мартышек, красивых обезьянок с серовато-черным телом, черными ногами и хвостом. Через полянку был перекинут бамбуковый мост. Чтобы не спускаться на землю, обезьяны обязательно побегут по нему. Один согнутый шест с прикрепленной к нему ловушкой был положен так, что животное неизбежно должно было на него наступить и нажать деревянную палочку. В следующее мгновение ловушка срабатывала и душила животное.

Обнаружив эти признаки браконьерской деятельности, я стал внимательнее смотреть под ноги и по сторонам. Несколько дней тому назад я вместе с парковым сторожем шел по зарослям бамбука, несколько южнее границы парка. Вдруг я увидел тонкую лиану, натянутую поперек тропы, футах в пяти от земли. Я шел первым. Остановившись, стал оглядываться по сторонам, стараясь понять, почему здесь эта лиана. Взглянув наверх, увидел, что в футах двадцати надо мной, на дереве, лежит шестифутовое бревно, весом не менее ста фунтов, а на одном его конце укреплено острое железное копье, направленное прямо на мою голову. Это была ловушка для слонов. Слон, идя ночью по тропе, разрывает лиану, и копье, падая, вонзается ему в спину со всей силой тяжести бревна, к которому оно прикреплено.

Я шел вдоль гребня горы по одной из многочисленных слоновьих троп, которые пересекают бамбуковые заросли. Скоро стали попадаться свежие следы слонов. Отчетливо виднелись отпечатки ног, и тучи крошечных черных мушек вились над кучами навоза. Было еще тепло. Спустились облака, и серый туман потянулся от дерева к дереву, видимость уменьшилась до пятидесяти футов. Я продолжал двигаться вперед тихо и осторожно, напряженно вслушиваясь, не хрустнет ли ветка, не раздастся ли звук бурчания в желудке, вглядываясь, не видно ли серой слоновьей туши в этом сумрачном царстве, принюхиваясь, не потянет ли запахом слонов. Но единственным звуком в окружающей тишине был стук моего сердца. Я боялся наткнуться на стадо — очень опасно бежать от них в таком тумане. Наконец я решил заговорить с ними в полный голос: «Здравствуйте, слоны! Пожалуйста, сойдите с тропы! Я просто человек, слабое существо, без оружия. Я не причиню вам никакого вреда. Пожалуйста, сойдите с тропы и дайте

мне пройти!» И прямо впереди, совершенно беззвучно, слоны сошли с тропы и направились в сторону, в долину.

Моросящий дождь промочил меня до нитки. Хребет, вдоль которого я шел, разделился на несколько отрогов поменьше; потом я пересек одну или две долины, двигаясь, как мне казалось, в направлении лагеря. Я брел все дальше, высматривая, нет ли подходящего местечка под сенью деревьев, где можно было бы развести костер и устроиться на ночлег. Неожиданно я заметил странный, искривленный бамбук. Он показался мне знакомым. Я опустилсся на колени, осмотрел почву и увидел собственные следы. После этого я шел уже только по компасу. Вдруг ноги мои повисли в воздухе, я быстро повалился на бок и таким образом с трудом удержался на самом краю западни, вырытой и замаскированной среди тропы. Западня была конической формы и вся утыкана бамбуковыми кольями так, что любое небольшое животное, например рыжий лесной дукер, упав в нее, намертво застрял бы между ними.

Идя по краю болота, лежащего между пологими холмами, я по счастливой случайности набрел на небольшое пристанище, устроенное под деревьями. Это примитивное убежище, несомненно выстроенное браконьерами, состояло из покатой крыши, настланной из стволов бамбука, покрытых сверху слоем осоки. Я набрал хворосту, и после долгой возни мокрые ветви разгорелись; веселый огонь костра образовал островок света в окружающем сумраке. Я поставил на огонь банку фасоли и зарыл в угли картошку; штаны, куртку и носки развесил на палках у огня, а сам забрался в спальный мешок и, пока готовился ужин, вырезал себе ложку из куса бамбука. Над сохнувшей одеждой поднимался пар, дым от костра клубился под навесом, а затем выходил наружу и стлался над болотом, как

легчайшее покрывало. Уныло квакали лягушки; один раз послышался треск сломанной ветки. Меня окружали стволы бамбука, их вершины были скрыты облаками. Я принялся за фасоль. Хрустящая кожица печеной картошки треснула, из нее пошел парок. Поев, я подгреб костер и лежал, вслушиваясь в различные звуки. Для меня этот вечер был совершенным блаженством.

Без сожаления распрощавшись с нашим лагерем на склонах горы Чабериму, мы вернулись в Мазереку 30 мая, чтобы встретиться там с Доком. В течение недели Док успешно работал, составляя карту расселения горилл в этом районе. Теперь гориллы уцелели только в немногих изолированных островках, полностью окруженных возделанными землями. В 1928 году, когда господин Хэрлберт и его жена из миссии Китсомбрио совершали переход через эти горы, лес был обширен, а население было очень редкое. Теперь же положение как раз обратное и будущее горилл представляется весьма печальным.

Док обнаружил, что гориллы иногда выходят из леса и совершают налеты на поля, засеянные кукурузой и горохом. Такие нападения не увеличивают любовь к ним местного населения, несмотря на то что они причиняют, в сущности, мало убытка. Видимо, гориллы стали это делать сравнительно недавно, потому что в Уганде маис совсем не возделывали до появления там арабов в 1844 году, а в районе горы Чабериму, вероятно, до 1920 года. Взрослые гориллы неохотно пробуют новую пищу, и я удивлялся тому, что они приучились есть горох и маис. На научно-исследовательской станции в Конго есть несколько горилл, которые были пойманы взрослыми в низинных гилеях, где не растет бамбук. Когда им давали нежные побеги бамбука, они отказывались их есть. Баумгартель пытался подманить горилл на приманку из бананов, сахарного тростника и

других лакомств, но обезьяны совершенно не желали есть эту незнакомую им пищу. Однако детеныш, пойманный проводниками Баумгартеля, немедленно принялся поедать хлеб, ананас, морковь и другие продукты. Видимо, молодые гориллы, в отличие от взрослых, более смело пробуют незнакомую еду. Наблюдая японских макак, доктор Иманиши заметил, что самка учится есть новую пищу, например арахис и конфеты, от своих детенышей. Возможно, что у горилл это происходит таким же образом.

В районе горы Чабериму мы впервые оказались в местности, где аборигены охотятся на горилл ради их мяса, и делается это в виде коллективного развлечения. Хотя начиная с 1933 года, в соответствии с международным соглашением, гориллы находятся под охраной, нет никакой возможности проводить этот закон в жизнь в отдаленных деревушках. Во всяком случае, виновные всегда утверждают, что они убивают горилл лишь при самообороне. В нескольких деревушках Док раздобыл черепа и другие останки четырнадцати горилл. Это является доказательством того, что их уничтожают в значительном количестве. В промежутке между 1950 и 1959 годами в больницу при миссии в Китсомбрио поступило девять человек, раненных гориллами. У трех из них были незначительные ранения, но остальных пришлось госпитализировать. Во время охоты на одинокого самца с серебристой спиной были искусаны три африканца. Как раз перед нашим приездом самец-одиночка с черной спиной вышел из леса, перешел через поле и забрался в рощу акаций. Там его окружили местные жители, вооруженные копьями. Разъяренный самец бросился на одного из африканцев, схватил его за колено и щиколотку и укусил за икру, вырвав кусок мускула длиной около восьми дюймов. Медицинская сестра из больницы в Китсомбрио сказала Доку, что во

время охоты гориллы часто кусают аборигенов, пытающихся выручить своих охотничьих собак. Во всех случаях человек бывает нападающей стороной, а горилла только обороняется. При условии, когда все пути к отступлению отрезаны, даже самое смирное существо переходит к нападению и кажется свирепым. Как сказал Бернард Шоу: «Когда человек хочет убить тигра, он называет это спортом; когда тигр хочет убить его, человек называет это кровожадностью».

Прогулка в лесу 6 июня мы отправились на юг вдоль сине-зеленых вод озера Киву, а затем дальше, по окутанном туманом горным перевалам, к городу Букаву. Теперь, когда мы закончили наблюдения над гориллами в районе вулканов Вирунга, в Недоступном лесу и на горе Чабериму, было решено сосредоточить поиски на обширных плато, граничащих с озером Танганьика, и во влажных тропических лесах бассейна реки Конго, к западу от нагорья.

Букаву — красивый городок, расположившийся на мысах и по берегам бухт озера Киву. Усыпанные темно-красными цветами, деревья спатодеа затеняют широкие улицы. В магазинах можно найти новейшие товары из Брюсселя, Парижа и Копенгагена. Букаву, эту провинциальную столицу, населяет около пяти тысяч европейцев и приблизительно двадцать семь тысяч африканцев, которые живут и в стандартных многоквартирных домах, и в наскоро сколоченных лачугах на окрестных холмах.

Примерно в двадцати пяти милях к северу от Букаву, на склонах возвышенности, расположилась станция Научно-исследовательского Института Центральной Африки (НИИЦА), ведущая работу в области антропологии, протозоологии, вирусологии, ботаники и других наук. Сотрудники этой станции помогли нам найти и нанять двух африканцев, знакомых с южным районом, где водились гориллы.

Стоимость проживания на станции НИИЦА была не выше, чем в самой лучшей гостинице Букаву, и мы решили, что для Кей будет неплохо пожить на станции в течение двух недель, пока мы будем проводить наблюдения в лесу.

Мы поехали к югу, вдоль долины реки Рузизи. Хлопчатник на полях уже созрел, женщины и дети обирали с растений белые шарики. Высокие холмы, по которым в дальнейшем лежал наш путь, были круты и почти лишены растительности — кое-где росла негустая трава и встречались участки, покрытые осыпями. В долинах изредка попадались деревушки и миссии. Мы заночевали в одном из многочисленных домов для проезжающих, или, как их называют, «жите», разбросанных по всему району. Это примитивные домики, мебели в них мало — кровать, стол, несколько стульев. Они предназначены для ночлега государственных чиновников.

На следующий день нам рассказали в миссии Лемера, что за миссией, в участках леса, сохранившихся ближе к вершинам, по слухам, водятся гориллы. В одном месте мы нашли гнезда, после чего сын одного из миссионеров и я решили поискать следы обезьян несколько севернее. Мы прошли пешком несколько деревень, окруженных банановыми рощами. В деревнях толкли в муку высушенные клубни маниоки, доили коз, повсюду бегали ребятишки и куры. Впереди слышались непрерывные звуки «бум-бум-бум» — глухие удары в барабан. Мы заглянули внутрь хижины с низким потолком. Там, на полу, сидели на корточках мужчины с обнаженной грудью и хлопали в ладоши. Их белые зубы блестели в полумраке, тела лоснились от пота. В углу какой-то человек неистово выбивал дробь по днищу железного бочонка. Женщина в набедренной повязке кружилась на земляном полу. Ее поднятые над головой руки извивались все быстрее и быстрее. Вся во власти

ритма, она казалась каким-то необычайным существом из черного дерева.

15 июня мы добрались до городка Увира, расположенного в северной оконечности озера Танганьика. В полуденном зное городок казался вымершим. Одетые в белое, африканцы сидели, скрестив ноги, на верандах перед магазинчиками. Дорога была покрыта глубоким слоем пыли; перистые пальмы давали мало тени.

Время, казалось, остановилось в Увире, и мне легко было представить себе путешественника Спика, идущего по этой самой улице в 1858 году, когда он и Бэртон открыли озеро Танганьика. Я словно видел скромного Ливингстона и задиристого Стэнли, сидящих в тени манговых деревьев на окраине городка после своей встречи в Уджиджи в 1871 году. В те времена Увира была центром, куда свозили рабов перед отправкой на продажу. Арабы, пришедшие сюда в поисках рабов в 1850 году, были первыми чужестранцами, проникшими в Центральную Африку. Это они проложили путь для таких людей, как Спик и Стэнли. Многие путешественники не смогли бы проникнуть в глубь страны без помощи работорговцев. Исследователь Арктики Стефанссон цинично заметил, что «страна только тогда считается открытой, когда белый человек, предпочтительно англичанин, впервые вступит на ее землю».

К югу от Увиры с одной стороны дороги тянулись склоны гор, а с другой — голубые воды озера Танганьика. В тихих бухточках стояли большие каноэ, выдолбленные из целого ствола дерева, а на белом прибрежном песке было разложено для просушки множество дааги — рыбы, напоминающей сардину. В озере Танганьика водится около двухсот пятидесяти видов рыбы и многие из них — эндемики, а в озере Киву, геологически более молодом и отделенном от

соседних водоемов бурными реками, водится только пятнадцать видов.

Ехать приходилось очень осторожно, так как к вечеру на дорогах встречались африканцы, опьяневшие от помбе — пива, приготовленного из бананов.

Существует много способов приготовления помбе. Один из способов таков: закладывают бананы в яму и укрывают их листьями и землей. Три дня спустя снимают верхний слой земли, а еще через три дня вынимают бананы и кладут в деревянное корыто. Их топчут ногами, чтобы выжать сок. Затем добавляют некоторое количество муки из зерен сорго, и эту смесь оставляют дня на два, чтобы она забродила. В результате получается светлая, беловатая жидкость, обладающая кислым вкусом и запахом.

Мы миновали находящееся невдалеке от берега нагромождение небольших голых скал, носящее название «Острова Нью-Йорк Геральд». Это был несколько необычный знак признательности Генри Стэнли газете, которая финансировала его поездку в Африку. Мы проехали еще немного, горы начали отступать от озера, и мы покатали по сухой, холмистой саванне.

Глядя на карту, можно подумать, что город Физи (что на языке суахили значит «гиена») — оживленное местечко. В действительности, как мы скоро убедились, он состоит из больницы, гостиницы и конторы местного администратора — эта должность соответствует тому, что англичане называют «уполномоченный по району». Доверяться картам здесь дело рискованное. Может оказаться, что деревня переехала в другое место или совсем исчезла, дороги, отмеченные на карте четкой красной линией, могут оказаться непроходимыми или заброшенными, или еще находящимися в стадии строительства. Мы спросили, как проехать к гаражу, — наша машина нуждалась в простейшем обслуживании.

Нам ответили, что на территории Физи гаражей нет. Ближайший гараж находится в Усумбуре, в ста милях отсюда.

К западу от Физи, там, где рассеченные ущельями горы резко обрываются к саванне, находится самая южная часть района обитания горных горилл. Единственная узкая тропа, проложенная к рудникам, идет в горах. По ней мы и поехали. Скоро начались обширные районы лугов и горных дождевых лесов. На самых высоких хребтах виднелись бамбуковые рощи, Деревни попадались редко, городов не было совсем. Кое-где встречались горные разработки, кое-где миссии.

Область, которую нам предстояло обследовать, была огромна, и единственно, что можно было сделать, это познакомиться с ней хотя бы поверхностно.

Приходилось довольствоваться сведениями о гориллах из вторых рук, рассказами горнорабочих, государственных чиновников и особенно местных жителей. Через каждые несколько миль мы встречали на дороге африканцев — небольшие группы и отдельных пешеходов. Некоторые из них были настолько робкими, что прятались в кусты при появлении нашей машины, однако большинство охотно отвечало на вопросы: «Живут ли гориллы на этой горе? А встречаются они вон в той стороне? Можешь показать нам гнезда?»

Если представлялась возможность, мы проверяли правильность их ответов, разыскивая гнезда и другие доказательства присутствия обезьян. Почти всегда нам давали правильные сведения. В этой местности гориллы, видимо, пересекают небольшие участки саванны, переходя из одного лесного массива в другой.

Холмистые саванны кончаются к северу от реки Элила, и тут местность становится пересеченной. Влажный тропический лес, такой же, как и

Недоступный, покрывает горы, за исключением некоторых мест, где на самых крутых склонах выступают обнаженные скалы. Это — горы Итомбвэ. Рудольф Грауэр был первым европейцем, который проник в этот район в поисках горилл. В 1908 году он провел здесь три месяца, добыв двенадцать горилл для венского музея. Живущие в этом районе африканцы из племени вабембе считают, что гориллы, или кингути (как они их называют), вовсе не обезьяны, а люди, которые в давние времена ушли в лес, чтобы не работать. Во время коротких походов в лес мы не встретили горилл, но нашли около двадцати пяти видов растений, которыми питаются эти обезьяны, и, кроме того, видели их гнезда. Но о гориллах, обитающих в стороне от дорог, мы не узнали ничего конкретного. Один из чиновников, указывая на белое пятно на карте, где черточками были обозначены примерные русла рек, сказал: «Это — как это называется? — ничейная земля. Там никто никогда не был, и никто там не живет, кроме, может быть, небольшой горсточки батва».

Останавливаясь на рудниках, мы и там пытались что-нибудь узнать. Рудники и разработки не очень прочно держатся в джунглях. В течение пяти или от силы десяти лет золотые и оловянные прииски приносят выгоду, а потом их забрасывают. Если дороги, построенные горнорудными компаниями, не берет в свое ведение правительство, они быстро зарастают лесом. В этой местности европейцы живут очень одиноко. Только приманка в виде высокого жалованья побуждает их покинуть шумные улицы Брюсселя и Антверпена. Здесь они чужие, случайные пришельцы, бескрайний лес так и остается для них закрытым миром, в который они не стараются проникнуть и не пытаются понять. Могучая жизнь окружающей дикой природы тревожит их души. Нервы этих пришельцев не приспособлены к постоянному присутствию странного и

необычного, они не умеют оставаться наедине с собственными мыслями и тоскуют по надежности и организованности цивилизованного быта.

21 июня мы вернулись на станцию НИИЦА, а спустя пять дней отправились в последний продолжительный поход для поисков и изучения горилл в бассейне реки Конго.

Между Букаву и НИИЦА шоссе вьется вверх по крутым откосам, а затем, нырнув вниз, к бассейну реки Конго, идет до Стэнливиля [\[5\]](#), расположенного на берегах реки, примерно в четырехстах милях к северо-западу. Эта дорога всего лишь узкая желтая ниточка, пересекающая обширные пространства экваториального влажного тропического леса, который тянется непрерывной полосой более чем на тысячу миль к западному побережью Африки.

Перед нами лежал бассейн реки Конго. Местность сначала круто понижалась, потом переходила в невысокие, округлые холмы и наконец превращалась в равнину. Купы деревьев, клубясь, как облака, простирались до самого горизонта. Разнообразные оттенки листвы создавали узоры, напоминающие лоскутное одеяло. Когда-то этот бассейн был внутренним морем. Он лежит на высоте от тысячи до полутора тысяч футов и окружен горами. На востоке его замыкают крутые откосы, на юге — плато Катанга, на западе — Хрустальные Горы, а на севере цепь холмов отделяет его от бассейна озера Чад.

Дорога, ведущая с гор, чрезвычайно узкая и крутая. Три дня в неделю разрешено движение в одну сторону, три дня — в другую. По воскресеньям разрешается двухстороннее движение. Дорога очень опасна, так как бельгийцы не обращают внимания на правила и не соблюдают положенных дней недели.

По мере того как мы спускались, свежий горный воздух сменился жаркой, влажной атмосферой низин. И хотя температура редко поднималась выше 85° по Фаренгейту (Около +27° по Цельсию.), высокая влажность воздуха действовала гнетуще и расслабляюще. Как только горы остались позади, дорога стала ровной и потянулась по долинам, огибая холмы. Первое впечатление от низинного влажного тропического леса — это какое-то буйство растительности, не знающей никакого удержу. Переплетающаяся масса лиан, трав, кустарников теснила дорогу с обеих сторон. Немного дальше сплошной темной стеной поднимались деревья. То и дело встречались деревушки, состоящие из квадратных глинобитных хижин, окруженных банановыми рощами. В это знойное время дня селения казались почти вымершими. Кое-где в тени лежало несколько мужчин, да куры в поисках корма лениво скребли спекшуюся землю. Услышав шум машины, лишь детишки выбегали на обочину дороги посмотреть, кто едет.

Это был лес Маниема — темное сердце Африки. Даже известные путешественники избегали эти бескрайние джунгли, и до первой мировой войны здесь вообще не было дорог. Главный путь работорговли проходил между Уджиджи, Кабамбарой, Касонго и Ньянгве, далеко к югу от этих мест. Ньянгве был основан арабами около 1860 года на берегах реки Луалаба — так называется верхнее Конго. Ливингстон побывал в Ньянгве в 1871 году, а в 1876 году Стэнли спустился по Конго до океана. Отважный Камерон, второй европеец, пересекший африканский континент, переправился через реку Улинди, приток Луалабы, в 1874 году. Эмин Паша, немец, чуть было не ставший суверенным правителем северного Конго и южного Судана, был убит арабами около города Лубуту в 1892 году. И только в 1894 году граф фон Гетцен спустился

по реке Лова. Он был первым путешественником, проникшим в самое сердце леса Маниема.

Река Лова слишком широка в этом месте, чтобы упавшее дерево могло служить мостом, и поэтому гориллы не могут перебраться на противоположный берег

Варега, ванианга и другие племена, населяющие эту местность, говорят на языке банту и занимаются земледелием. Образ жизни племен в значительной степени определяется способом земледелия, который можно назвать подсечно-огневым. С помощью топора и огня они валят большие деревья и оставляют их гнить на земле. Более мелкие деревья и кустарник выжигают, по гареву сажают побеги бананов, а под бананами — маниоку. Иногда землю сперва занимают под горный рис, злак, который можно выращивать на склонах холмов, как кукурузу. После того как его уберут, сеют другие культуры. Однако почва, могущая питать самую буйную дикую растительность, быстро истощается от посевов. Под прямыми лучами экваториального солнца перегной быстро разлагается, а минеральные соли почвы вымываются ливнями. После трех-четырех лет возделывания различных сельскохозяйственных культур поле истощается и должно лежать под паром

по крайней мере двенадцать лет, прежде чем его снова можно возделывать. Снова сводят лес, снова сажают бананы, деревеньки переносят поближе к полям — это бесконечный, извечный цикл кочующего, залежного метода обработки земли.

На заброшенных участках молодой лес поднимается подобно фениксу из пепла. Сначала почва зарастает травами и выющимися растениями, через год-два кустарник и молодые деревца пробиваются сквозь травы вверх, к открытому небу. Участок возделанной земли, заброшенный пять — десять лет тому назад, уже представляет собой непроходимые дебри, над ними высятся деревья музанга, у которых пучки блестящих листьев расходятся от одного черешка во все стороны, словно зонтик. Это дерево растет с феноменальной быстротой — за пять лет оно достигает высоты в сорок футов. Когда дереву около двадцати лет, оно умирает. По мере того как растет вторичный лес и полог ветвей становится все гуще и гуще, все меньше и меньше солнечного света доходит до почвы. В джунглях растения могут существовать, либо выбиваясь наверх, к освещенным солнцем вершинам, либо приспособившись жить в полумраке, у подножия деревьев. Многие из растений, первоначально завладевших заброшенным участком, не могут выжить. По мере того как лес делается старше, подлесок исчезает почти полностью. По прошествии приблизительно восьмидесяти лет высокий лес вновь покрывает места, где когда-то были деревушки и поля. Эта постоянная вырубка, посадка, забрасывание участков создали пейзаж, состоящий из недолговечных полей — расчисток, окруженных лоскутными участками молодого леса в различных стадиях роста. На горизонте такого пейзажа всегда присутствует могучая гилея.

Деревушки в джунглях — это всего лишь изолированные островки. Лес, поднимающийся за

полями, кажется людям таинственным и страшным, они редко в него углубляются. Их жизнь сосредоточена на полях. Здесь они ведут непрекращающуюся борьбу против непрестанно наступающих джунглей. Словно для того чтобы позабыть о лесе, жители вырубают все деревья вокруг деревушек, лишая себя тени. И хотя африканцы живут в лесу, вероятно, около двух тысяч лет, человек и лес так и остались чуждыми друг другу. В конце плейстоцена африканцы, по всей вероятности, жили в степях и саваннах Западной Африки и только пигмеи бродили по лесам. Приблизительно в 3000 году до нашей эры из Египта пришло земледелие, и африканцы стали культивировать дикое просо и сорго, злаки, плохо растущие во влажном тропическом лесу. Позднее стал культивироваться ямс. Железо, с которым африканцы познакомились перед началом христианской эры, и ямс позволили им проникнуть в леса. Бананы появились у них незадолго до 1600 года, а маниока только около 1750 года.

Спустя несколько часов мы добрались до шахтерского поселка Кабунга. Это один из многочисленных рудников в этом районе, находящихся в ведении НКК — Национального Комитета Киву, в 1928 году получившего монопольное право на разработку минеральных залежей на территории леса в три четверти миллиона акров.

Недалеко от Кабунги, на лесной вырубке, стоял дом, где жил Шарль Кордые с женой. Нам сказали, что траппер Кордые, швейцарец по происхождению, больше чем кто-либо в этой местности осведомлен о гориллах, и мы приехали к нему за информацией.

Шарль, высокий, крепкий мужчина, лет за шестьдесят, с седыми волосами и моложавым лицом. Он человек бурных страстей, но за его грубым голосом скрывается добродушный характер. На свете мало людей, к которым я относился бы с большим

уважением. Есть много звероловов, снабжающих животными различные зоопарки. Большинство из них совершают короткие поездки в отдаленные страны, ловят и покупают все живое и возвращаются с добычей, состоящей из самых разнообразных зверей, о которых они потом пишут книгу. Шарль, напротив, сосредоточивает свои усилия на поимке лишь самых редких и неуловимых животных, таких, которые еще никогда не демонстрировались в зоопарках, или таких, которых чрезвычайно трудно словить. Ему иногда приходится тратить годы в поисках и в погоне за каким-нибудь единственным, редчайшим экземпляром.

Он очень любит и прекрасно понимает животных, которые проходят через его руки, а именно этих качеств так часто недостает звероловам. Например, в Западной Африке один беспринципный американский торговец животными убивал всех взрослых горилл в группе, чтобы заполучить детенышей. Большинство из этих пойманных детенышей умерло от разных болезней или просто от одиночества еще до того, как их распределили по зоопаркам. Вот выдержка из отчета одного из звероловов, работавшего для медицинского института:

«На другой стороне вырубки самка горилла играла с маленьким детенышем. Они представляли собой превосходную мишень, так как находились менее чем в пятидесяти ярдах от нас и не подозревали о нашем присутствии. Я все думал о других гориллах, которых мы слышали, хотя и не видели... Но ничего тут нельзя было поделаться, мне пришлось выстрелить. Я долго выжидал, и наконец, когда я перестал дрожать, я пробил ей выстрелом череп, убив ее мгновенно. Подбежал самец. Я выстрелил и ранил его в плечо. Он пошатнулся, но продолжал двигаться вперед. Я снова выстрелил, и он снова пошатнулся...»

Малыш, добытый таким безжалостным образом, погиб через несколько дней, потому что ничего не было сделано для того, чтобы обеспечить за ним уход. На каждую из восьмидесяти пяти горилл, находящихся в Соединенных Штатах, приходится по крайней мере пять горилл, которые погибли или пока их ловили, или на пути в зоопарк. Вот в каком неприглядном свете предстает не только «деятельность» звероловов, но и сами зоопарки, которые в большинстве случаев не интересуются, каким образом были добыты купленные ими животные.

Шарль Кордые разработал способ поимки, при котором около сотни загонщиков окружает сетью целую группу горилл. Испуганные обезьяны запутываются в сетях. Ловля животных сетями стоит дорого, требует значительного количества времени, и африканцы неохотно берутся за это дело, но это гуманный способ. Ненужных животных выпускают. Горная горилла стоит пять тысяч долларов. Поначалу это может показаться дорогой ценой. Однако, если подумать о всей работе, времени и расходах, связанных с поимкой и перевозкой животного в зоопарк, цена не покажется слишком высокой.

Жизнь Шарля Кордые была трудной потому, что он один из тех людей, которые не идут на компромиссы. И все же несмотря ни на что, он не только сохранил интерес к окружающему его миру, но и способность радоваться ему. В 1959 и 1960 годах он увлекался «какундакари». В бассейне Конго какундакари то же самое, что «снежный человек» в Гималаях. Если верить аборигенам, самец (мужчина) какундакари от пяти до пяти с половиной футов роста, самка (женщина) — четырех футов. Тела у них покрыты шерстью, ходят они выпрямившись. Ночью они спят в пещерах на ложе из листьев, днем бродят в поисках крабов, улиток и птиц. Шарль уверяет, что он видел следы ног этих

человекообразных существ. Одного из них якобы убили в 1957 году вблизи какого-то шахтерского поселка, а еще один случайно попал в силоч для птиц, поставленный Шарлем, упал ничком, перевернулся, сел, снял петлю с ноги и скрылся, прежде чем находящийся поблизости африканец мог что-либо предпринять. Что такое какундакари? Горилла, человекообразное существо или просто легенда? Могут ли крупные, неизвестные людям существа до сих пор обитать в Африке и не быть обнаруженными?

Сравнительно недавно, в 1901 году, сэр Фредерик Джексон написал следующее письмо одному зверолову:

«Сэр,

Специальный инспектор Его Императорского Величества сказал мне, чтобы я обратил Ваше особое внимание на тот факт, что необычное животное обитает в лесах Мбога (подрайон Торо), и просил Вас сделать все возможное, чтобы добыть наилучший экземпляр этого животного.

Животное, о котором идет речь, видимо, является связующим звеном между антилопой и жирафом. Оно известно туземцам под именем „окапи“...»

Горная горилла вышла на свет из лесов Африки в 1902 году, гигантский лесной кабан — в 1903, конголезский павлин — в 1936 году. Тысячи квадратных миль бассейна Конго остаются пока не заселенными человеком и не исследованными. В настоящий момент я не вижу причин отрицать существование какундакари и надеюсь, что когда-нибудь Шарль его найдет.

Шарль показал нам свою коллекцию животных, которые размещались в длинном, низком сарае. Там находилась пара уток Хартлауба светло-коричневого

цвета, с голубыми пятнами на крыльях. Это пугливые птицы, живущие на тихих лесных озерах. Были там плодоядные голуби, ибисы, серые попугаи, а также конголезские павлины. Шарль был первым, кто сумел их поймать. Конголезских павлинов очень трудно обнаружить, потому что самец кричит только по ночам. Его клич — это громкое «ко-ко-ва», а самка отвечает: «хи-хо», «хи-хо». Небольшие стайки этих птиц бродят гуськом по лесным тропинкам, причем самец всегда идет первым. Поэтому в силки попадается в десять раз больше самцов, чем самок. В маленьком зверинце Шарля были также гигантские панголины, с телом, покрытым чешуями, находящими одна на другую, что придает этим ящерам сходство с рыбой, попавшей на сушу. На некотором расстоянии от дома, на опушке леса, за высоким частоколом содержался Муниди — великолепный самец гориллы с серебристой спиной. Он был уже взрослым животным, когда Шарль его поймал.

В доме вместе с Шарлем и Эми жили два детеныша гориллы. Это были весьма требовательные питомцы, нуждавшиеся в любви и внимании не меньше, чем человеческие дети. Ноэль — это имя было дано ей потому, что она была поймана в первый день рождества, — спала в колыбельке в спальне Кордые. Ноэль была робкое создание (ей еще не исполнилось и года), и, если в доме были посторонние, она крепко цеплялась за Эми. На веранде, затянутой сеткой, жил озорной двухлесток Мугизи. Чтобы заниматься с малышом в течение дня, был нанят мальчик-африканец Денис. Исполнение этих обязанностей Денису явно доставляло удовольствие. Когда же Денис вечером уходил домой, с обезьяной приходилось сидеть сторожу до тех пор, пока она не забиралась в свой ящик-гнездо, таща за собой любимое одеяло. Мугизи любил дразнить окружающих и привлекать к себе внимание. Это был счастливый, незапуганный малыш, и, когда миновал

период сдержанности, обычный при первом знакомстве, он с Кей очень подружился. Он выражал свою симпатию к ней тем, что подшибал ее под коленки и старался сбить с ног. Шарль показал на карте те места, где, как он знал наверняка, мы найдем горилл, и те места, где, по слухам, они водились. Скоро мы с Доком поняли: чтобы за сравнительно небольшой период времени охватить территорию леса примерно в пятнадцать тысяч квадратных миль, нам придется работать по отдельности. Док будет расспрашивать о гориллах у встречных на дороге, в миссиях и в поселках на рудниках, как мы это делали в горах Итомбве. Меня же заинтересовал совершенно необитаемый лес, лежащий к югу от нас. Там не было ни деревень, ни дорог, и я знал только одного европейца, которому удалось недавно проникнуть в эти места, геолога Андре Мейера. Если пройти по прямой около шестидесяти миль на юг от шахтерского поселка Уту (он находится на западе от дома Кордые), можно добраться до другого шоссе, а там меня подберет Док. В действительности же, если идти по земле, а не лететь по воздуху, расстояние равнялось примерно восьмидесяти милям. Мы рассчитали, что если я буду путешествовать налегке, то покрою эту дистанцию за четыре дня. Шарль посоветовал мне на время этого похода нанять Сумайли. Под тесной черной рубашкой Сумайли бугрились мускулы, а резцы были подпилены так, что оканчивались остриями. Он презирал помбе, факт настолько необычный, что несколько африканцев сочли нужным сообщить мне об этом.

Мы пытались найти еще одного человека, чтобы сопровождать нас, но это оказалось трудной задачей: никто особенно не стремился совершить это путешествие, тем более вместе с европейцем. Наконец в одной из деревень мы нашли двух мужчин, которые

согласились пойти с нами за плату в триста франков каждому. Мы договорились встретиться утром 29 июня.

На рассвете мы вчетвером стояли на дороге у опушки леса и раскладывали нашу поклажу, деля ее по весу, поровну между собой. Ключья тумана ползли по земле, где-то вдали петух возвещал наступление дня. Я захватил минимум снаряжения — гамак, спальный мешок, фотоаппарат, бинокль, небольшую кастрюлю, ложку, зубную щетку и продовольствия на шесть дней. Бакире, худой, мускулистый малый, на лице которого, заросшем густой бородой, часто играла улыбка, завернул в одеяло свою поклажу, состоящую из риса, бананов и смены белья. Он срезал своим мачете молодое растение, содрал зубами кору и связал ею одеяло. Мтвари нес небольшой чемодан, в котором были его обувь, одежда и другие вещи. Сумайли нес свое снаряжение и часть моего, завернув все в кусок материи.

Идя гуськом, мы вступили в темный, влажный мир тропического дождевого леса. Черные стволы гигантских деревьев выглядели очень эффектно в дымке утреннего тумана. Наши голоса слишком грубо нарушали беспредельную тишину леса, и вскоре мы умолкли. На уровне земли растительность сравнительно не густая, и мы свободно шли между деревьями по ковру влажной листвы. Дождевой лес низинных районов весьма напоминает горную гилею, но в нем деревья выше и чаще встречаются гигантские свисающие петли лиан. Первые лучи утреннего солнца вдруг наполнили лес мягким красноватым светом. Мы шагали по этим странно молчаливым джунглям, где слышалось только кап-кап-кап росы, скатывающейся с листвы, да изредка доносился неуверенный голос птицы. Один раз стайка обезьян рыжих гверец (Рыжие гверецы, виденные Шаллером, относятся, вероятно, к виду *Colobus rufomitratatus* Peters 1879. Теперь гверецы подобных

рыжих, желтых и бурых расцветок нередко объединяются в обобщенный, или полиморфный, вид под названием «красновато-рыжие толстотелы» (*Colobus badius* Kerr 1792).) пронеслась высоко над нами, видны были лишь качающиеся ветви да неясные очертания этих длиннохвостых созданий.

Мы продвигались на юг, иногда вдоль еле заметной тропы, иногда прямо по лесу, через холмы и долины, много раз пересекая безымянные ручейки, а когда заросли вдоль берегов становились уж очень густыми, шли прямо посредине ручья. Наши следы смешивались со следами буйволов, изредка слонов. Однажды встретились отпечатки копыт бонго — редкой и красивой лесной антилопы; у нее по светло-коричневой шерсти идут вертикальные белые полосы. Однако животные в лесу почти неуловимы, и мы не видели ни одного из этих крупных зверей. Утренняя прохлада сменилась полуденной жарой. Воздух был влажный и неподвижный. На моих спутниках были только шорты, и их тела лоснились от пота.

Мы сделали короткий привал, и африканцы съели свой полдник, состоящий из вареного риса. Они запускали пальцы в общий котел, скатывали рис в комок и отправляли в рот. Вначале мне никак не удавалось сесть за еду вместе с ними, потому что они еще раз ели во второй половине дня и затем вечером. Потом я приспособился к их часам еды и только завтрак съедал в одиночестве, на рассвете.

Вдруг совершенно неожиданно перед нами бесшумно появились трое мужчин и женщина. Они сгибались под тяжестью корзин, наполненных рисом. Выяснилось, что мы находимся на полузаброшенном пути, соединявшем южные и северные деревни, вернее, на старой торговой дороге, которой пользовались до того, как были проложены первые шоссе. Словно в подтверждение этого, нам изредка стали попадаться

примитивные хижины для отдыха путешественников, сооруженные из ветвей и крытые похожими на бумагу листьями растения мегафиниум. Эти крупные овальные листья пригодны для многих целей. Простым движением руки их свертывают в кулек, получая удобную чашку, чтобы утолить жажду из ручья; они же служат тарелками для риса или мяса, оберточной бумагой, а также употребляются как кровельная дранка.

Мы решили разбить лагерь во второй половине дня, так как мне хотелось не спеша побродить по лесу, а африканцы не желали идти более шести часов в день. Пока Сумайли чесал голову деревянным пятизубым гребнем, а остальные разводили костер, я пошел в долину, густо поросшую кустарником. Я медленно продирался сквозь сплошную стену растительности, переплетающихся лиан и колючих ветвей, стараясь проникнуть в самую чащу.

Вот здесь лесной кабан вырыл какие-то корни, оставив небольшую ямку и разбросав кругом землю. Поодаль лежало синее, в белых пятнышках перо гвинейской цесарки. А потом я заметил несколько ветвей, кора с которых была ободрана ловкими руками гориллы. Где-то неподалеку трещала цикада; звук был монотонный и низкий, потом вдруг поднялся до пронзительного скрежета. Бесцельные скитания привели меня к берегу маленького ручья. Низкие ветви спускались к воде. Я медленно вошел в ручей, и прохладная вода приятно освежила усталые ноги. Я вдосталь напился, уверенный в том, что вблизи нет деревни, загрязняющей источник. Коричневая змея медленно скользнула через ручей, покрытый дрожащей тенью листвы, и исчезла на противоположном берегу, «Что это за змея?» — подумал я и побрел вверх по течению. Нагибаясь, чтобы пройти под веткой, я почувствовал, как шею вдруг обожгло, будто огнем. Я

начал яростно хлопать себя по шее, давя муравьев, которые свалились на меня с листвы. Дальше, на сыром обрыве, я поймал бело-розового сухопутного краба и, отогнув его поджатое брюшко, с восторгом обнаружил под ним с десяток крохотных красноногих крабиков, уже вполне сформировавшихся. Я осторожно положил краба на землю, и животное поспешно спряталось под стволом упавшего дерева.

Вернувшись в лагерь, я натянул между деревьями гамак и присоединился к сидящим у костра. Поставив кастрюлю с водой на горячие угли, насыпал в нее рису и добавил щепотку соли, открыл и подогрел банку мясного рагу, а когда рис сварился, выложил часть мяса на рис, а остальное отдал африканцам. Мы сидели на корточках при свете костра и ели; быстро стемнело, как это бывает в тропиках, и мир стал маленьким-он сжался до размера островка света, образуемого отблесками костра. Мы обменивались короткими фразами о наших делах; все, что происходило вне леса, казалось, потеряло всякое значение. Потом мы молча сидели и смотрели широко раскрытыми глазами на языки пламени, а вокруг были безмолвные и неподвижные заросли.

Мтвари захватил с собой фонарь и следил за тем, чтобы свет ярко горел всю ночь. Когда я спросил его, зачем он это делает, Мтвари ответил: «Ах, бвана, в ночном лесу много беды, много опасности».

На рассвете мы проснулись в мокром от росы лесу. Дрожа от холода, я натянул на себя влажную, липкую одежду. И опять, как вчера, мы пробирались по бесконечным холмам и долинам. Сначала создавалось впечатление, что лес был здесь испокон веков, что в этом таинственном мире до сих пор царили звери, а человек мог вторгнуться лишь ненадолго в его пределы. Однако, если присмотреться повнимательнее, становится заметным разрушительное прикосновение

руки человека, несмотря на то что его хижины давно сравнялись с землей, а лес вновь завладел полями. Многие долины заросли кустарниковым лесом — признак того, что здесь были сведены высокие деревья. Временами встречались ряды пальм, некогда обрамлявших деревенские улицы. Очевидно, когда-то на месте леса было сплошное лоскутное одеяло полевых участков. Что же случилось с жившими здесь людьми? Деревни опустошали работорговцы, косили людей и разные болезни, например оспа. Когда бельгийцы пытались установить свой контроль над этой областью и положить конец постоянным войнам между племенами, они оказались беспомощными, столкнувшись с бескрайним лесом. Примерно к 1920 году правительство переселило всех африканцев из глубинных районов поближе к дорогам и шоссе, где население легче держать под контролем. Сейчас, спустя сорок лет, лес остается необитаемым, но войны между племенами все еще вспыхивают.

Я нашел удивительно мало следов присутствия горилл. Изредка попадались измочаленные пучки растения афромомум, из которого обезьяны выели нежную сердцевину. На берегу одного ручья, на рыхлом песке, были двенадцатидюймовые следы ног самца-одиночки. Находили мы и гнезда, но реже, чем в других обследованных районах.

Один раз мы слышали горилл в густых дебрях в долине. Когда я попытался подойти поближе, Бакире удержал меня за руку и покачал головой, на его лице был страх. После минутного колебания я уступил, решив, что видимость была слишком ограниченной и я все равно увидал бы не много.

В тот вечер, после того как мы разбили лагерь, африканцы отправились собирать дрова для костра. Они вскоре вернулись, таща за собой дохлую лесную свинью. Ее нога попала в естественную ловушку из

переплетенных лиан. Животное погибло несколько дней тому назад.

Мои спутники загомонили в радостном предвкушении пира и принялись разрубать тушу своими мачете. Большую часть мяса они насадили на заостренные палочки, воткнув их вертикально вокруг костра, другие куски, завернув в листья, положили на горячие угли. Африканцы пригласили меня принять участие в ужине и рассмеялись, когда я отказался, предпочитая съесть банку консервированного мяса. Они долго пировали. Лежа в гамаке, уже в полусне, я слышал их голоса, заглушаемые шумом тропического ливня, который продолжался несколько часов.

На следующее утро, когда рассеялся туман, воздух, омытый дождем, был свеж и чист. Вода в ручьях поднялась на два фута, и ее коричневатые потоки неслись в сторону реки Луалабы. Нам встретился ручей шириной около восьмидесяти футов. Сердитые воды мчались мимо нас; иногда из их глубины вылетало на поверхность дерево и снова исчезало. В одном месте небольшое бревно лежало как мост через реку. Африканцы ловко перебежали по колеблющемуся стволу, с легкостью балансируя на голове свои ноши. Я переползал на животе, как червяк, крепко обхватывая ствол руками и ногами.

«Завтра мы будем в деревне», — сказал мне Сумайли.

Я плохо запомнил этот день, а также и следующий. Помню только жару и чувство усталости. Холмы становились все ниже, долины — все шире. Вечером четвертого дня мы неожиданно вышли из леса прямо на поле и скоро очутились в деревушке, самой жалкой, которую мне когда-либо приходилось видеть. Она состояла из шести полуразвалившихся хижин, стоящих по три, друг против друга, по обеим сторонам общего двора. Мы вошли в одну из них, совершенно пустую, за

исключением бревна, которое служило скамьей, и тлеющего костра на земляном полу. Все жители столпились и смотрели, как я развязываю поклажу. Их глаза были прикованы ко мне, когда я насыпал в кастрюлю рис и затем попросил воды. Женщины пересмеивались между собой, ребятишки, вытаращив глаза, выглядывали из-за матерей. Дети, голые, со вздувшимися животами и глазами, залепленными беловатым гноем, вызывали чувство жалости. Один ребенок заплакал, за ним и другие. Вскоре возле нас остались одни мужчины. Они сидели на корточках вокруг огня, куря крупно рубленый табак, завернутый в обрывки газет, и тихонько переговаривались. Временами наступало полное молчание, все смотрели на пол, сплевывая слюну и медленно втирая ее пятками в земляной пол. Вошла женщина, неся тыкву, наполненную пивом. Все из нее отпили. Другая принесла горшок вареного риса, и все запустили в него руки. В углу хижины сидел согнувшись коренастый парень; он глядел в пространство отсутствующим взглядом и временами подергивался. Такое подергивание часто бывает у слабоумных.

Вокруг огня крутились четыре собаки, размером с терьера, черные с желтым, остроухие, с бегающими глазами. Они кидались вместе с курами за каждым зернышком риса, которое падало на землю. Один щенок, невероятно тощий, отважился подойти слишком близко к огню и получил пинок, от которого с визгом отлетел в угол; другого огрели по спине горячей веткой. Жители деревни обращались с собаками жестоко. Вся тоска этих животных светилась в их глазах. Принюхиваясь безнадежно, они вертелись вокруг хижин — жалкие рабы людей, но все же не возвращались к дикой жизни и свободе окружающих лесов.

Так как вокруг хижин не было других деревьев, кроме бананов, мне пришлось подвесить свой гамак между двумя из них. Пока я раздевался, Сумайли держал фонарь в высоко поднятой руке. Вся деревня сошлась посмотреть, как я укладываюсь. Лунный свет играл между стволами бананов, и я заснул под еле слышные звуки ликембе, доносившиеся из какой-то хижины. Меня разбудил удар грома и яростный порыв ветра, рванувший гамак. Скоро хлынул дождь — сплошные, косые потоки воды. Я то засыпал, то просыпался и внезапно очнулся, совсем уже лежа на земле. Ливень размыл землю вокруг бананов, и они покосились под тяжестью моего тела. Я направился в ближайшую хижину и лег в углу. Некоторые мужчины проснулись, зарычали собаки, но скоро все опять уснуло, а собаки свернулись калачиком у моего мягкого спального мешка.

Я поднялся на рассвете. Несколько кур и я рискнули выглянуть наружу. Все промокло, все разбухло от дождя. В ручейках плескались мускусные утки. Над травяными крышами лениво вился дымок, живописные листья бананов блестели от влаги. У входа в хижину, потягиваясь и зевая, стояла женщина. Вокруг была тишина, туман заволакивал лес. Мы были словно на призрачном острове, плывущем по океану времени.

В тот день мы добрались до шахтерского поселка Ньябембе, и там, в доме для проезжающих, я стал ждать Дока.

Я был небрит, одежда загрязнилась, но ничего нельзя было сделать, чтобы принять более приличный вид. Сумайли же нарядился в чистую рубашку и штаны. Он даже захватил с собой гуталин и щетку для обуви и выглядел вполне респектабельно. Весь вечер африканцы прохаживались мимо и глазели на меня.

Сравнив записи, мы с Доком обнаружили, что наши наблюдения значительно расширили известный до сих

пор ареал распространения горных горилл. Около трех четвертей всех горных горилл живет не в горах, как, казалось бы, следовало из их названия, а в жарком, влажном бассейне реки Конго, на высоте менее пяти тысяч футов. Значительное число их находится в одном лесном массиве, по центру которого я прошел за эти дни. Мы заметили также, что нередко обезьяны обитают у дорог и вокруг деревень. Гориллы предпочитают эти участки леса потому, что здесь есть обильная еда на самой земле или очень невысоко над ней. На участках, затененных большими деревьями, пищи для горилл мало, и обезьяны большую часть времени бродят в долинах и вдоль рек, где под обильным солнцем растет густой подлесок. Гориллы особенно любят заброшенные поля неподалеку от деревень. Там в изобилии растет их любимая пища — папоротник маратиа, травянистые растения афромум и пализота, там же они находят листья и плоды деревьев мусанга, мириантуса и фикусов. В низинных местах залежная система земледелия практиковалась веками. В результате возникло калейдоскопическое смешение лесов в разных стадиях роста, то есть как раз то, что так любят гориллы. Человек сыграл странную роль в экологии этих животных: он и враг, охотящийся за ними ради мяса, и благодетель, создающий наилучшие условия для их существования.

Гнездо гориллы в развилке дерева мусанга в лесу Маниема

Иногда гориллы совершают налеты на банановые рощи; они поедают не плоды, а сердцевину ствола, убивая таким образом деревья и губя целые плантации. Тогда жители объединяются, окружают группу животных, загоняют их в сети и рубят, режут, пронзают копьями все, что движется в этих сетях. Шарль Кордые рассказал мне, что в таких случаях самец делает несколько попыток броситься на охотников, а потом убегает или же падает убитым. Участь самок и детенышей описана известным охотником Фредом Мерфильдом: «Я видел, как туземные охотники, убив „старика“, окружают самок и бьют их по голове

палками. Самки даже не пытаются убежать, и невыносимо жалко смотреть, как они закрывают голову руками, пытаясь защититься от ударов. Они даже не пробуют обороняться».

Хотя на людей, как правило, нападает самец, изредка это делают и самки. Баумгартель рассказал, что однажды самка схватила за горло проводника, словно пыталась его задушить. Нападение гориллы обычно происходит так: обезьяна набрасывается, несколько раз кусает и затем отступает. Очевидно, горилла не терзает подолгу врага и хотя нанесенные ею раны достаточно серьезны, но обычно не смертельны. Как неоднократно отмечалось, гориллы редко нападают на человека, стоящего на месте и встречающего животное лицом к лицу. Но стоит повернуться спиной и побежать, как обезьяна начинает на четвереньках преследовать врага и, догнав, кусает, как собака. У племени Медже, живущего в Камеруне, рана, нанесенная гориллой, считается позорной, так как все убеждены в том, что горилла нападает только на убегающего.

Так как в этой местности всегда существует вражда между человеком и гориллой, не удивительно, что бывают, казалось бы ничем не вызванные, нападения обезьян на людей. Между 1938 и 1940 годами только в одном районе о ранениях, нанесенных гориллами, сообщили пятнадцать африканцев. Однако я подозреваю, что большинство ран было получено во время охоты или когда африканцы, собирающие в лесу топливо или работающие в поле, случайно наталкивались на группы отдыхающих горилл. Например, однажды мне встретились две женщины, выкапывающие клубни маниоки в густо заросшем поле. Они и не подозревали, что поблизости кормились гориллы. Даже когда горилл преследуют, они вновь и вновь возвращаются на старые места.

Мне приходилось видеть их гнезда на деревьях в каких-нибудь ста футах от хижин, в которых жили люди. В этой местности гнезда на деревьях встречаются много чаще, чем в других лесах, обследованных нами, и я стал думать, что причиной этому, возможно, частые столкновения с людьми. И все же, несмотря на взаимные нападения, обычная реакция гориллы на человека и человека на гориллу — это взаимное уважение и стремление избежать друг друга. По своей природе горилла — животное робкое и сдержанное. Когда только возможно, она избегает вступать в контакт со своими соседями-людьми... В августе 1960 года я шел вслед за коротким маленьким человеком, которого я нанял в проводники около Мийи, шахтерского поселка, лежащего на западе от Уту. Вдруг в зарослях перед нами затрещали ветви.

Старый вторичный лес близ Уту, выросший в районе некогда заселенным людьми и покинутом около сорока лет назад

Проводник кинулся назад и стал делать мне отчаянные знаки, чтобы я отступил. Примерно в сотне футов справа от меня с дерева слезла самка гориллы. Я тихонько взобрался на другое дерево и стал за ней наблюдать. Группа, к которой она принадлежала, разбрелась по местности, и только изредка в зарослях мелькали фигуры животных. Другая самка влезла на дерево мириантус, сорвала спелый желтый плод и надкусила его. К несчастью, одна самка заметила меня

и, издав пронзительный визг, метнулась в подлесок. Вся группа собралась и несколько минут наблюдала за мной, прячась за кустами, потом снова принялась кормиться. Спустившись с дерева, я обнаружил, что мой проводник исчез. По дороге обратно к машине, уже в миле от того места, где были гориллы, я нашел проводника. Он сидел на верхних ветвях дерева и смотрел на меня расширенными от ужаса глазами.

Все же, в конце концов, если верить местной легенде, человеческая хитрость побеждает даже самое сильное животное.

«Давным-давно люди посадили прекрасную банановую рощу. Огромный самец гориллы увидел, что женщина собирает плоды; он подбежал, схватил и женщину и бананы и уволок их в свое логово. Пока он сидел и ел бананы, женщина принялась кричать, и самец гориллы ее задушил. На следующее утро горилла снова проголодалась и снова пришла на плантацию, затем зашла в пять хижин и передушила там всех людей. В живых остались только один мальчик и его мать. Они спрятались в перекрытиях под потолком хижины. В эту хижину горилла принесла несколько охапок бананов. „Ха, — сказала горилла, — сколько бананов, и все мои!“ „Ха!“ — повторил мальчик из-под потолка. Горилла принялась смотреть, откуда раздался голос, но так ничего и не нашла. Всякий раз, когда горилла отворачивалась, мальчик крал бананы и отдавал их матери. Это продолжалось несколько дней; горилла приносила все больше и больше бананов, но они все исчезали. Горилла стала очень голодной и пришла в полную ярость, потому что не могла обнаружить, откуда раздаются таинственные „ха“ всякий раз, как она собирается есть. Наконец, ее живот обвис, как пустой мешок, она свалилась на землю и околела от слабости» (Генри Стэнли, «Мои темнокожие спутники и их странные рассказы», 1893).

Хотя в низинных районах африканцы в течение года убивают много горилл, примитивное вооружение ограничивает их охотничьи возможности, и поголовье обезьян, видимо, не уменьшается. Я могу только надеяться, что предстоящие в будущем усовершенствования в области ведения сельского хозяйства не уничтожат метод залежного земледелия, а ввоз и продажа огнестрельного оружия не увеличат число убиваемых горилл. Мне сообщили, что в 1948 году был организован отстрел шестидесяти горных горилл в районе Ангумы лишь для того, чтобы добыть одиннадцать детенышей для зоопарков. А один из служащих рудников около Уту похвастался мне, что «ради спортивного интереса» он застрелил девять горилл, охота на которых строжайше запрещена. Разумеется, это отдельные случаи, но если сюда добавить число горилл, убиваемых ради мяса, будущее этих обезьян представляется весьма мрачным.

Мы убедились в том, что значительное количество горилл может сосредоточиться у некоторых естественных преград, непреодолимых для лесных человекообразных обезьян, например около участков регулярно обрабатываемой земли, у границ степей и, что важно, по берегам широких рек. Гориллы, очевидно, не могут плавать, они боятся заходить даже в мелкую воду. Шарль Кордые рассказал нам об одной группе горилл, которая не решилась пересечь ручей менее двух футов глубиной, хотя обезьян преследовали охотники с копьями и сетями. Африканцы несколько раз показывали мне естественные мосты, образованные упавшими деревьями. Гориллы все время пользуются ими, чтобы перебираться с берега на берег. Пересечь широкую реку обезьяны могут только у ее истоков, опять-таки по случайным естественным мостам. Подтверждение этому мы нашли у реки Лугулу. В одном месте ширина этой реки достигает двухсот пятидесяти

футов, а перед впадением в Улинди, приток Луалабы, река становится еще шире. На ее южном берегу никто еще не встречал горилл, но в пятидесяти милях вверх по течению, где узкое ложе потока усеяно валунами, гориллы заселили и противоположный берег.

При обследовании местности вдоль дорог около города Лубуту (то есть в северо-западной оконечности района обитания горилл) Док обнаружил, что отдельные группы обезьян живут в обширной гилее. Такие изолированные группы животных были нами замечены еще в горах Итомбве и приводили нас в полнейшее недоумение: свободу передвижения этих горилл не ограничивали большие реки, лес тянулся сплошным массивом, высота над уровнем моря и характер местности были такими же, как и в других районах. Одинокое самцы — бродяги или маленькие группы иной раз встречаются в двадцати милях, а то и дальше от ближайшего большого скопления горилл. Вероятно, такими бродячими животными и заселяются новые территории. Маленькая группа может обосноваться в отдалении от основного стада и положить начало новой колонии. С другой стороны, не исключена возможность, что в прошлом гориллы были более многочисленны в лесах и эти изолированные группы всего лишь остатки обширного поголовья.

10 июля, закончив в основном наше обследование, мы вернулись в Румангабо. После того как Док 16 июля уехал домой, мы с Кей провели здесь еще месяц, делая небольшие вылазки в те места, где не успели побывать. Мы убедились в том, что горных горилл было больше, чем это предполагалось ранее, и что живут они на значительно более обширной территории. Из тридцати пяти тысяч квадратных миль леса животные сосредоточены примерно на восьми или девяти тысячах квадратных миль. Сколько же всего горных горилл существует в наши дни? Раньше предполагалось, что

общее количество этих животных составляет от одной до двух тысяч голов. Разумеется, и наш подсчет был приблизительным, так как в условиях леса обезьян сосчитать нелегко. После тщательных обследований мы пришли к выводу, что в районе вулканов Вирунга на одну квадратную милю приходится примерно три гориллы, а в Недоступном лесу — меньше двух на квадратную милю. И все же в этих двух изолированных и охраняемых районах нам чаще встречались гориллы и следы их пребывания, чем в других обследованных лесах. Надо думать, что в среднем на квадратную милю приходится одно животное и общее число горилл составляет восемь или девять тысяч голов. Пока еще не проделана дальнейшая работа по уточнению этой цифры, я бы предположил, что существует от пяти до пятнадцати тысяч горилл, то есть меньше, чем зрителей, заполняющих средних размеров стадион во время игры в бейсбол. История показывает, что столь редкие животные, как горные гориллы, совершенно беззащитны и нужна постоянная забота о них, чтобы чаша весов не качнулась в сторону их полного уничтожения.

Среди горилл

Носильщики ждали нас в Кибумбе, у глинобитного здания школы. Отсюда обычно начинался наш поход в Кабару. Пришло пятьдесят пять человек, готовых нести нашу поклажу в горы, и еще десять человек для Мориса Хайне, ботаника из Руинди, который должен был проделать вместе с нами часть пути. Хайне намеревался провести три дня, поднимаясь на Карисимби для проверки гидрометрических приборов на вершине этой горы.

Носильщики собрались, чтобы нести в горы наш багаж. Парковый сторож (справа) пьет пиво из тыквенной бутылки

Мы захватили с собой продовольствия на пять месяцев, надеясь в течение этого времени быть независимыми от внешнего мира. Носильщиков

нагрузили ящиками мясных, фруктовых и овощных консервов, мешком картошки, несколькими мешками муки, плетеной корзиной, полной живых кур, и мешком кукурузы — их кормом, теплой одеждой, постельными принадлежностями, непромокаемым снаряжением на случай дождя, книгами и аптечкой. Список наших припасов казался бесконечным, но каждый предмет был необходим или, вернее, мог понадобиться. Мы наняли Андреа Батинихирва, двадцатитрехлетнего африканца, для колки дров и стирки. Сторож заповедника, которого полагалось сменять каждые три недели, должен был остаться с нами в Кабаре, чтобы быть связным в случае какого-либо несчастья, если понадобится — сопровождать нас в походах в лес, а также быть товарищем для Андреа.

Вереница носильщиков пробиралась вверх по краю каньона Каньямагуфа, через зону бамбука, в заросли хагении, по тому самому пути, по которому Док и я проходили полгода назад. Недавние дожди превратили тропинку в болото, растоптанное еще копытами буйволов и ногами слонов. Проливной дождь промочил насквозь лес и нашу одежду, дав почувствовать, какова обычная погода в этих горах. Мы были рады добраться до Кабары. Пока носильщики толпились вокруг огня под навесом, стараясь согреться перед обратной дорогой в Кибумбу, Кей и я уныло бродили среди груд мокрых ящиков, мешков и другой поклажи, разбросанной в полном беспорядке вокруг хижины. Прежде всего нужно было распаковать вещи и превратить эту примитивную хижину в настоящий дом.

Кей готовит ужин на нашей маленькой печке

Одну из комнат мы отвели под кладовую, разложив продовольствие и запасное оборудование у стен. Во второй комнате устроили спальню. Стены завесили травяными матами и материей местного производства с ярким набивным узором. Это не только придало красочность жилью, но и преградило отчасти дорогу ветру, который так и свистел сквозь щели. Небольшой стол покрыли клеенкой, поставили на него желтый кувшин и бирюзового цвета таз. Это еще больше украсило неприглядное жилище. Центральная комната хижины — единственная, из которой дверь вела наружу, стала нашим основным местом пребывания. В углу, слева от крошечной железной печи, Кей развесила

кастрюли и сковороды, расставила посуду. Этот уголок стал кухней. Там она готовила на печке либо на двух маленьких керосинках, привезенных с собой. В другом углу был устроен мой кабинет, а также «гостиная». Там находились пишущая машинка, книги, записи наблюдений и письма. Как и в спальне, стены были задрапированы матами и материей, здесь же висели карта мира и карта Конго.

Наша хижина в Кабаре

На следующий день, пока Кей продолжала приводить дом в порядок, я отправился в лес искать горилл. Утро было такое, что настроение мое сразу улучшилось. Воздух был прохладен и свеж, солнце искрилось в капельках росы, покрывавшей листву деревьев. Белые облака кутали гору Карисимби. Они скатывались вниз по откосам, как снежная лавина, затем подхваченные потоком воздуха, словно танцуя, опять взлетали к вершине. Я шел по холмистой местности, к северу, в сторону Бишитси. В лесу было

очень тихо, только раздавались крики двуошейниковых нектарниц. Эти птицы, величиной со славку, порхали среди листвы, собирая нектар из цветов и ловя на лету насекомых, были похожи на блестящие, переливающиеся драгоценные камни. У самца спинка сине-зеленого цвета с металлическим отливом, на груди проходит широкая красная полоса, а бока желтые. Иногда попадались грушевидные гнезда нектарниц, свисающие с концов колеблющихся ветвей. Это хрупкие сооружения, свитые из травинки, с маленьким входным отверстием.

Когда поживешь в деревушках и городах, приобщившись к цивилизации, нелегко вернуться вновь на лоно дикой природы. Я чувствовал себя как заключенный, выпущенный на свободу после долгого пребывания в тюрьме, не знающий, что ему делать со своей свободой, куда деть свои силы. Живя среди людей, теряешь привычку двигаться бесшумно. Лес и его обитатели не сразу принимают тебя как своего, некоторое время остаешься пришельцем, чужаком, вторгнувшимся в лесные пределы. Возвращение к дикой природе — процесс постепенный, проходящий в основном подсознательно. Когда наши чувства наконец освобождаются от непрерывного шума и других посторонних раздражителей (неотъемлемых элементов нашей цивилизации) и, так сказать, очищаются в спокойствии гор, тогда звуки, запахи, зрительные впечатления от окружающей природы снова приобретают смысл и значение. Понемногу смелость и уверенность человека в себе, порожденные убеждением в том, что он в полной безопасности в окружающей его культурной обстановке, исчезают. И вот он — слабое, смиренное существо, пришедшее в лес не нарушать его покой и не подчинять его себе, а приветствовать лес как товарища и заявить о своем

родстве с гориллами и нектарницами. Мне вспомнилась песня индейцев Навахо:

Гора, я стал частью тебя.
Травы, ели,
Я стал частью вас.
Утренние туманы,
Облака, собирающие влагу,
Я стал частью вас.
Солнце, плывущее над землей,
Я стал частью тебя.
Дикий лес, роса, цветочная пыльца,
Я стал частью вас... [\[6\]](#)

Ни в этот день, ни на следующий гориллы мне не встречались, хотя нередко попадались довольно свежие их гнезда. На третий день я захватил с собой Н'секенабо, сторожа заповедника. Это был огромный улыбчивый парень, чьи мускулистые руки не уступили бы по силе рукам гориллы. Путь наш пролегал сквозь густые заросли лобелий. Их обнаженные стволы, увенчанные пучком больших листьев, поднимались на шесть футов. Если повредить это растение, из него выделяется липкая белая жидкость, очень горькая на вкус. Когда эта жидкость попадает в глаза, она вызывает невыносимое жжение.

Внезапно впереди и чуть в стороне от нашего пути мы услышали пронзительный капризный визг. Такой же визг я слышал в зоопарке, когда у детеныша гориллы отняли любимую игрушку. Сделав знак Н'секенабо обождать, я пополз вперед и, спрятавшись за ствол дерева, заглянул в небольшую ложбину. Из зарослей вышла самка гориллы и медленно взобралась на пенек; из угла ее рта небрежно, словно сигара, свисал стебель дикого сельдерея. Она села, взяв стебель обеими

руками, сорвала зубами жесткую кожуру и съела сочную сердцевину. Затем появилась другая самка, за спину которой цеплялся маленький детеныш. Она схватила дикий сельдерей у самого корня, рывком вытащила его из земли, затем, отстранив одной рукой листву какого-то растения, села и принялась есть, роняя жесткую кожуру себе на колени.

Дикий сельдерей очень похож на своего культурного собрата, но, как я потом узнал, горький на вкус. Оказалось, что в районе Кабары это растение является вторым по важности пищевым продуктом горилл. Стараясь получше разглядеть других членов этой группы, я сделал несколько неосторожных движений. Меня заметила самка. Она издала короткий крик и скрылась в зарослях. Большой детеныш, весом около восьмидесяти фунтов, взобрался на покосившийся ствол дерева, внимательно посмотрел в мою сторону и быстро слез. Неожиданно в каких-нибудь ста футах от меня прошли семь животных. Вереницу замыкал крупный самец с серебристой спиной. Он на мгновение задержался и поглядел на меня из-за высокой травы; из нее виднелась только его макушка. Он отрывисто взревел несколько раз, что, очевидно, должно было служить предупреждением и мне и его группе, а затем исчез. С ним были три самки и четверо детенышей. Двое из них сидели, крепко уцепившись, на спинах самок.

На следующий день Кей и я видели горилл только издали. Но на третий день нам удалось подобраться близко к одной группе. Скорчившись на низкой развилке ветвей хагении и частично укрытый ее листвой, я прекрасно видел обезьян, видел, как они кормились и отдыхали среди высокого кустарника, даже не подозревая о моем присутствии. Один самец с серебристой спиной не спеша подошел к вернонии, древовидному кустарнику, схватил ствол растения

примерно в шести футах от земли и одним рывком вырвал его, затем неторопливо оторвал ветку, расщепил ее зубами и стал жевать нежную сердцевину, словно ел кукурузный початок. Самка разлеглась на поваленном стволе дерева, сорвала верхушку растущей около нее вернонии и стала есть лиловые цветы, отрывая их по одному указательным и большим пальцами и отправляя в рот. Подросток взобрался на верхушку древовидного кустарника, уселся там на корточках и принялся раскачиваться. Потом он спустил ноги и повис на одной руке, медленно вращаясь.

Вдруг лесную тишину нарушил пронзительный вопль. Кормежка прекратилась, гориллы бросились в заросли, откуда раздался крик. Некоторые из них тоже закричали и начали возбужденно суетиться. Наконец, самец с серебристой спиной издал несколько грозных гортанных рыков. Наступила тишина. Позже, когда гориллы перебрались через гребень и скрылись из виду, я осмотрел местность и понял причину их волнения. Видимо, одна из горилл провалилась в пещеру, футов пяти глубиной. Несколько дней спустя вооруженный ручным фонариком, я забрался в эту пещеру и обнаружил, что до меня здесь уже побывали любопытные посетители. По крайней мере три гориллы проникли в нее сквозь большой лаз, закрытый висящими лианами. Они пробрались примерно футов на сто в глубину этой темной и сырой пещеры. В ее боковом зале было неподвижное, как бы застывшее озерцо. Только непрерывный звук капель, падающих неизвестно откуда, нарушал царившую здесь мертвую тишину.

Группа I, как я назвал первое встреченное здесь стадо горилл, была отнюдь не единственной, бродившей в это время вокруг Бишитси (см. таблицу 1). 22 августа было слышно, как примерно в ста ярдах от группы наблюдаемых мною животных бьет себя в грудь

какой-то самец. На другое утро осмотр леса показал, что не менее трех групп устраивали свой ночлег поблизости одна от другой. Одна из групп была большая, как потом удалось сосчитать, состояла из девятнадцати животных. В третьей группе было только пять горилл — самец, две самки и два детеныша. Все три группы (I, II и III) оставались в этой части леса в течение пяти дней. Один раз группы II и III объединились на короткий срок — они провели вместе одну ночь. Дважды группы I и II спали на расстоянии каких-нибудь пятидесяти ярдов друг от друга. Но у меня не было еще достаточно опыта, чтобы проследить движение всех групп в этом лабиринте тропинок, и подробности их встреч остались для меня неясными.

Во второй половине августа, по мере того как велись наблюдения за гориллами, я постепенно приобретал все больше навыков в этом деле. Препятствия возникают при наблюдении за любыми животными, и, пока эти трудности не преодолеешь, изучать животных по-настоящему невозможно. Обычно поиски группы начинались с того места, где я видел ее накануне. Я осторожно пробирался по следу горилл сквозь примятую растительность, никогда не зная наверняка, ушли ли животные на сто ярдов, на милю вперед или, может быть, описав круг, находятся где-то позади меня. По следам всегда можно было узнать что-то интересное; изучение их доставляло мне почти столько же удовольствия, сколько и сами обезьяны. Бессознательно я начинал подражать неторопливым движениям горилл.

Группа	Взрослых самцов (с серебристыми спинами)	Молодых самцов (с черными спинами)	Самок	Подростков	Детенышей	Всего
I	1	0	3	2	2	8
II	1	3	6	5	4	19
III	1	0	2	1	1	5
IV	4	1	10	3	6	24
V	2	2	3	2	2	11
VI	1	1	9	2	7	20
VII	1	2	6	4	5	18
VIII	1	2	8	3	7	21
IX	4	3	9	5	6	27
XI	1	1	6	2	6	16
Итого	17	15	62	29	46	169
В % соотношении	10,0	8,9	36,7	17,2	27,2	

Таблица I. Состав групп горилл в районе Кабары

Кормясь, обезьяны разбредаются в разные стороны, оставляя за собой многочисленные следы — огрызки сельдерея и другие остатки пищи. Перебираясь на другое место, гориллы идут гуськом или по двое, а временами отдыхают все вместе на каком-нибудь открытом склоне. Иногда особый запах, похожий на запах скотного двора, наполнял воздух. Тогда я знал, что где-то неподалеку животные провели ночь. Гнезда и вся земля вокруг них были усеяны кучами навоза, сотни маленьких коричневых мушек вились вокруг него, откладывая крошечные белые яички. Бывало, я тратил с полчаса, пока не находил все гнезда этой группы, так как обезьяны, случается, спят на расстоянии шестидесяти футов и даже дальше друг от друга. По размерам экскрементов можно было установить, в каком гнезде спал самец с серебристой спиной, в каком подростки. Если кучки навоза среднего и маленького

размера были рядышком, это значило, что в этом гнезде спала самка с детенышами.

Иногда я чувствовал, что где-то неподалеку, в зарослях, находились гориллы, но они не выдавали своего присутствия ни единым звуком. И самой волнующей, напряженной частью выслеживания было найти их, обнаружить их совсем рядом. Всегда можно ожидать, что косматая голова вдруг появится над зарослями или что на меня нападет самец, если я нечаянно подойду слишком близко. Я осторожно пробирался на два-три шага вперед, останавливался, напряженно вслушиваясь, не хрустнет ли где ветка, не раздастся ли бурчание в желудке животного; взбирался на низкие ветки или стволы упавших деревьев, всматриваясь, не покажется ли где-нибудь в траве черная фигура. Временами я замирал в полной неподвижности и нервы мои были так напряжены, что шелест крыльев нектарницы заставлял меня невольно вздрагивать всем телом.

Часто я узнавал о близости горилл лишь потому, что качнулась лобелия или шевельнулась ветка, задетая проходившим животным. Тогда надо было выбирать — либо спрятаться и наблюдать за гориллами, не выдавая своего присутствия, либо оставаться на виду в надежде, что с течением времени животные ко мне привыкнут. Первый метод имел свои преимущества, так как мое невидимое присутствие никак не влияло на поведение животных. В то же время если слишком хорошо спрятаться, лишаешь себя многих ценных наблюдений, а если стараться получше разглядеть животных, невольно себя выдаешь. Тогда гориллы начинают волноваться. Я выбрал второй метод, то есть подходил к ним медленно, так, чтобы они меня хорошо видели, взбирался на пень или на ветку, устраиваясь поудобнее, и притворялся, что не обращаю на них внимания. Выбрав удобное для наблюдения место, я мог

их видеть сквозь заросли, и они могли приглядывать за мной.

Животные куда наблюдательнее, чем люди, и гораздо лучше нас понимают смысл движений. Я был уверен, что, если спокойно двигаться вблизи горилл, явно не проявляя враждебных намерений по отношению к ним, они скоро поймут, что мое присутствие не представляет опасности. Человеку совсем не легко отказаться от свойственной ему самоуверенности и агрессивности при встречах с животными, не легко подходить к ним с чувством, что они нисколько не хуже его.

Случайное движение может насторожить горилл, привести их в состояние беспокойства. Например, я убежден, что, если человек возьмет с собой оружие, этого уже достаточно, чтобы придать его поведению бессознательную агрессивность, дать ему чувство превосходства, которое животное немедленно ощутит. Я рассуждал так: при столкновении с гориллой лицом к лицу, она скорее нападет на меня, если при мне будет оружие, чем когда я проявлю беспокойство и неуверенность. У людей и у некоторых животных, например у собак, макак резусов, горилл, упорный взгляд является своеобразной формой угрозы. Наблюдая за гориллами даже с некоторого расстояния, я старался не глядеть на них слишком долго и упорно, время от времени отворачивался, чтобы животные не пришли в беспокойство. Обезьяны считали угрозой наведенный на них длительное время фотоаппарат или бинокль, поэтому я пользовался ими только изредка.

Как и следовало ожидать, присутствие двух людей раздражало и возбуждало горилл больше, чем присутствие одного человека. Поэтому Кей обычно оставалась дома, а сторож заповедника, который иногда меня сопровождал, прятался, пока я вел наблюдения за обезьянами. Когда животные исчезали

из виду, лучше было не ходить за ними, так как преследование легко могло их возбудить и увеличить возможность нападения на меня. Вообще я все время пытался поставить себя на место гориллы и представить, что именно мне бы не понравилось, если бы вдруг незнакомое и потенциально опасное существо приблизилось ко мне. За месяцы, проведенные с гориллами, ни одна из них на меня не напала.

Установить взаимопонимание с гориллами было сравнительно легко потому, что их чувства сходны с чувствами людей, но, разумеется, не горожанина, оглушенного непрерывными шумами, не способного реагировать на тончайшие изменения окружающей среды, а человека, привыкшего к дикой природе.

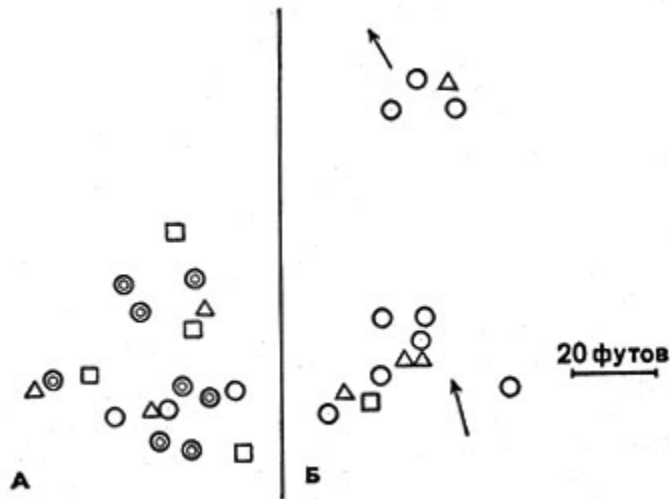
У горилл, как и у людей, самое развитое чувство — зрение. Обезьяны очень быстро замечают малейшее движение, и часто они уже внимательно следили за моим приближением, когда я еще не знал, что животное неподалеку. Слух у горилл тоже хорошо развит, но они реагируют только на незнакомые звуки, например на человеческий голос или вообще на что-то необычное. Когда группа с шумом кормилась, я мог подходить к ним довольно неосторожно, но отдыхающие обезьяны всестораживались, услышав треск ветки, сломавшейся под ногой. Обоняние у горилл, видимо, слабо развито. Даже когда я подходил к ним на расстояние в пятьдесят футов с наветренной стороны, они редко реагировали на это. Тем не менее дважды, когда я сильно вспотел, гориллы почуяли меня. Но, как сказала Кей, для этого не требуется тонкого обоняния.

Было несколько случаев, когда отдыхающие животные начинали беспокоиться, хотя я наблюдал за ними с некоторого расстояния. Я был с подветренной стороны, не производил ни малейшего шума, и гориллы явно не могли меня видеть. И все-таки они почувствовали, что что-то не так. Возможно, это была

реакция на подпороговый раздражитель, слишком неясный, чтобы воспринять его сознательно. А может быть, какие-то другие чувства предупредили их о возможной опасности. Подобное случилось и со мной во время странствований по лесу. Внезапно возникала уверенность в том, что гориллы где-то рядом, хотя я их не видел, не слышал и не чувствовал их запаха. Обычно я был прав. Безусловно, большинство естествоиспытателей переживали подобные ощущения.

В последний день августа, в то время когда Н'секенабо и я пробирались по усеянному валунами дну каньона Канья-магуфа, оглушающий рев наполнил ущелье и, отдаваясь от стены к стене, покатился с горы, грохоча, как лавина. Мы вздрогнули и пригнулись, а взглянув вверх, увидели самца с серебристой спиной, окруженного своей группой, стоявшего неподвижно на краю каньона и глядевшего вниз, на нас. Тихо, стараясь по возможности его не раздражать, мы начали отступать под бдительным взглядом самца, чувствуя себя детьми, пойманными в тот миг, когда мы так бесцеремонно вторглись в чужие владения.

Взобравшись на противоположный склон каньона, я смог хорошо рассмотреть горилл и с восторгом убедился, что это были мои старые знакомые — четвертая группа. За полгода до этого, в марте, Док и я наблюдали группу в течение нескольких часов. Весь сентябрь, почти ежедневно, я разыскивал животных (группу IV), наблюдал за ними, любуясь их проделками и тревожась их тревогами. Все члены группы стали для меня определенными индивидами, которых я узнавал и дал имена. Ни одна другая группа не доставила мне столько материала для наблюдений и не завладела настолько моей симпатией, как эта.

Два типа расположения гнезд в районе Кабары

Одно — компактное, другое — разбросанное; А — группа IV; Б — группа VII. Квадратики означают гнезда самцов с серебристыми спинами; кружки — гнезда самцов с черными спинами или самок; двойные кружки — гнезда самок с детенышами; треугольники — гнезда подростков.

После моей встречи с ними в каньоне Каньямагуфа гориллы стали подниматься по обрывистым склонам горы Микено, туда, где деревья гиперикум становились все ниже и уже недалеко была верхняя граница лесной зоны. Чтобы побыть с животными, мне приходилось взбираться на гору каждый день.

4 сентября я обнаружил горилл, неторопливо кормящихся на крутом склоне, примерно в ста футах надо мной. Я сел у основания дерева, положил бинокль на согнутые колени и внимательно осмотрел склон, стараясь определить точно, где находятся четыре самца с серебристыми спинами — члены этой группы. Крупные самцы горилл обычно самые осторожные и легко возбудимые из стада, никогда нельзя с

уверенностью сказать, как они себя поведут в данный момент. Поэтому они и самые опасные.

Спиной ко мне, на корточках, сидел Большой Папаша, которого легко можно было узнать по двум блестящим, серебристым пятнам на седой спине. Когда он повернулся, чтобы лечь на брюхо, то заметил меня, внимательно взглянул и дважды резко взревел. Несколько самок и подростков тотчас же выглянули из зарослей в его сторону, а затем подошли к нему, поняв предупреждение, что неподалеку таится опасность. Большой Папаша был признанным вожаком группы, заботливым повелителем, своим поведением определявшим поведение остальных животных. Он стоял, глядя на меня, слегка раздвинув губы, опираясь могучими руками на кочку, совершенно уверенный в своей власти, в своем могуществе, являя собой воплощение гордого достоинства.

Другой самец этой группы, Ди Джи, был как бы типом энергичного честолюбца, стремящегося к власти, но еще не достигшего ее. В «табеле о рангах» он был на втором месте — положение малоприятное, если смотреть на это с человеческой точки зрения. Когда дело шло о том, в каком направлении двигаться, когда и на какой срок остановиться на отдых, самки и подростки полностью его игнорировали. Он лежал на спине в одиночестве, небрежно бросив руку себе на лицо и ни на что не обращал внимания.

Третий взрослый самец, Чужак, медленно бродил вокруг группы, поглощенный своими делами. Это было гигантское животное, в полном расцвете сил, явно крупнее, чем Большой Папаша. Бесспорно, он был самым громадным самцом в районе Кабары. Его ноздри чернели, как два уголька, а выражение лица отражало независимый и сердитый нрав. Ходил он слегка покачиваясь, как моряк, и при каждом шаге его брюхо колыхалось из стороны в сторону. Трудно с точностью

определить вес гориллы в природных условиях, но я думаю, что Чужак весил от четырехсот пятидесяти до четырехсот восьмидесяти фунтов (Английский фунт = 453,6 г.). Часто говорят, что самцы горилл весят шестьсот и более фунтов. Однако это вес животных, ожиревших в зоопарке. Например, такой вес был у двух горных горилл, содержащихся в зоопарке Сан-Диего.

Перед смертью они еще больше растолстели. В противоположность им из десяти взрослых самцов горных горилл, убитых и взвешенных охотниками и коллекторами, только самое тяжелое животное весило четыреста восемьдесят два фунта, а средний вес других был около трехсот семидесяти пяти фунтов.

Четвертым самцом с серебристой спиной был Рваный Нос — верхняя часть его левой ноздри была разорвана. Он был молод, спина его только начинала серебриться, и ему явно не доставало спокойной сдержанности и уверенности поступков, отличавших трех других самцов. Словно бы для того чтобы возместить некоторую неуверенность в себе, он при виде меня принимался горланить, оглашая горы своими предупреждениями. Однако не было заметно, чтобы другие гориллы на это реагировали.

Очевидно, Ди Джи наметил некий план, так как неожиданно покинул место своего отдыха и стал подниматься по склону горы. Затем потихоньку, украдкой он направился ко мне, прячась за кустами. Но гориллы не умеют это делать. Ветки ломались у него под ногами, и, чтобы ориентироваться, он встал и заглянул поверх кустов. Как только я посмотрел на него в упор, он спрятался и некоторое время сидел затаясь, прежде чем опять начал пробираться вперед. Он подобрался ко мне футов на тридцать и только тогда выпустил ужасающий рев, ударяя себя в грудь. Еще не затихло эхо ударов, как он опять приподнялся над кустами, чтобы посмотреть, как я реагирую на

поднятый им шум. Я так и не смог привыкнуть к реву взрослого самца гориллы даже в тех случаях, когда этого ожидал. Неожиданность и огромная сила звука каждый раз заставляли меня помышлять о бегстве. Но я испытал немалое удовлетворение, заметив, что другие гориллы в группе так же, как и я, вздрагивали от рева.

Когда между нами осталось тридцать футов, я почувствовал некоторое беспокойство и решил, что будет благоразумнее отступить в более безопасное место. Осторожно я взобрался на дерево, футов на десять от земли. Одна из самок покинула Большого Папушу и направилась ко мне мелкими шажками. Футах в семидесяти от меня она уселась на пень, опираясь подбородком на скрещенные руки. Медленно, как бы подбивая друг друга подойти поближе, вся группа двинулась к моему дереву. На мгновение меня охватила паника, ведь гориллы никогда еще себя так не вели. Они сгрудились за кустами. Три самки с малышами на руках и два подростка влезли на дерево, стараясь разглядеть меня получше сквозь переплетения лиан, фестонами свисавшие с ветвей. В последующую минуту мы играли в прятки. Стоило мне вытянуть шею, чтобы получше рассмотреть горилл, они быстро пригибали головы и тут же высовывались, как только я отворачивался. Один из подростков, лет четырех, влез на соседнее дерево. Так мы с ним и сидели на расстоянии пятнадцати футов друг от друга, тревожно переглядываясь, оба полные любопытства, но стараясь не глядеть друг на друга в упор, чтобы исключить все намеки на враждебные намерения.

Младший с важным видом шагает по упавшему дереву

Молодой, единственный в этой группе самец с черной спиной, которого я назвал Младший, появился из-за кустов и, откусывая и жуя сочные листья ежевики, подошел к стволу моего дерева футов на десять. Он стоял на четвереньках и глядел на меня слегка приоткрыв рот. В течение многих часов, проведенных мною с четвертой группой, я так и не смог до конца разгадать Младшего. Ему, вероятно, еще не было восьми лет, размером он был с самку, хотя тело его уже приняло угловатые, мускулистые формы, свойственные самцу. На его лице было выражение безрассудства и проказливости, которых не могла скрыть даже присущая ему сдержанность. И в то же время было видно, что Младший оценивающе приглядывается ко мне, не будучи уверенным, можно ли мне полностью доверять. Из всех горилл, видимо, только он один получал удовольствие от моего соседства. В течение последующего месяца редкий день проходил без того,

чтобы Младший не отделялся от своей группы с целью посидеть рядом со мной. Он спокойно наблюдал за каждым моим движением или засыпал, повернувшись ко мне спиной. В тот день, судя по втянутым и плотно сжатым губам, Младший был еще в нерешительности. Человек, нервничая, тоже покусывает губы. По временам он широко размахивался, ударял ладонью о землю и лукаво поглядывал на меня, явно в надежде, что этот лихой жест меня испугает. Другие члены группы спокойно отдыхали. Каждые пятнадцать или двадцать минут один из самцов пробуждался, вскакивал, ревел раз-другой и снова погружался в сон.

Теперь я совсем перестал бояться горилл. В их поступках ни разу не проявилась ни свирепость, ни явный гнев. Самцы с серебристыми спинами были, разумеется, несколько раздражены, некоторые из животных вели себя возбужденно, но любопытство по отношению ко мне все превозмогало. Затем они быстро освоились с моим присутствием. Пока я сохранял неподвижность, гориллы чувствовали себя настолько в безопасности, что продолжали свое обычное времяпрепровождение, и бывало даже беспечно дремали рядом с деревом, на котором я сидел. В самом начале наблюдений я заметил, что гориллы, как правило, обладают удивительно спокойным характером и возбуждаются они не так-то легко. Они производят впечатление сдержанных, замкнутых в себе созданий. Выражение их лиц обычно спокойно, даже в тех ситуациях, которые, с моей точки зрения, могли бы их встревожить. Все переживания отражаются у них в глазах — мягких, темно-карих. Эти глаза как бы говорят, передавая все мысли, раскрывая постоянно изменяющиеся эмоции, которые никак иначе не отражаются на выражении их лиц. В их глазах я читал колебание, беспокойство, любопытство, отвагу или раздражение. Иной раз, когда я встречался с гориллой

лицом к лицу, выражение ее глаз более чем что-либо говорило о чувствах животного, помогая мне решить, как лучше поступить в данном случае.

С утра ненадолго проглянуло солнце, а потом облака, насыщенные дождем, опустились почти до верхушек деревьев. Целые пять часов я сидел на ветке, как на насесте, и продрог до костей. Пальцы у меня так заоченели, что я с трудом мог делать записи. Пошел сильный дождь, который скоро превратился в град. Гориллы сидели сгорбившись, предоставив градинам величиной с вишню барабанить по их спинам. Они выглядели совершенно несчастными. Вода стекала с их надбровья, а длинные волосы на руках совершенно намокли и слиплись. Я сидел скорчившись у самого ствола дерева, почти прижимаясь к нему лицом. От коры пахло грибным запахом лишайников и заплесневелого мха. Я не мог уйти, не потревожив обезьян. Приходилось ждать, пока они сами не удалятся.

Когда град прекратился и сменился морозящим дождем, гориллы разбрелись в разные стороны на кормежку. Внезапно из-за кустов раздалось странное стаккато, звук, который я до сих пор не слышал, ряд громких, отрывистых О-О-О; первый звук О был подчеркнутый, с ударением и отделен от последующих отчетливой паузой. Звук повторялся вновь и вновь, а через две или три минуты я понял, что было его причиной. Ди Джи спаривался с самкой.

Наконец гориллы удалились и я, одеревеневший и озябший после шести часов, проведенных на ветке, смог слезть с дерева. Несмотря на ненастную погоду, я был в восторге от превосходно проведенного дня.

В течение последующих дней эта группа горилл прошла через несколько глубоких ущелий, параллельных склонам горы Микено, в направлении Кабары. Обезьяны привыкли к моему присутствию:

самки почти совсем не реагировали на него, а Большой Папаша, увидев меня, только слегка ворчал, выражая этим свое недовольство. Даже горластый Рваный Нос как-то притих. Младший, казалось, просто ждал моего появления. Обычно за ним следовал подросток лет четырех, повторявший каждое его движение. Вероятно, этот подросток был самец, хотя в природных условиях пол молодых горилл определить с полной уверенностью невозможно. Это был забавный парнишка с тугим, как барабан, животом, длинными, всклокоченными волосами на макушке и с озорным выражением морды, сулящим всякие проказы.

Темная пирамидальная вершина горы Микено и деревья, украшенные фестонами лишайников, придавали пейзажу какой-то фантастический вид

Однажды утром сторож заповедника Н'секенабо сопровождал меня в поисках группы. Заметив животных ярдах в пятидесяти впереди нас, я жестом показал ему спрятаться за деревом, а сам вспрыгнул на низкую ветвь. Как обычно, Младший неторопливо приблизился

и в двадцати футах от меня влез на ствол упавшего дерева. Затем он двинулся по стволу странными, резкими, подскакивающими шагами. Тело у него было напряжено, локти вывернуты наружу, отчего руки его казались искривленными. Он горделиво выступал мелкими шажками, явно стараясь казаться большим и мощным. Я забавлялся, глядя на его проделки, и совсем забыл о стороже, а когда посмотрел вниз, то увидел, что Н'секенабо стоит подо мной, обеими руками сжимая мачете. Капли пота выступили у него на лбу, а губы стали серыми от страха. Я был восхищен его мужеством, тем, что Н'секенабо не покинул меня, несмотря на присутствие животного, которого он так боялся. Младший удалился с небрежным видом, оглянувшись через плечо, прежде чем поспешить за своей уходящей группой.

В некоторых случаях Младший, а иногда какая-нибудь другая горилла, подойдя футов на шестьдесят или еще ближе, трясла головой. Это был странный жест, казалось, означавший «я не имею враждебных намерений». Чтобы узнать, как поступят обезьяны, если повторить их жест, я дождался момента, когда Младший был в тридцати футах от меня и смотрел на меня очень внимательно, пока я перематывал пленку в аппарате. Когда я начал трясти головой, он медленно отвернулся, думая, вероятно, что его пристальный взгляд я принял за выражение угрозы. Когда же я в свою очередь уставился на него, он потряс головой. Мы проделывали это минут десять. Один раз, тряся головой, Младший расслабил мускулы нижней челюсти и зубы его застучали друг о друга.

Позже, когда я нечаянно встречался с гориллами на близком расстоянии, я тряс головой, чтобы успокоить их, и они, казалось, понимали мои мирные намерения.

Одной из моих задач было определение приблизительного возраста каждой гориллы, чтобы

составить какое-то представление о том, как долго детеныши остаются со своими матерями и в каком возрасте обезьяны начинают размножаться. К счастью, перед поездкой в Африку я осмотрел горилл в нескольких зоопарках США и Европы. Сравнивая вес и размер горилл, живущих в неволе, чей возраст был приблизительно известен, с размером живущих на свободе, я вывел примерную шкалу возрастов. Годовалый детеныш весит от пятнадцати до двадцати фунтов, в два года — около тридцати пяти фунтов, в три года — около шестидесяти фунтов, в четыре — около восьмидесяти фунтов, а в пять лет — примерно сто двадцать фунтов. Животные старшего возраста весьма разнообразны по весу в зависимости от пола и индивидуальных особенностей.

В марте 1959 года Док и я увидели одного детеныша в тот день, когда он родился. У меня была возможность наблюдать за его развитием до августа 1960 года, то есть в течение семнадцати месяцев. Я следил также за ростом других детенышей в течение десяти — двенадцати месяцев. Все эти сведения дали мне возможность достаточно точно определять возраст горилл от новорожденного до трехлетки. В течение этого периода жизни молодые животные цепляются за своих матерей или держатся рядом с ними, и я называю их детенышами. В возрасте между тремя и шестью годами гориллы в большей степени, или даже совершенно, не зависят от матерей и самостоятельно ходят с группой. Их я называю подростками.

Сведения, полученные из зоопарков, указывают также на то, что до восьми или девяти лет самцы и самки примерно одного размера. В восемь или девять лет самцы начинают интенсивно расти, что продолжается года два или три. В результате этого совершенно взрослый самец весит приблизительно в два раза больше самки. В возрасте между девятью и

десятью годами у самцов на спине появляются серебристые или седые волосы. Следовательно, самцам с черной спиной примерно от шести до десяти лет, а с серебристой спиной — свыше десяти лет. Таким самцам, как Большой Папаша, вожакам групп, по меньшей мере лет двенадцать. Возраст самок не может быть определен сколько-нибудь точно, и любую самку шести лет или старше я просто называю взрослой.

Однажды утром я нашел след одинокой гориллы, ведущий в сторону от четвертой группы. Через час у отвесных скал каньона Каньямагуфа я догнал Чужака. Он заревел и скрылся в подлеске, с треском прокладывая себе дорогу. Спал он один в течение двух ночей, устроив на земле гнездо из ветвей. Затем, к моему удивлению, Чужак пересек свежий след своей группы, очевидно, последовал за ней и вновь присоединился к остальным животным, проведя два дня в одиночестве. Многие, посетившие страну горилл, наталкивались на одиноких самцов, ведущих уединенный образ жизни в лесу. Наиболее широко было распространено предположение, что это жалкие, слабые животные, изгнанные из группы более молодыми и сильными соперниками. Или же, как сказал антрополог Кун в 1962 году: «Молодежь изгоняется из семейного стада примерно в период полового созревания и не потому, что они до этого не могли прокормиться самостоятельно, а потому, что в это время начали вызывать ревность у своих родителей, на манер хорошо известного комплекса Эдипа». Поведение Чужака дало мне первый намек на то, что вышесказанные предположения, как и многие другие идеи относительно горилл, были совершенно неправильны.

Девятого сентября, идя по следу одинокой гориллы поблизости от группы IV, я вновь встретил Чужака, спускающегося по другой тропинке. Он резко

повернулся и побежал от меня, двигаясь немного боком и отвернув лицо в сторону, чтобы его не хлестали ветви кустарника. Очевидно, страсть к бродяжничеству опять овладела его свободолюбивой душой. Другой след вел в ущелье, но я по нему не пошел. Позже, в тот же день, немного выше по краю ущелья, пока я спокойно наблюдал за группой IV, из зарослей, футах в тридцати от меня, неожиданно высунулась голова незнакомого самца с серебристой спиной. Он увидел меня и от полнейшего изумления разинул рот, потом опомнился и с диким ревом нырнул за край каньона. Минут через десять, видимо набравшись храбрости, самец с решительным видом прошел мимо меня и присоединился к группе. Он уселся рядом с Большим Папашей, Ди Джи и Рваным Носом, которые отдыхали вместе. Его появление не вызвало у них ни малейшей реакции. «Пришелец», как я его называл, был молодым животным, размерами несколько поменьше Рваного Носа. Группа, очевидно, ему понравилась, так как он оставался ее членом по крайней мере одиннадцать месяцев. Полное равнодушие, с которым группа приняла Пришельца, было поразительно. Я решил, что, возможно, он ранее был членом этой группы, прежде чем удалился и некоторое время вёл одинокую жизнь. Его поведение подтвердило мои предыдущие наблюдения за Чужаком, показав, что во всяком случае в этом стаде самцы могли приходить и уходить по своему желанию.

До сих пор я наблюдал горилл в разное время дня, когда они отдыхали и передвигались, играли и кормились, но я никогда еще не видел, как они укладываются на ночь или как они поднимаются утром из своих гнезд.

Небо выглядело темным и зловещим, когда однажды после полудня я покинул Кабару с вьюком на спине, готовясь провести ночь с четвертой группой,

бродившей в это время взад и вперед по довольно открытому склону высоко на горе Микено. Группа перешла через одно из ущелий, радиально расходившихся от вершины горы. Стены его были глубоко изрезаны и очень скользки. Лишь на немногих скалистых выступах кустарник находил себе ненадежную опору. До сего времени гориллы еще ни разу не ходили тропами, которые были бы мне не по силам, но когда я стоял, прижавшись к влажной каменной стене, цепляясь за хрупкие стебли и одновременно нащупывая опору для ноги в каменной нише, мне пришлось сознаться, что обезьяны более ловки, чем я. Правда, иногда и гориллы могут поскользнуться и упасть. Однажды я шел по следу животного вдоль другого ущелья. Следы обрывались на голом откосе скалы, который ранее покрывал мох. Очевидно, горилла ступила на скалу, мох под ней подался, и животное свалилось футов на двадцать вниз, отчаянно цепляясь за стену каньона. Видимо, падение не причинило ей серьезного вреда, так как ее следы продолжались от подножия утеса.

Пересекая каньон, я задержался, время близилось уже к пяти часам, когда по треску кустов я обнаружил присутствие обезьян футах в сорока впереди меня. Большинство из них сидело молча, выглядели они вялыми и сонными, но некоторые все еще время от времени что-то жевали. Мне очень хотелось понаблюдать за гориллами так, чтобы они не знали о моем присутствии, и я спрятался за толстым стволом дерева. Четверо детенышей в возрасте от года до двух резвились на стволе наклонно растущего дерева, то бегая вверх и вниз цепочкой, друг за другом, то съезжая вниз на задах или животах по покрытому мхом стволу. Пузатая самка подошла к дереву и, скрестив руки, оперлась на него, молча глядя на малышей. Ее взгляд, очевидно, сказал им «пора ложиться спать», так

как юнцы покорно прекратили свою игру. Один из детенышей спустился со ствола, протиснулся под руками самки и вылез у нее между ног, другой взобрался ей на голову и прогалопировал у нее по спине, прежде чем соскользнул ногами вперед по ее задку на землю, а третий разбежался, прыгнул и, молотя в воздухе руками и ногами, шлепнулся на спину самки. Только четвертый малыш степенно последовал за ней на ночлег.

Большой Папаша сгорбившись сидел у куста, неподвижный, как некое сверхъестественное существо, изваянное из гранита наподобие человека. Он протянул правую руку и, согнув ветвь, подпихнул ее под левую ногу. В течение пяти минут он неторопливо сгибал все ветки, находившиеся в пределах досягаемости, уминая их без всякой системы и последовательности, медленно поворачиваясь, пока не создал вокруг своего тела край гнезда. После этого он улегся на брюхо, подобрав под себя руки и ноги, подставив массивную спину начавшемуся мелкому дождю. Как только Большой Папаша начал сооружение гнезда, еще несколько животных стали делать то же самое. Пока одна из самок была занята устройством места ночлега, ее детеныш, лет двух, взобрался на развилку ветвей небольшого деревца, футов на семь от земли. Детеныш схватил ветку одной рукой и притягивал ее к себе, пока она не сломалась. Он засунул ветку в развилку и наступил на нее, потом сломал еще несколько веток, накладывая и прижимая их одна на другую. Через десять минут такой работы была готова грубая платформа. Детеныш еще минут десять сидел на ней и поглядывал по сторонам, прежде чем спуститься вниз и прижаться к матери в ее гнезде. Почти до трех лет юнцы редко спят отдельно, но строить гнезда для практики они начинают уже с пятнадцатимесячного возраста.

В половине шестого все движение среди горилл прекратилось и темные фигуры спящих обезьян слились с окружающими их тенями. Дерн у подножия дерева, за которым я стоял, был сухим. Наклоненный ствол защищал его от дождя. Я осторожно расчистил место на земле и постелил брезент, а на него — спальный мешок. Раздевшись и забравшись в теплый спальный мешок, я съел коробку сардин и несколько галет, а потом лежал и слушал, как дождь шелестит в листьях, глядя вверх на проплывающие ночные тучи и на тихо качающийся, свисающий с дерева мох, похожий на бороду.

Было четверть шестого часа утра. Горы лежали темные и молчаливые. На горизонте виднелась слабая полоска света. Я взобрался на дерево и скорчился на суку, дрожа от утренней прохлады. Гориллы все еще спали, лежа в своих гнездах на боку или на животе. Только к семи часам, когда утреннее солнце уже поднялось над дальним гребнем горы, две самки вылезли из гнезд и начали медленно бродить вокруг. Очевидно, Большой Папаша был разбужен этим движением. Он сел, щурясь, огляделся вокруг, а затем начал кормиться. Вскоре все уже активно разыскивали пищу, ворча, похрюкивая и удовлетворенно рыгая. Ди Джи взобрался на дерево на высоту десяти футов и уселся там подремать. Через некоторое время он взялся руками за ветку и свесил ноги. Но ветка медленно надломилась под его тяжестью, и Ди Джи очутился внизу, сидя среди зарослей. Чужак, заметив меня, издал отрывистое ворчание, на которое немедленно ответили два других самца. Гориллы, продолжая поиски пищи, неторопливо скрылись из виду.

Обычно гориллы укладывались на ночь в сумерки и, проспав около тринадцати часов, начинали подниматься утром в течение первого часа после восхода солнца. Ночью они безмолвны, слышно только

бурчание в животах или звук выпускаемых газов. Я никогда не слышал, чтобы гориллы храпели. Самец, когда он чем-то встревожен, иногда ночью бьет себя в грудь. Однажды под вечер я набрел на группу IV после того, как несколько животных уже улеглись спать. Под покровом темноты я подкрался ближе и подполз под полог лиан, у комля поваленного дерева, стараясь найти защиту от дождя, который шел, как обычно.

Издалека, с вершины холма, донесся слабый звук ударов в грудь. Возможно, их издавал одинокий самец. Чужак ответил ему подобным же образом, и с этого момента всю ночь, через различные интервалы, над ущельями раздавалось эхо: «пок-пок-пок». Мне было очень неудобно в ту ночь, так как земля была сырая и жесткая. Однажды я, вздрогнув, проснулся. Мне снилось, что стадо буйволов бежало, топоча ногами, на мое распростертое тело, а один раз мне почудилось, что я слышал рядом с собой бурчание в чьем-то животе. Около пяти часов утра я встал, разминая затекшие руки и ноги. Ожидая рассвета, я заметил темную массу среди растительности, футах в сорока от себя. Это была крепко спящая самка гориллы. Я бесшумно отступил на безопасное расстояние.

Живя среди необъятных гор, вдали от треволнений внешнего мира, испытываешь какое-то особое чувство удовлетворения, чувствуешь себя свободным телом и душой. Здесь ты сам хозяин своей судьбы, У меня была моя работа, и я старался выполнить ее как можно лучше. Каждое утро я отправлялся в горы, всеми чувствами воспринимая лесные приметы, разыскивая обезьян, ставших частью моей жизни. Но моя работа никогда не превращалась в скучную рутину, так как каждый день приносил с собой новые впечатления.

Заросли бамбука в лесу Уганды. Такие же заросли есть на горе Чабериму и на вулканах Вирунга

В конце сентября группа IV спустилась в зону бамбука, где наблюдения за гориллами вести как следует было невозможно: мешала густота зарослей. Когда же несколько дней спустя они пересекли каньон Каньямагуфа, чтобы вновь появиться в своих любимых местах на склонах гор Микено, одна из

самок несла новорожденного младенца. Она осторожно прижимала к своей груди это беспомощное существо, поддерживая его одной рукой даже на ходу. Крохотные новорожденные гориллы весят всего лишь четыре или пять фунтов и так слабы, что могут держаться за мех матери только несколько секунд. Их движения некоординированны, и у них, как и у человеческих детей в этом возрасте, бессмысленный взгляд. В возрасте одного месяца младенец гориллы начинает следить глазами за движениями своих сородичей. Гома, детеныш, родившийся в зоопарке города Базеля, в Швейцарии, впервые начал реагировать на знакомые ему лица в возрасте двух месяцев. Примерно в этом же возрасте Джамбо, родившийся в том же зоопарке, радовался и смеялся, когда его щекотал служитель. В два с половиной месяца у детенышей заметно усложняются движения, у них появляются резцы, детеныши тянутся за ветками и побегами и жуют их. В это время впервые после его рождения мать может посадить своего отпрыска на землю рядом с собой и внимательно наблюдать за его первыми, неуверенными попытками ползать.

В общем развитие детеныша гориллы происходит раза в два быстрее, чем человеческого младенца, но значительно медленнее, чем у низших обезьян, чьи детеныши могут ходить уже через несколько дней после рождения.

Я и не подозревал, что самка была беременна. Ее брюхо, как у всех горилл, было так раздуто от громадного количества поглощаемой растительной пищи, что никакой необычной полноты не было заметно. В зоопарке города Колумбуса, в штате Огайо, у самки примерно после семи месяцев беременности отекали щиколотки, но у горилл, живущих на воле, это не так-то просто увидеть. Действительно, некоторые стороны половой жизни горилл, например возраст

половой зрелости, нелегко наблюдать, когда животные обитают на свободе. К счастью, несколько горилл достигло половой зрелости в неволе, а три пары имели потомство. Когда-то думали, основываясь на большой величине горилл, что половая зрелость у самок наступает лишь к десяти или четырнадцати годам. Но Кристина в зоопарке Колумбуса забеременела в возрасте семи лет. У горилл проходит ежемесячный менструальный цикл с промежутком примерно в тридцать один день. Отчеты зоопарков указывают, что самки начинают менструировать между шестью и семью годами. Самцы, видимо, достигают половой зрелости в среднем между девятью и десятью годами, то есть в то время, когда начинают седеть волосы на их спинах и резко увеличивается вес тела. Однако самец в зоопарке Вашингтона, когда ему было всего семь лет, уже имел жизнеспособную сперму и оплодотворил самку.

Однажды я натолкнулся на хорошо знакомую мне группу IV, когда животные разыскивали пищу в глубине ущелья. Миссис Сентябрь, как я назвал самку, родившую детеныша в этом месяце, сидела у небольшой площадки земли, лишенной растительности. Она держала на руках своего новорожденного, которому исполнилась уже неделя, и смотрела на него с нежностью, Миссис Кривая мелкими шажками подошла к ней фута на два и стала смотреть на голенького детеныша. Миссис Кривая казалась старой, у нее был грустный, удрученный вид. Своего ребенка у нее не было. Каким-то образом она повредила себе глаз, окривела, и теперь хрусталик глаза стал матовым, а вокруг глаза месяц от месяца увеличивалась опухоль. Она тихонько протянула руку, как бы желая тронуть новорожденного, но мать шлепнула ее по руке. Затем миссис Сентябрь встала на колени и стала скрести обнаженную землю резцами, оставлявшими в почве

длинные бороздки. Концом большого пальца и боковой стороной указательного она подбирала частицы разрыхленного грунта и ела его. Ди Джи и Младший присоединились к ней. Все трое несколько минут ели землю, соскабливали ее, подбирали и вновь скоблили. На следующий день я собрал некоторое количество земли, а в дальнейшем сделал ее анализ. Образец содержал большое количество калиевых и натриевых солей.

В течение сентября мое внимание занимала не только группа IV. В середине месяца я нашел рядом с утесом Бишитси другую, пятую группу. Ее составляли два самца с серебристыми спинами, два с черными, три самки, два подростка и два детеныша. Через несколько дней к этой группе присоединились еще два взрослых самца и два подростка и стадо увеличилось до пятнадцати особей. Я подозревал, что вновь пришедшие ранее были членами группы, уходившими на некоторое время. Хозяином группы V был громадный самец с таким безразличным, флегматичным характером, что он лишь в редких случаях как-то реагировал на мое присутствие. Косматый шлем на его макушке был настолько велик, что задорно свисал на одну сторону. Костяной гребень на темени, выстланный плотными связующими тканями, составляет основу для прикрепления мускулов, приводящих в движение нижнюю челюсть. Люди, с их относительно маленькой челюстью и округлой головой, имеют достаточно места на черепе для прикрепления жевательных мускулов и не нуждаются в таком костяном гребне. У самок горилл, значительно меньших по размеру, чем самцы, костяной гребень отсутствует или же он очень мал.

В районе Кабары было два казавшихся старыми самца с серебристыми спинами. Один из них был Старик из группы V. Он был сгорблен, и его шерсть была почти совершенно седой. Только волосы на руках оставались

черными и блестящими. Кожа на шее свисала складками, наподобие подгрудка, лицо было осунувшееся, глаза усталые. Хотелось бы знать, сколько ему лет? В неволе из-за обычно плохих условий содержания только несколько горилл прожило более двадцати лет. Рекорд долголетия принадлежит горилле Бамбу из Филадельфийского зоопарка. Он умер в возрасте тридцати четырех с половиной лет. Массе, горилле из того же зоопарка, в 1963 году исполнилось около тридцати двух лет. Это было жалкое животное, сидевшее в одиночестве в своей цементной, с железной решеткой тюрьме и от безделья выдергивающее волосы из собственной шкуры. Дикие животные редко достигают предельного возраста. Я подозреваю, что немногие гориллы живут более тридцати лет, а в среднем, может быть, лишь двадцать. При сравнении со средней продолжительностью жизни людей в США, то есть с семьюдесятью годами, жизнь гориллы кажется относительно короткой. Но следует помнить, что в 50 году до нашей эры средняя продолжительность жизни человека была лишь двадцать два года, а в 1800 году — только тридцать шесть лет. Даже сегодня средняя продолжительность жизни у многих народов, не имеющих развитого медицинского обслуживания, равняется всего лишь тридцати годам.

В группе V третьим самцом с серебристой спиной был Эскимос, прозванный так за свое большое, круглое лицо и слегка монгольский разрез глаз. Это была самая красивая горилла, которую я когда-либо видел. Его иссиня-черная шерсть лоснилась, как будто он ежедневно чистил ее скребницей, волосы же на спине были не седыми, а бархатисто-серебряными, как утренний иней на лугу. По своему рангу Эскимос был следующим за Стариком, а Молодчик, чья спина едва начинала серебриться, стоял на самой нижней ступени иерархической лестницы. Если в стаде, как это было в

группах четвертой и пятой, находится больше одного самца с серебристой спиной, всегда существует отчетливо выраженный «табель о рангах». Власть может, например, выразиться в требовании уступить дорогу на узком пути или в том, что животное, низшее по рангу, прогоняют с насиженного местечка. Такой же «табель о рангах» обычно существует среди многих позвоночных животных. Вразрез с общепринятым мнением, иерархия не вызывает раздоров и распрей, а, наоборот, поддерживает мир в группе, так как она отводит каждому члену группы определенное положение: каждое животное точно знает, какое место оно занимает по отношению к любому другому животному.

Самцы с серебристыми спинами доминируют над всеми другими членами группы, так как, по-видимому, размер животного и его сила являются до какой-то степени решающим фактором при установлении иерархии. Подобным же образом самки занимают главенствующее положение по отношению к подросткам, а последние главенствуют над теми из детенышей, которые уже отбились от матерей. Однажды, когда начался ливень, подросток нашел убежище под наклонившимся деревом. Он сидел скорчившись, привалившись к стволу и поглядывал на завесу воды, падавшую на землю вокруг его сухого уголка. Но когда по направлению к дереву поспешно направилась самка, подросток покинул свое убежище и выбежал под дождь. Едва самка устроилась на сухом местечке, из кустов появился самец с серебристой спиной. Он уселся рядом с самкой и одной рукой начал спокойно, но решительно ее отталкивать, пока она не очутилась на дожде, а самец на ее месте в укрытии.

Подобие такой иерархии можно найти и в человеческой семье, когда отец является главою, а дети находятся в подчиненном положении и

повинуются приказам старших. Раздоры возникают, когда отец или мать нерешительны в проявлении своей власти, позволяя молодежи сегодня поступать как им вздумается, а завтра запрещая им эти действия. Самцы гориллы, хотя они достаточно сдержанны и терпимы, не принимают возражений, и пререкания возникают редко. Однажды самец с серебристой спиной сидел на корточках на колоде. Рядом с ним сидел подросток. Самец протянул руку и стал слегка отталкивать подростка, пока тот не отодвинулся примерно на фут. Минут через пять самец поднялся и повернулся к подростку, который не обращал на самца внимания даже тогда, когда тот его отталкивал. Неожиданно самец так грубо пихнул подростка, что тот кубарем свалился с колоды. В отличие от взрослых самцов, среди самок, видимо, отсутствует твердо установленный «табель о рангах». И может быть, знаменательно то, что ссоры вспыхивают в основном между самками, а взрослые самцы не принимают в них участия. Я полагаю, хотя и без полной уверенности, что иерархия среди самок меняется. Над самками с подрастающими детенышами главенствуют те, у кого есть новорожденные или совсем маленькие детеныши. Затем, разумеется, большую роль при утверждении главенства играет и индивидуальность животного. Легко раздражающихся, вспыльчивых членов группы другие животные, как правило, сторонятся.

Среди десяти групп горилл, с которыми я, в конце концов, познакомился в районе Кабары, группа V была необычна тем, что в ней самцов было больше, чем самок. Среди групп этого района количество самок по отношению к количеству самцов с серебристыми спинами и самцов с черными в общем было два к одному, то есть в соотношении, находимом и в некоторых других сообществах приматов. В группе V соотношение было обратное.

Среди самок этой группы были Мозолистая Джейн, названная так за седалищные мозоли, или седалищные «подушки», обычные у низших обезьян и редко встречающиеся у горилл. Миссис Седоголовая выглядела старой. Волосы у нее на голове побелели, немало седых волос было и на плечах. Но при ней был маленький детеныш примерно месяцев четырех. Нянчила она его с уверенностью опытной матери. У Шелудивой на шее была сыпь, которую она постоянно расчесывала. Волосы на ее теле были жидкие и лишенные блеска. Хотя у нее не было маленького детеныша в тот момент, когда я ее встретил впервые, да и год спустя его не было, рядом с ней постоянно держался подросток примерно трех с половиной лет. Втянутые щеки и форма ноздрей подростка определенно придавали ему сходство с Шелудивой, и я был уверен, что она его мать.

Обычно утверждается, что одно из различий в общественном поведении между человеком и высшими обезьянами заключается в том, что детеныши последних остаются при матерях лишь до тех пор, пока не отняты от груди и не могут сами о себе заботиться. А у человека связь между матерью и ребенком значительно более долгая. Детеныши гориллы перестают сосать матерей в возрасте восьми месяцев, хотя бывает, что и до полутора лет они возвращаются к матери, чтобы подкормиться. Достигнув двух или двух с половиной лет, детеныши могут передвигаться с достаточной быстротой, чтобы не отставать от группы. И, однако, перед нами была Шелудивая, все еще бок о бок со своим большим юнцом, явно привязанные друг к другу. Иногда она клала руку на плечи своего отпрыска и прижимала его к себе. Связь между матерью и детенышем порывается в различных возрастах. Самка рождает один раз в три или четыре года, если только детеныш не гибнет во младенчестве. Если же детеныш

выживает, то он остается при матери около трех лет. Но я видел одного подростка примерно четырех лет, который продолжал ходить вместе со своей матерью до тех пор, пока у нее не появился младенец. Близкая связь может сохраняться даже после рождения другого детеныша. Например, одна из самок седьмой группы имела восьмимесячного детеныша, но обычно рядом с ней сидел и подросток. Однажды она протянула руку и прижала его к груди. Иногда по ночам этот подросток забирался в гнездо к матери. Таким образом, тесная связь между самками горилл и их детенышами может длиться от четырех до четырех с половиной лет, то есть довольно долгое время спустя после того, как матери перестали обеспечивать им питание, передвижение и защиту.

В конце августа, когда я прогуливался по лесу, футах в пятидесяти впереди меня неожиданно закачались кусты. Из них появилось несколько горилл, явно потревоженных во время полуденного отдыха. Они пробежали несколько шагов выпрямившись, оглядываясь на меня через плечо, прежде чем опустились на четвереньки и бесшумно скрылись. Самец с серебристой спиной остановился за пологом лиан и, притаившись в засаде, поджидал меня. К счастью, я был настороже и в ответ на его тактику неподвижно стоял на месте. Прошло несколько секунд, затем минут. Каждый из нас напряженно ждал, пока другой сделает первое движение. Без всякого предупреждения горилла поднялась во весь свой рост, воздев к небу гигантские руки, издала потрясающий рев и сразу растаяла в подлеске. Такова была моя первая встреча с группой II. В последующие дни животные продолжали двигаться в сторону от Кабары и мне пришлось прекратить наблюдения, так и не ознакомившись с ними ближе.

Через месяц с лишним эта группа вернулась на свои прежние излюбленные места и я провел много восхитительных часов в их компании. В группе было девятнадцать горилл: один самец с серебристой спиной, три с черной, шесть самок, пять подростков и четыре детеныша. Одна из самок была старая, с отвисшими и сморщенными грудями. У нее были добрые глаза с рассеянным и отсутствующим выражением. Собственного младенца у нее не было, и всю свою нежность она изливала на Макса.

Макс, озорной и шумливый шестимесячный детеныш, ни минуты не сидел спокойно. Когда его держала мать, он пальцем тыкал ей в глаза, пока она не отворачивала голову. Он напряженно вытягивался и выгибал спину, а как только мать ослабляла объятия, вертелся и извивался, пока наконец она не сажала его на землю рядом с собой. Тогда он становился рядом с ней и поднимал руки над головой, желая, чтобы его снова взяли на руки. Когда же на этот жест не обращали внимания, Макс под бдительным надзором матери начинал бродить вокруг в поисках развлечений. Иногда ствол лобелии на время превращался в его гимнастический снаряд: Макс взбирался по нему на несколько футов и с шумом скользил вниз, опять взбирался и снова соскальзывал, повторяя это много раз. Если же неподалеку была старая самка, он спешил к ней на руки, и я однажды видел, как он сосал ее вялую грудь. Одним солнечным утром, когда старая самка спала, лежа на животе, Макс взобрался к ней на спину, сделал несколько шагов и встал на ее голову, затем соскользнул вниз, когда самка перевернулась на спину, влез ей на брюхо. Она крепко схватила детеныша и прижала к животу одной рукой, а он барахтался и извивался, стараясь освободиться. Рот его был приоткрыт, уголки губ растянуты в улыбке. Самка слегка отпустила руку, Макс схватил ее и начал жевать

пальцы. Тогда самка начала с ним играть, дотрагиваясь до него то там, то здесь, а детеныш старался поймать эту неуловимую руку. Под конец Макс развалился у нее на животе с полнейшей непринужденностью, размахивая руками и ногами, а старая самка глядела на озорника с явным удовольствием. Вдруг Макс сел, вскинул руки над головой и опрокинулся в траву.

На сцене появился Мориц, семимесячный детеныш. Он подошел к самке и потянул ее за ногу. Макс выскочил из кустов, перекувырнулся через Морица и дернул его за волосы. Продолжая свою атаку, он пробежал по животу самки и прыгнул ей на лицо. Самка села, подхватила Макса на руки и начала нежно покачивать. Его маленькое тельце выглядело крохотным и хрупким по сравнению с ее громадным телом. Подле них густая завеса лиан образовала небольшую пещерку или беседку у основания дерева. Мориц пристроился рядом с входом в пещерку, как бы охраняя ее. Макс кинулся к нему, готовый сражаться. Мориц поднялся на ноги, ударил себя в грудь и, подняв руки над головой, прыгнул вперед и свалился через Макса. Они начали бороться, размахивая руками и ногами, шутливо кусая друг друга за плечи, притворяясь разъяренными. Наконец Мориц зажал голову Макса. Тот рвался и отталкивался, потом перевернулся и умудрился освободиться. Прежде чем Макс пришел в себя, Мориц уже стоял у пещерки, но Макс прорвался мимо него. Они продолжали борьбу в самой беседке из лиан. Макс, явно чувствуя себя победителем, начал было гордо удаляться, как вдруг Мориц набросился на него сзади и так двинул его плечом, что оба они растянулись. Мориц кинулся назад в пещерку и появился с куском сухой древесины под мышкой. Макс пустился вдогонку, схватил Морица сзади, и борьба началась вновь. Неуклюжий подросток прошел сквозь завесу лиан и оборвал их. Увидев, что их

пещерка уничтожена, Макс и Мориц сразу объединились и навалились на подростка, который принял участие в этой шутливой свалке, небрежно обороняясь от детенышей.

В конце сентября я подвел итоги своей полуторамесячной работы в Кабаре. Я разыскал пять групп горилл, наблюдал за их поведением более пятидесяти часов и узнал много нового о жизни этих обезьян. Они оказались значительно более дружелюбными, чем можно было ожидать.

Я надеялся, что в последующие месяцы некоторые группы будут подпускать меня к себе еще ближе. Многие из нерешенных вопросов, которые мучили меня в начале наблюдений, разрешились сами собой. Я научился выслеживать горилл, мог оставаться с группой день за днем, точно следуя по их маршруту по мере того, как они поднимались в гору или спускались в долины. Умение узнавать отдельных животных весьма важно для детального изучения их общественного поведения. К своей радости, я скоро заметил, что лица горилл также различны, как и лица людей. Как только я привык к ним, мне уже не составляло труда узнавать старых друзей даже после их отсутствия в течение нескольких месяцев.

Дом в горах

В Кабаре мы обрели свободу, недостижимую в более цивилизованном мире, жизнь, не обремененную грузом излишних вещей. Нам не нужны были ни ключи, чтобы отпирать запертые двери, ни удостоверения личности, чтобы получить то, что нужно. Мы, жившие в Америке, где зубная щетка с электромоторчиком и мельница для перца с электробатарейкой становятся символом цивилизации, теперь отодвинулись назад во времени и с радостью заметили, как мало нам было необходимо для полного довольства и счастья.

Нас захватила красота леса и гор. По мере того как медленно текли дни, мы все больше жили настоящим моментом, находя бесконечные радости в маленьких приключениях, встречающихся на нашем пути. Ход жизни зависел от капризов погоды. Обычно мы просыпались с первыми проблесками и лежали, прислушиваясь к звону дождевых капель на жестяной крыше и завываниям ветра под карнизом. Если шел дождь, мы некоторое время оставались в постелях, выставив на холод одни носы. Чтобы быстро натянуть на себя сырую одежду, нужно было набраться мужества, так как высокая влажность воздуха заставляла и без того низкую, близкую к нулевой температуру казаться еще ниже. Я вскакивал первым, плескал водой в лицо, чистил зубы, затем, все еще поеживаясь от холода, открывал дверь. «Андреа», — звал я, и из глубины примыкающего к дому сарая доносилось, в ответ заглушенное: «Бвана?!»

Пока Андреа растапливал печурку, я шел на луг. Мои глаза всегда невольно обращались к вершине горы Карисимби. Временами ее пик был покрыт свежевypавшим снегом, что придавало ей сходство с

белой морской раковиной. Это объясняет, почему африканцы называют Карисимби «Горою раковины». Стоя на валуне рядом с хижинкой, я оглядывал луг, где могли быть антилопы дукеры и буйволы, и присматривался к следам на мокрой от росы траве, затем выпускал из сарайчика кур и кидал им горсть кукурузы. Мы привезли с собой кур в надежде получать от них яйца и время от времени иметь свежее мясо. Но после того как куры попали в эти высоко расположенные места, несушки отложили одноединственное яйцо, и на этом все кончилось. Птицы худели, их мясо стало жестким. Каждую неделю куриное стадо становилось все меньше по мере того, как куры одна за другой отправлялись в кастрюлю.

Тем временем Кей готовила завтрак. Теснясь поближе к печке, мы ели горячую овсянку с изюмом и коричневым сахаром.

Лучшее время для наблюдений за гориллами — между девятью и десятью часами утра, после того как они покормятся примерно часа два и уже готовятся к утреннему отдыху. В это время они уже сыты, весьма мало расположены передвигаться и за ними можно наблюдать в течение нескольких часов. Когда гориллы были далеко от нас, высоко на склонах горы Микено или за хребтом, у границы с Руандой, я пускался в путь тотчас после завтрака, оставив Кей заниматься хозяйством.

Обычно я шел вдоль тропинок, проложенных животными, так сказать, по «главным дорогам» леса, где на мягкой земле оставили свои следы различные звери. Иной раз я находил отпечатки лап мангуста, похожие на крысиные, или изящные следы генетовой кошки, а случалось наткнуться и на свежие следы леопарда. Несколько леопардов бродило по району Кабары, поднимаясь до высоты тринадцати тысяч футов. Возможно, я проходил рядом с ними или даже

под ними, когда они лежали притаившись на ветке над тропой, но я никогда их не видел. В стране горилл эти великолепные кошки пользуются дурной славой, так как считается, что они подкрадываются к молодым гориллам и многих убивают. Однако за год жизни в Кабаре исчез только один детеныш гориллы, и причина его смерти осталась неизвестной. Я тщательно проверял каждый помет леопарда, разыскивая в нем кости, черные волосы или иные следы, указывающие на то, что добычей этой кошки были гориллы, но находил там только непереваренные остатки лесных дукеров и даманов. В Западной Африке охотник Фред Мерфильд видел, как леопард спрыгнул на землю на виду у группы горилл, но они не были этим встревожены. Баумгартель в Кисоро не нашел ни малейшего указания на то, что леопард нападал бы на горилл в течение 1956–1960 годов.

И все же как только я решил, что леопард, по всей вероятности, не убивает горилл, немедленно произошло исключение из этого правила. Из Кисоро до нас дошел интереснейший рассказ о черном леопарде, который сделался убийцей горилл, как некоторые львы становятся людоедами. В феврале 1961 года проводник Рубен и его два следопыта заметили, что птицы на склоне горы Мухавура были чем-то возбуждены. Достигнув этого места, они услышали за кустом звуки, которые обычно производит леопард, но самого животного не увидели. Вместо леопарда они нашли дукера, лежащего в луже крови, а немного дальше мертвую гориллу-самца с серебристой спиной. У него были рваные раны на шее, а глубокая рана в правом паху обнажала кишки. Идя по следам в примятой траве вверх по склону, Рубен нашел место, где, очевидно, на самца, спавшего в гнезде, напал леопард. Оба они покатались под откос, к месту, где было найдено тело гориллы. Через три дня после этой находки Рубен

обнаружил разлагающийся и частично обглоданный труп самки гориллы. Департамент охоты в Уганде пытался уничтожить леопарда, но тот был неуловим. В июле того же года доктор Циммерман из колледжа Вестерн в Нью-Мексико наблюдал за черным леопардом высоко на склонах горы Мухавура в тот момент, когда тот подкрадывался к группе из четырех горилл. Леопард подобрался к обезьянам на расстояние футов в триста, но они двинулись дальше, и тогда леопард исчез.

Иногда, довольно редко, я находил следы гиены, напоминающие собачьи. Гиена питается падалью и редко поднимается на эту высоту, о чем можно только сожалеть, так как здесь не было других пожирателей падали, чтобы очищать лес от мертвых животных. В сентябре 1959 года от какой-то болезни погибло много дукеров. Почти ежедневно я натыкался на один, а то и несколько трупов антилоп, лежащих нетронутыми в кустах.

Кроме того, я люблю гиен: мне нравятся их голова с мощной тупой мордой, маленькие живые глаза и мягкая, черная с серым шубка. Я восхищаюсь их жизнеспособностью и тем, как они прекрасно управляют со своим нескладным телом, успешно существуя за счет падали, молодых антилоп или какого-либо другого крупного животного, которое они могут повалить. Если и этого нет, гиены пожирают кожу от старых сапог или поедают лягушек. Я очень высокого мнения о храбрости этих животных, ведь известно, что они нередко отгоняют львов от их добычи и даже таскают пищу из лагеря человека здесь, в Африке, стреляющего в гиену как только представится случай, но обычно без какого-либо повода и основания.

В мае в одном из районов Национального парка королевы Елизаветы, на травянистом участке, окаймленном кустами, мы встретили трех взрослых

гиен и трех полувзрослых щенят. Пока мы наблюдали за ними, одна из самок легла и стала кататься в траве. К ней подбежал щенок и начал жадно сосать переполненные соски. Когда она поднялась, щенок продолжал кормиться, и она снова легла, не обращая на нас внимания. Другая самка тоже улеглась, приглашая щенка пососать. Это была мирная семейная сцена, одна из тех, которые я всегда вспоминаю, когда гиен описывают как отвратительных и трусливых животных. Многие трупоеды своими повадками навлекают на себя гнев человека. Даже натуралисты иной раз описывали грифов, росомх, гиен и других трупоедов, употребляя унижающие, презрительные выражения. В результате эти разные малоподходящие термины были приняты как якобы истинная оценка природных свойств и характера этих животных. Следует отметить, что белоголовый орлан — символ мощи Америки и медведь, фигурирующий на многих гербах, временами тоже питаются падалью.

Наиболее распространенным из крупных млекопитающих в наших горах была, без сомнения, антилопа красный лесной дукер. Эти робкие создания обычно приходили на рассвете и в сумерки пастись на зеленой траве луга перед домом, скрываясь быстрыми прыжками при нашем приближении. Они убегали также и от горилл, стремительно и бесшумно исчезая в туннелях, проложенных в густом подлеске. В полуденные часы антилопы обычно отдыхали в укромных уголках под пологом лиан или у основания стволов деревьев, где земля была мягкая и сухая. Дукеры ведут одинокую жизнь. Я никогда не видел вместе более двух животных. Первого октября на крутом склоне около каньона Каньямагуфа я наблюдал, как происходят брачные игры дукеров. Самец стоял в напряженной позе, вытянув шею и обратив нос к небу. Футах в десяти прямо перед ним была самка. Секунд

двадцать она подпрыгивала на месте. Неожиданно самец подскочил на три фута вверх. Его спина была выгнута горбом, как у брыкающегося мустанга. Эти странные прыжки он повторил раз десять подряд. Самка подпрыгнула дважды и кинулась вверх по холму, а за ней, преследуя ее по пятам, бежал самец. Она остановилась, и самец стал обнюхивать ее хвост. Самка быстро повернулась, глянула на него, подпрыгнула и кинулась в кусты.

У этих антилоп рождается один детеныш. В течение нескольких дней после рождения он остается спрятым в густых зарослях. В день Нового года мы с Кей пробирались сквозь путаницу ежевики и высокого кустарника, окаймляющих луг Рукуми. Здесь мы нашли крохотного дукера, вероятно, родившегося менее недели тому назад. Дрожа, он двинулся на подгибающихся ножках и заблеял, как овца. 30 апреля я услышал те же звуки высоко на склоне горы Микено и после тщательных поисков нашел под кустом детеныша дукера. Он совершенно промок под только что прошедшим дождем и сильно дрожал. Детеныш был очень мал, возможно не более трех дней от роду: у него были еще мягкие копытца, под животом болтался остаток пуповины. Позже, когда детеныши подрастают, они ходят вместе с матерью. Полувзрослые дукеры рядом со взрослыми особенно часто встречаются в апреле и мае.

Во время пребывания в Африке мне особенно хотелось понаблюдать за различными видами низших обезьян, чтобы иметь возможность сравнивать их поведение с поведением горилл. Но лишь кандтовские мартышки (Близкая к диадемовым кандтовская мартышка (*Cercopithecus mitis candi* Matschie 1905), по словам Даниэля Жиро Эллиота, «исключительно красива и отличается от всех прочих форм рода мартышек» (Daniel Jiraud Elliot, 1912, A review of the

Primates, New York, vol. 2, p. 372).), близкие родственники голуболицых, были обычны на этих высотах. Особенно часто встречались они в бамбуковой зоне вулканов Вирунга. Эти обезьяны одни из самых красивых, которых я видел. Кандтовские мартышки величиной с кошку, у них золотисто-оранжевое тело и черные ноги, плечи и макушка.

В последних числах марта в зарослях бамбука на склонах горы Мухавура мы несколько дней наблюдали за стадом из тридцати трех мартышек. На рассвете самцы, самки и молодые обезьяны начинали кормиться на гибких, качающихся верхушках бамбука. Они притягивали к себе листья, быстро их обкусывали, а затем присаживались и жевали. Иной раз, чтобы достать сочные молодые листья, они повисали вниз головой, держась только задними ногами. После окончания утренней кормежки обезьяны чистили себя и друг друга, а детеныши прыгали и играли вокруг них. Когда пролетала большая хищная птица, одна из мартышек издавала звучное, гудящее «брум-брум-брум», другие подхватывали этот крик, и он эхом отдавался на склонах. Однако от крылатого хищника обезьяны не прятались. В районе седловины горы Високе-Сабинио я натолкнулся на стадо кандтовских мартышек примерно штук в шестьдесят. Когда я к ним приблизился, они разбились на два отряда и кинулись в противоположных направлениях. Но обычно попадались стада не столь многочисленные, всего от пяти до двадцати голов в каждом из них. Хотя эти обезьяны встречаются главным образом в бамбуковых лесах и их основная пища — листья и молодые побеги бамбука, некоторые мартышки, бродящие в одиночку или парами, время от времени поднимаются выше, в леса хаге-нии. Около Кабары я видел или слышал их двенадцать раз. Мартышки часто выдают свое присутствие отрывистым «тшио», звуком, означающим,

что они чем-то обеспокоены. Иной раз я спугивал их с земли или низких кустов, где они кормились на плетях подмаренника или поедали цветы вернонии. Однажды мы с Кей отправились высоко в горы, к границе с Руандой, чтобы навестить VIII группу. Мы взобрались на развилку дерева, и Кей устроилась в брошенном гнезде гориллы. Сами гориллы отдыхали на склоне примерно в сорока ярдах от нас. Кандтовская мартышка промчалась через кусты на высоте футов десяти над их головами, а другая закричала вдаль, но гориллы не обратили на них ни малейшего внимания.

Иногда после утра, проведенного в наблюдении за гориллами, когда ярко сияло солнце, а горы четко вырисовывались в чистом небе, мы с Кей бродили по нашему лугу, приглядываясь и прислушиваясь к окружающему, или занимались хозяйством. Кей стирала, а я сидел у порога, смазывая жиром башмаки и купаясь в лучах солнца, столь редкого в Кабаре. Андреа и сторож заповедника, расстелив свои одежды на траве, лежали, куря и болтая, а вокруг нас бродили куры, кудахтали и копались в земле.

Проклятьем нашей жизни была печка. Она не имела заслонки. Дрова, которые мы жгли, были пропитаны смолой, и печная труба вечно была забита черной, хрупкой сажей. Поэтому дрова только тлели, не давая тепла. Одной из наших постоянных забот была разборка и чистка печки.

Чтобы ознакомиться с населяющими лес мелкими животными, теми, что снуют ночью под покровом травы, я поставил несколько ловушек. Выяснилось, что семь разновидностей мелких грызунов и три вида землероек жили на краю луга, пользуясь одними и теми же тропками. Больше всего здесь водилось мышей (*Lophuromys oquilus*) рыжевато-ржавого цвета, с оранжевым животом, похожих на серых полевок. В отличие от других видов, эти мыши ведут дневной

образ жизни. Они размножаются в течение всего года, но вместо помета из четырех или большего количества детенышей, как это обычно у мышей, живущих в более холодном климате, приносят лишь одного или двух. Довольно обычной здесь была мышь с серовато-коричневой спиной и грязно-желтым брюхом (*Lophuromys sikapusi*) и крысы (*Praomys*) с живыми черными глазками, рыжевато-коричневой спиной и черной полоской по хребту. Довольно редко встречалась наиболее привлекательная из грызунов — серая соня (*Claviglis*) с громадными глазами, которые таращились на ее плосковатой, толстой мордочке. Самой красивой из мышиных была крыса тамномис с лоснящимся, ослепительно белым брюшком и золотисто-желтой, цвета меда, спинкой. Рядом с ней отомис со своей неприглаженной, взлохмаченной коричневой шубкой выглядела бродяжкой, зато была самой крупной из мышиных в районе Кабары — десяти дюймов в длину от кончика блестящего черного носа и до кончика короткого, как бы обрубленного хвоста.

Птицы, населяющие заросли вокруг луга, были не очень заметны. Там обитали двуошейниковые нектарницы и несколько других видов птиц, большей частью маленькие и пугливые. Иногда, стрекоча, как белка, по ветке пробегал турако Рунензори. Зеленое оперение птицы почти сливалось с цветом листвы, пока она не взмахивала крыльями, показывая их алую внутреннюю сторону. Часто высоко над нами пролетал канюк, паря на воздушных потоках. Оливковые дрозды, похожие на наших дроздов по размеру и оттенку коричневатого оперения, щебетали и ссорились в кустах. Второго мая я нашел их гнездо около самой хижины, на развилке ветвей гиперикума. Гнездо было сделано из мха и выстлано травой. В нем было два яйца оливково-зеленого цвета с коричневатыми пятнышками. Через две недели, шестнадцатого мая, когда я заглянул

в гнездо, там было два жирных птенца с уже открывшимися глазами. Увидев меня, они в страхе припали к подстилке. Двадцать четвертого мая птенцы уже совсем оперились и были готовы покинуть гнездо.

Самыми частыми посетителями луга у хижины была пара белошеих ворон, очень красивых птиц с блестящим оперением и ярким белым воротничком вокруг шеи. В день нашего приезда они прилетели и уселись на дереве около хижины, с явным интересом наблюдая за нашей деятельностью. С тех пор они почти каждый день проводили с нами час, а то и больше. Рано утром, часов в шесть, вороны возникали из тумана, с грохотом садились на железную крышу домика, скребя когтями, съезжали по ее скату до водосточного желоба и здесь принимались шумно чистить клювы. Этот утренний визит неизменно будил нас. Кей кормила птиц остатками еды, и через несколько недель они хватали пищу прямо из рук, а потом, к великому удовольствию Кей, стали садиться ей на плечи, когда она подзывала их свистом.

Спустя несколько месяцев вороны стали такими же ручными, как наши куры: они расхаживали переваливаясь у порога и в надежде на подачку даже вскакивали на кухонный стол. Они с торжеством отвоевывали у кур каждый кусочек еды, а однажды, когда на лужайку забрел дукер, заставили отступить и его. Около хижины, на небольшом холмике, был валун; вороны любили чистить перышки, сидя на нем, в лучах утреннего солнца. Иногда одна из птиц слегка опускала крылья, взъерошивала перья на голове, распускала хвост и издавала похожий на переливы колокольчика воркующий звук, необыкновенной мягкости и силы. Трудно было поверить, что ее обычный голос — это хриплое карканье. Самка, которая отличалась от самца только чуть меньшим размером и не таким массивным клювом, часто подходила к своему супругу и нежно

чистила перышки у него на шее и на груди, а он стоял неподвижно, подняв клюв вверх, закрыв глаза в полном блаженстве. Иногда они скрещивали клювы, самка приседала, трепеща крыльями, словно прося еды. После этого обе птицы принимались ворковать и обмениваться короткими «кра-кра».

В те дни, когда теплый воздух из низин поднимался вверх по каньонам или когда завывал ветер и у вершины горы Микено громыхали раскаты грома, вороны играли в воздухе. Словно черные вестники божества Тора, они появлялись из гонимых ветром облаков, стремительно падая вниз со сложенными крыльями, потом вдруг взметывались вверх и исчезали, а где-то в тучах раздавался крик: «крруа-круа».

Зона гигантских сенецио

Третьего октября высоко на склонах Микено я обнаружил группу IV. Время было около полудня, и гориллы отдыхали, лежа на спине, подставляя

солнышку безволосую грудь. На востоке тянулся, сверкая на солнце, горный кряж Вирунга. Я сидел на поросшем травой холме, прислонясь спиной к камню, свесив ноги вниз, в сумрачный каньон. Передо мной были гориллы, за ними круто поднимался склон, ветерок шевелил серебристо-зеленую листву сенецио, и наконец у меня зарябило в глазах. Поедая принесенный с собой завтрак, я заметил ворон, кружащихся высоко над головой, — черные точки на фоне белого облака. Когда я свистнул, — а птицы знали, что это означает еду, — они спустились по пологой дуге. Гориллы пригнулись, когда над ними скользнули тени птиц, самец вскочил и заревел, а самки завизжали одни глядя на меня, другие на ворон. Тут, словно играя, вороны стали пикировать на горилл, снова и снова проносясь над самыми их головами. Я еще ни разу не видел самца таким разъяренным. Самки в полном смятении топтались вокруг него. Было ясно, что обезьяны не считали это игрой. Вороны, довольные своими проказами, сели на растущее около меня вересковое дерево и доели остатки завтрака. Затем они улетели в долину, но через час вернулись и снова принялись кружить над гориллами. Как и в первый раз, самец встал на четвереньки и заревел, а пернатые снаряды то и дело проносились над его головой.

В октябре и в ноябре вороны иногда несли в клювах сухие травинки, и мы заподозрили, что наша парочка вьет гнездо в каком-нибудь углублении скал горы Микено. Во второй половине января мы были в Уганде, и уже на следующий день после нашего возвращения в Кабару, 2 февраля, вороны нас снова посетили. Они привели с собой двух вполне оперившихся потомков, кричащих скрипучими голосами. Самка все еще подкармливала полувзрослых птенцов, но самец не выносил их присутствия и гнал, как только они приближались. Один раз он и вороненок свалились с

дерева, вцепившись друг другу когтями в грудь, яростно долбя клювами по головам. В конце февраля молодые птицы улетели и начали самостоятельную жизнь; видимо, их выгнали из родного гнезда. Они никогда больше не прилетали на луг. Но самец и самка, сидя у порога хижины, продолжали охорашиваться, переговариваясь журчащими голосами. Последний раз я видел их в сентябре 1960 года. Они все еще летали у своего горного жилища и, наверно, готовились вывести еще птенцов.

Наш луг был окружен горами, и поэтому разные птицы садились здесь на отдых, чтобы затем продолжать путь в долины. Желтоклювые утки поодиночке и парами посещали пруд. Это были невзрачные птицы, с оперением, усеянным грязно-белыми пятнышками, только клювы у них были ярко-желтыми. 24 ноября, когда я подходил к дому, меня окликнула Кей: «Смотри, у пруда странная птица!» У самой воды, прижавшись к земле, сидел косматый черный аист — аист-разиня. Его называют так потому, что створки его клюва сходятся не полностью по всей их длине. Видимо, этот странной формы клюв предназначен для выковыривания из раковин слизняков и моллюсков. Аист пробыл у нас около часа. Его серовато-зеленое, оливковое оперение отливало на солнце. Другой раз на пруду произошла небольшая трагедия: маленький песочник с белым хвостом пролетал над поверхностью воды; внезапно с соседнего дерева на него кинулся ястреб, норовя схватить его когтями. Птицы взвивались и падали, казалось песочнику вот-вот придет конец, но тут он нырнул в воду, а ястреб улетел.

Самым редкостным посетителем нашей поляны был хохлатый африканский орел. Он опустился на дерево и с царственным видом сидел там минут десять. Хохолок

на его голове торчал вверх, глаза глядели вызывающе. Он исчез так же внезапно, как и появился.

В наши задачи входило и составление гербария. После определения засушенных растений можно было получить довольно полный список растений, встречающихся в местах обитания горилл. Мы с Кей бродили по лугу и по опушке окружающего его леса, собирая фиалки, остропахнущую мяту, очисток с мясистыми листьями и многие другие растения, прятавшиеся среди камней и в подлеске. Самыми заметными были желтые цветы, например цветы различных сенецио и гиперикума, относящегося к тому же роду, что и зверобой. Они резко выделялись в темно-зеленой листве. Крошечные белые маргаритки усыпали луг перед хижиной, словно хлопья снега, но наш петух проявил необычайное пристрастие к этим цветам, и они исчезли в течение нескольких дней.

На каждой массивной ветви хагении был как бы свой маленький садик из мхов, лишайников и папоротников, а пурпурные орхидеи горели среди темной зелени как огоньки.

Когда на мягкой земле мы находили четкий след леопарда или гориллы, я заливал его алебастром. Спустя несколько часов или на другой день мы вынимали слепок, получая таким образом точный отпечаток следа. Только держа слепок со следа гориллы в руке, можно было полностью оценить его размер. Ширина отпечатков четырех полусогнутых пальцев руки самца с серебристой спиной была шести дюймов (То есть 15 см. Дюйм = 2,5 см.), тогда как моя рука чуть шире трех дюймов. Длина отпечатка ноги этого же самца — двенадцать дюймов и притом значительно шире человеческой ноги.

Однажды, чтобы отметить место, я положил блестящую консервную банку на залитый алебастром след гориллы. Когда я ушел, по тропе проследовал

черноспинный самец. По его следам было ясно, что он прошел мимо банки не остановившись, даже не замедлив шага, чтобы ее осмотреть.

Нельзя было не удивиться столь малому интересу со стороны обезьяны к необычному, блестящему предмету. Впоследствии я пришел к выводу, что в природных условиях у гориллы отсутствует желание знакомиться с неизвестными ей предметами и она редко что-либо берет в руки из чистого любопытства. В этом отношении горилла резко отличается от человека.

Гориллы регулярно проходили мимо нашего луга, но никогда не пытались обследовать домик. Единственным исключением был Маленький Адольф, самец-одиночка с черной спиной. Я впервые натолкнулся на него однажды солнечным утром в прогалине около озерца. Он принимал солнечную ванну, безмятежно лежа навзничь на свалившемся дереве. Заметив меня, Маленький Адольф взревел и удрал. Все же, время от времени, в середине ноября, в апреле и в мае он проводил по несколько дней вблизи хижины, обычно чуть выше, на склоне горы. Заметив какое-нибудь движение на лугу, он принимался шуметь и рычать на нас, однако при этом тщательно прятался в кустах. Только пристально вглядываясь в заросли, откуда доносился его голос, удавалось заметить косматую макушку и пару любопытных карих глаз, неотрывно смотревших в нашу сторону. Видимо, Адольфу было очень интересно наблюдать за нами. И все-таки мы всегда немного пугались, когда выходили из домика на рассвете, совсем еще сонные, и вдруг нас приветствовал оглушительный рев. Хотя он раздавался с расстояния футов в сто, но казалось, что звук шел прямо из-за угла. Несмотря на это, мы очень привязались к Маленькому Адольфу.

Другие самцы-одиночки, бродившие неподалеку от домика, были не так громогласны. Помню, однажды

утром Кей и я на опушке леса, у луга, нашли свежие следы одинокого самца с серебристой спиной. Экскременты были еще теплые, а это значило, что он совсем рядом. Очень осторожно мы пошли вслед за гориллой по зарослям, переступая шаг за шагом, то и дело забираясь на пни и осматривая кустарники. Но лес впереди нас был спокоен и недвижим. Один раз мы почувствовали резкий запах самца — своеобразный и сладковатый, напоминающий запах горелой резины. Может быть, он нас ждал в засаде? Нам стало не по себе. У Кей есть одна слабость: если она чего-нибудь опасается, ее желудок выражает протест. И вот в момент, когда всеми чувствами, обостренными до предела, я старался определить место, где скрывалась горилла, позади меня, в животе у Кей, громко забурчало. Я невольно подскочил на месте, и мы решили отказаться от преследования.

Андреа и сторожа заповедника недолюбливали Маленького Адольфа, да и вообще всех горилл. Для них обезьяны олицетворяли собой все то страшное и непонятное, что таит в себе лес. Однажды я взял Андреа с собой, чтобы показать ему горилл и убедить его в том, что они дружелюбные животные. Он пошел неохотно, когда мы вышли на свежий след, стал отставать, когда же мы наконец увидели гориллу, он не проявил никакого интереса ни к ней, ни к тому, что я записывал. Его явное безразличие к гориллам меня озадачило потому, что он не мог не чувствовать, что животное ему как-то, сродни. Многие западноафриканские племена признают родство с обезьянами, а также с мудрыми слонами, веря, что у человека и у них были общие предки. Например, племя Булу, живущее в Камеруне, рассказывает такую легенду (напечатано в журнале «Американский антрополог», 1911 г.):

«У бога было пятеро детей: горилла, шимпанзе, слон, пигмей и человек из племени Булу. Бог дал каждому огонь, семена и орудия и велел идти каждому поодиночке по белу свету и где-нибудь обосноваться.

Первой отправилась горилла. Идя лесной тропой, она увидела соблазнительный красный плод. Когда она наелась досыта и вернулась на тропинку, то увидела, что огонь погас. Тогда она осталась в лесу навсегда и стала питаться плодами. Вслед за гориллой отправился шимпанзе. Он тоже почувствовал голод. Проходя под деревом, осыпанным плодами, он забрался на дерево, а когда спустился обратно, огонь уже погас. Тогда шимпанзе, как и горилла, остался жить в лесу. Такая же судьба постигла и слона.

Пигмей зашел много дальше других, расчистил кустарник, посадил семена и построил маленькую хижину; он не срубал высоких деревьев, но всегда поддерживал огонь и научился понимать лесную жизнь. Последним отправился в путь человек из племени Булу и зашел очень далеко. Он расчистил большой участок под сад, срубил деревья, построил себе хороший дом, а затем выжег кустарник, посадил семена и жил там, пока не созрел урожай.

Через некоторое время бог решил провести своих детей. Он нашел гориллу, шимпанзе и слона в лесу, питающихся плодами. „Так, — сказал бог, — отныне вы никогда не сможете устоять перед людьми, вы всегда будете бежать от них“. Потом бог нашел пигмея, сидящего под деревом, и сказал ему: „Ты всегда будешь жить в лесу, но у тебя никогда не будет постоянного

пристанища“. И наконец, он увидел человека из племени Булу, его дом и сад и сказал: „Твое имущество останется твоим навсегда“».

Я убежден, что африканцы считали меня немного помешанным. А то зачем бы мне выходить из дому каждый день в туман и дождь, только чтобы сидеть и смотреть на горилл и даже не фотографировать их? Однако репутация «тронутого» имеет свои преимущества: люди принимают как должное любое непонятное им поведение, а иногда даже высказывают сочувствие. Местные деревенские жители часто не доверяют ученым, потому что не понимают их поступков. Понятно, зачем существует инструктор-агроном, заставляющий африканцев выращивать какие-то определенные культуры; понятно местное начальство, устанавливающее законы, которые им не по душе. Они терпят миссионеров, которые не позволяют им иметь больше одной жены. Им ясны мотивы поступков этих людей, но цели ученых остаются совершенно непонятными. Меня, очевидно, отнесли к разряду безвредных чудаков, и у нас никогда не было никаких неприятностей.

А правда, зачем изучать гориллу? Зачем тратить тысячи долларов и долгие годы, наблюдая обезьяну на лоне природы? Один из ответов на этот вопрос был дан Спратом в 1722 году:

«Однако надлежит понимать, что в таком обширном и разнообразном искусстве, как искусство экспериментов, существует много степеней полезного; иные опыты приносят прямую и ощутимую выгоду, однако доставляют мало удовольствия; иные помогают обучению, но не приносят видимой выгоды; иные дают нам понимание сейчас, а применить их можно

только в будущем; иные служат лишь украшению и удовлетворению любопытства. Если же будут упорствовать в осуждении всех опытов, кроме тех, что приносят немедленную выгоду и с помощью коих можно сразу пожинать плоды, то пусть осуждают и Провидение Господне за то, что он не создал все времена года временем сбора урожая плодов земных».

В течение многих лет велось изучение низших и человекообразных обезьян, находящихся в неволе. Изучали их умственные способности, определяя, насколько хорошо они отличают один предмет от другого и с какой скоростью могут научиться выполнять разные задачи. Психологи наблюдали за поведением этих приматов в клетках, следили за развитием детенышей от их рождения до полной зрелости. И все же ни один из этих ученых ничего не знал о естественной жизни изучаемых животных, не имел ни малейшего представления о том, насколько типичными в своем развитии и поведении были эти обезьяны. Чтобы сделать разумные и осмысленные выводы из данных, полученных в результате наблюдений за животными в неволе, надо прежде всего знать их природный образ жизни.

Будучи близкими родственниками человека, низшие и человекообразные обезьяны приносят большую пользу при изучении человеческих болезней. Например, для выработки противополиомиелитной вакцины, а также для исследований в различных областях медицины в США каждый год завозят от двухсот тысяч до трехсот тысяч обезьян на общую сумму в двадцать миллионов долларов. И как обычно, человек безжалостно собирает жатву, не думая о будущем. Когда-то считалось, что количество обезьян резусов в

Индии безгранично. Несмотря на то что для отправки в США ежегодно производился отлов тысяч резусов, ни их количество, ни их поведение на воле были совершенно неизвестны до тех пор, пока доктор С. Саутвик не начал их изучать в 1960 году. Он пришел к заключению, что число резусов быстро уменьшается и что скоро неизбежно возникнет острая нехватка этих обезьян. Из всех животных шимпанзе наиболее близок к человеку по группам своей крови и по восприимчивости к некоторым болезням. Все большее и большее число этих обезьян отстреливают или вылавливают для медицинских целей. Никто не знает, сколько их осталось и сколько их еще можно добыть в данной местности, не подвергая их поголовье опасности полного истребления. Ни одни приматы не могут сохраниться, если их подвергать постоянному и неограниченному истреблению. Если резусов и других обезьян не выращивать в достаточных количествах в неволе или же не ограничивать добычу их настолько, чтобы поголовье могло восполняться, то уже через несколько лет научно-исследовательские учреждения могут оказаться без подопытных животных.

Чтобы разумно обращаться с любыми животными, будь то в природных условиях или в неволе, необходимо знать особенности их биологии и поведения в сообществах.

Есть еще одна причина для изучения животных и для меня лично самая важная: человек учится познавать самого себя. В наш век, когда человек все больше и больше покоряет природу, когда он изобретает все новые и новые виды орудия самоуничтожения, он все еще только стоит на пороге понимания причин, мотивирующих его собственные поступки. Надо учитывать, что поведение человека определено и в большой степени завуалировано той культурой, к которой он принадлежит по своему

рождению. Часто бывает легче понять какую-нибудь проблему человеческого поведения, если предварительно изучить поведение других животных. Ближайшие родственники человека, вместе с ним объединенные в отряд приматов, — это человекообразные и низшие обезьяны, лемуры и другие полуобезьяны. Разгадки причин поведения отдельного человека и даже всего человеческого общества могут быть найдены при изучении различных животных и особенно приматов. Поэт Карл Сэндберг однажды написал:

Во мне сидит волк... клыки, чтобы рвать и терзать, красный язык — чтобы лакать горячую кровь... Я ношу в себе этого волка потому, что мне дала его дикая природа и она его не отпускает.

Во мне сидит кабан... рыло и брюхо... чтобы жрать и хрюкать... чтобы сытым спать на солнце — это мне тоже дала природа; дала и не дает мне от этого избавиться.

Во мне сидит павиан... с цепкими ногтями, обезьяньей мордой... волосатыми подмышками... он готов рычать и убивать... готов петь и кормить молоком детенышей... павиан во мне потому, что так приказала природа.

О, целый зверинец в моей грудной клетке, в моей черепной коробке, в моем пульсирующем алом сердце. И есть во мне еще что-то: сердце мужчины-ребенка, сердце женщины-ребенка: это и отец, и мать, и возлюбленная: и пришло это Бог-Знает-Откуда; уходит это Бог-Знает-Куда — я сторож в зверинце; я говорю да и нет; я пою, убиваю и работаю; я друг всему живому,

я возник из природы.

На простом примере становится ясно, почему наблюдения за гориллой облегчают понимание наших собственных поступков. Доктор Н. Тинберген и другие специалисты по поведению животных обнаружили, что в некоторых ситуациях у животного могут возникнуть два несовместимых друг с другом противоположных импульса, две тенденции, например: 1-я — напасть на противника; 2-я — бежать от него. Эти вступающие между собой в конфликт импульсы порождают напряженность, могущую выразиться в поведении, которое на первый взгляд кажется совершенно несоответствующим данной ситуации. Такое поведение называется компенсаторной деятельностью. Иногда при встречах с гориллами мне было совершенно ясно, что животное колеблется между желанием бежать от меня и подойти поближе — из любопытства или для того, чтобы меня прогнать. Если эти противоположные импульсы были равной силы, так что подавляли друг друга, животное не двигалось вперед и не отступало, а замирало на месте. Но очень часто гориллы проявляли два таких типа поведения, которые, казалось, никак не соответствовали данной ситуации и были совершенно неуместны: одни начинали быстро и энергично есть, другие принимались яростно чесаться. Оба вида поведения, несомненно, были эмоциональной разрядкой, уменьшавшей в животном чувство напряженности. Человек в момент нерешительности или неуверенности в себе тоже обычно начинает есть или пить и очень часто чешет волосы на затылке. Все эти действия легко понять тому, кто наблюдал за человекообразными обезьянами.

По крайней мере раз в неделю я ходил к утесу Бишитси, в двух милях к северу, посмотреть, не

проходили ли гориллы в этой части леса. Я шел по плотно утоптаным буйволами тропинкам, которые вились по зарослям, то неожиданно делая поворот, то изгибаясь в обход какого-нибудь оврага. Некоторые из этих «лесных шоссе», утрамбованных бесчисленными копытами, в точности следовали контурам горных склонов... Хотя большая часть троп, казалось, переплеталась и извивалась совершенно бесцельно, животные все время ими пользовались. Кто знает, может быть, это были традиционные дороги, по которым ходили многие их поколения. Однажды мы со сторожем проложили узкую дорожку к Битшитси напрямик, через заросли лобелии и поля крапивы. Скоро нашу новую дорожку нашли буйволы, по ней стали ходить леопарды, а затем ею начали пользоваться во время обходов и парковые сторожа. Так создавалась новая лесная тропа, и я гадал, сохранится ли она, будут ли ходить по ней звери и в дальнейшем.

Вокруг Бишитси пологие холмы, и гулять там очень приятно. Там нет кусающихся насекомых — москитов, мошки, муравьев; там не встречаются змеи и другие пресмыкающиеся, за исключением двух видов хамелеонов; ничто не понуждает ускорять шаг, ничто не мешает сесть и спокойно отдохнуть. Совершенство этих мест портит только жгучая крапива. Я нигде не видел такой буйной крапивы. В тех местах, где почва не заболочена, где не нависают густые ветви деревьев, а местность довольно ровная, крапива растет густыми зарослями, от шести до восьми футов высотой, и занимает целые акры. На вид это ничем не примечательное растение, с тощими стеблями и листьями, усеянными мельчайшими белыми ворсинками, но стоит их тронуть, и кожа начинает гореть огнем. После того как я прошел по зарослям крапивы, ноги покраснели и вспухли, красные пятна и волдыри покрыли лицо и руки. И все же растение, от

которого на моей коже, защищенной двумя слоями одежды, появлялись ожоги, нисколько не досаждало гориллам. Они проходили сквозь заросли крапивы без малейшего колебания, употребляли ее при постройке гнезд, ели листья и стебли, вертели в руках и жевали покрытую ворсинками часть растения, видимо, без малейшего для себя вреда. Хотел бы я знать их секрет!

Туманный день в Кабаре

На утесе Бишитси есть сучковатое, искривленное дерево; одна ветка простирается прямо над краем обрыва. Я любил сидеть на ней, на мягкой подушке из мха, блуждая взором по лесу, расстилавшемуся далеко внизу. Часто ветер приносил с севера облака, и они сталкивались с утесом. Обрывки белого тумана разлетались вокруг меня, как пена прибоя. Однажды две белки гонялись друг за другом на соседнем дереве. Они носились вокруг ствола, и их золотистые бока и серые спинки мелькали, как молния. Белочки

промчались по земле и, совершенно не замечая меня, взлетели на сук, на котором я сидел. Одна белка прыгнула прямо на носок моего башмака и оглянулась на свою товарку, а та, замерев, уставилась на меня блестящими черными глазками. Затем она обратилась в бегство, за ней ускакала и другая.

Сидя на суку, я слушал любовную песню оливкового голубя. Это приземистая птица с синевато-серым оперением, покрытой белыми пятнышками грудкой и желтым клювом. Оливковые голуби пугливы — они тихо сидели в густой листве деревьев и вдруг взлетали, так громко хлопая крыльями, что я вздрагивал. Крик токующей птицы можно описать как звонкое «брууууу», звучащее все пронзительнее, а затем несколько воркующих, низких «бруууу-ооо». После этого птица взвивалась высоко в воздух и плавно скользила вниз, изогнув крылья, распустив хвост, издавая странные звуки, похожие на рев осла. В промежутке между 19 ноября и 27 апреля я нашел шесть гнезд этого голубя. Гнезда эти — непрочные сооружения из нескольких хворостинок, сложенных в развилке дерева, футах в двадцати от земли. В каждом гнезде было по одному белому яйцу или по неоперившемуся птенцу, покрытому бледно-желтым пухом.

Другая тропинка, по которой мы с Кей часто ходили, приводила нас к лугу Рукуми. Мы любили время от времени выходить из леса, чтобы поглядеть на обширные пространства травянистых зарослей. Часто целью наших походов была аппетитная ежевика, вызревающая на лугу круглый год. Иногда мы брали с собой какую-нибудь посуду и набирали по несколько кварт этой ягоды. Из нее Кей делала сироп для оладий, пекла пироги и лепешки. А иной раз мы просто ходили от полянки к полянке, собирали и ели свежую спелую ягоду, особенно вкусную после извечных консервов. Гориллы были тоже не прочь полакомиться: однажды

на краю луга я увидел самца с серебристой спиной, который не спеша срывал ягоды и отправлял их себе в рот.

Часто, когда я уходил на поиски горилл, Кей оставалась в Кабаре, шила, стряпала, занималась хозяйством. Кроме того, она ведала всей корреспонденцией экспедиции. Вот ее описание обычного дня:

«Стоя на горке у нашего домика, я смотрела, как Джордж пересекает луг, останавливается, машет мне рукой и исчезает среди деревьев. Тогда я шла обратно домой, садилась на стул у печки, наливала себе чашку кофе и обдумывала дела. Мой день уходил на то, чтобы следить за деятельностью Андреа и печки. Оба они предпочитали лениво дымить. Выпив кофе, я звала Андреа и пыталась привести его в деятельное состояние. Ему полагалось каждый день рубить дрова. Но он не любил ходить один в холодный, мокрый лес и радовался любой отсрочке, например необходимости вырыть еще одну помойную яму или зарезать и выпотрошить курицу, которую я потом весь день варила на слабом огне, чтобы она стала мягче. Если небо обещало ясную погоду в течение ближайших часов, а бочки были полны дождевой водой, затевалась стирка белья. Вода в бочках была нестерпимо холодной, и я вливала в корыто чайник кипятку, главным образом с психологической целью. Какая бы ни была стирка, большая или маленькая, она занимала у Андреа часа полтора. Иногда нужно было выстирать брюки, рубашку и три пары носков; иногда белья бывало раза в три-четыре больше — все равно! Каждый предмет старательно намыливался и терся, при этом мыло истреблялось в таких количествах, что наконец пришлось выдавать его по норме. Сперва Андреа никак не мог понять, как употреблять прищепки для белья, и я сама развешивала выстиранные вещи. Это заставляло

его немножко поторапливаться. Думаю, что он тайком практиковался с прищепками, и когда однажды мне надоело ждать очередной порции белья и я пошла прогуляться, то, вернувшись, увидела, что он сам все развесил, правда, довольно неумело, прихватив каждый предмет несколькими прищепками».

Иногда я сидела неподалеку, пока Андреа на корточках трудился у корыта. И он, и я старались узнать что-нибудь о жизни друг друга. Приходилось идти в домик за словарем суахили и после значительных трудностей нам удавалось провести небольшую беседу:

— У мадам есть слуга в Америке?

— Нет, в Америке у меня машины, которые стирают и убирают.

— ...У-х-х-х-х. В другой раз:

— Андреа, у тебя есть жена?

— Нет, мадам. Стоит много франков.

— Сколько?

— Три тысячи франков, мадам. А сколько франков в Америке?

— Нисколько франков. В Америке жена задаром.

После этих слов раздавалось изумленное «ух-х-х-х!» и наконец:

— Бвана и мадам возьмут Андреа в Америку?

Приспособив Андреа к какой-нибудь работе, я принималась за свои собственные дела. Сперва вытрясала спальные мешки, а иногда вешала их проветриваться во дворе. Добавив таким образом перьев и пыли к накопившемуся на полу мусору, я брала щетку и без труда заметала все это в многочисленные щели в деревянном полу. Один раз мы набрали лишайника и законопатили щели, надеясь таким образом избавиться от холодных сквозняков, но всякий раз, когда Андреа подметал пол, он старательно выковыривал лишайник. Потом наступала очередь

фонарей; я предпочитала чистить, заправлять и чинить их собственными руками, так как это была слишком большая ценность, чтобы ее доверить нашему нескладному Андреа.

Очень много времени занимала починка вещей. Каждую пару носков Джорджа приходилось штопать по многу раз. Его штаны, штормовка и даже рюкзак постоянно нуждались в ремонте. Мне думается, что я переделывала его любимую темно-зеленую штормовку по крайней мере раза два. Даже с помощью наперстка не удавалось проткнуть иголку сквозь плетеные ремни рюкзака. Приходилось делать это, уперев иглу в стол и обеими руками натягивая на нее материю. При этом всегда прокалывались пальцы.

Пироги были в нашей жизни событием. Дело было даже не в том, какими они, в конце концов, получались. Было интересно пробовать всякие новые способы сочетания составных частей, стараясь обойтись тем, что имелось под рукой. Так как мы жили на значительной высоте, приходилось ко многому приспосабливаться, а капризы походной печки — «чудо» еще больше усложняли дело. «Чудо» надо было сбалансировать на примусе, который в свою очередь надо было поставить в устойчивое положение на неровных досках пола, употребляя для этого щепочки и кусочки бумаги, подsunутой под его ножки. Как-то раз я поставила примус на большой стол, но едва мы прошли по комнате, стол дрогнул и «чудо» свалилось.

После многочисленных попыток я нашла на полу самое ровное местечко, и все-таки, пока пекся пирог, нужно было ходить с величайшей осторожностью, а еще лучше — совсем не двигаться во избежание несчастных случаев. Жар из «чуда» выходил во все дырки, так что в результате содержимое парилось снизу и сохло сверху. Но какой бы сырой или пересохший ни получался пирог, нам он казался великолепным. В те дни, когда я делала

пирог, Джордж ценил меня как никогда. Мы пекли яблочные и ягодные пироги, абрикосовые торты, лепешки, имбирное печенье, кукурузные коржики, сдобные булки к кофе, пироги с персиками и хлеб. Даже наше ужасное «чудо» не могло окончательно испортить хлеб; обычно мы пекли его из овсянки с патокой или из необрушенной пшеницы; пшеничный был нашим любимым угощением. Я пекла один каравай в неделю, стараясь приурочить его ко времени возвращения Джорджа от горилл. Мы любили есть его горячим, прямо из печки, с маслом и медом. В первый день мы роскошествовали — съедали по три ломтя каждый, а в последующие — по два.

Время от времени появлялся сторож заповедника и требовал «дава» — лекарство. Мы обычно давали аспирин; некоторые из сторожей его очень полюбили. Они приходили снова и снова, иногда по несколько раз в день, надо полагать, твердо веря в превентивное лечение. Если кто-нибудь «все не мог поправиться», ему давалась порция слабительной соли, с приказом «пациенту» пить лекарство очень медленно. Это неукоснительно их излечивало. Сторожа весьма любили бинты и просили меня перевязать даже давно зажившие шрамы. Но я смеялась и качала головой, и они ухмылялись, словно все это было шуткой. Может быть, так оно и было.

Разделавшись с домашним хозяйством, я садилась за машинку и писала несколько писем или отчет для Джорджа. Андреа был совершенно зачарован пишущей машинкой. Он часто стоял у меня за спиной, глядя, как я печатаю. Иногда я выходила на волю, собирала растения, делала снимки или, если день был не пасмурный, просто сидела на солнышке, читала, вязала, стараясь распределить пряжу так, чтобы ее хватило для вязанья на все время пребывания в Кабаре.

Часто прилетали две белошеие вороны; я очень любила их общество. Раньше мне никогда не приходилось приручать диких животных, и, может быть, поэтому я была к ним особенно привязана. После того как я прикармливала их несколько недель, они стали очень требовательными: прилетая, громко каркали и гомонили до тех пор, пока я не выносила им каких-нибудь остатков еды. Если я выходила к ним с пустыми руками, вороны клевали ботинки и одежду, словно стараясь уговорить меня принести им что-нибудь поесть. Они были ужасные воришки, и мы с Джорджем быстро научились не разбрасывать наши вещи. Мне не раз приходилось отнимать у птиц мыло, одежду Андреа и сторожа. Но вороны были симпатичные, забавные существа. Мы провели вместе много веселых и интересных часов.

В середине дня наступало время подумать об обеде. Я отправлялась в кладовую и просматривала все ящики с консервами (Джордж любил возиться в кладовой, раскладывая наши припасы то так, то этак — тогда он чувствовал себя рачительным хозяином). Мы почему-то легко забывали, что было на обед в предыдущие дни, и, выбирая еду, я старалась руководствоваться числом банок, оставшихся в распакованных ящиках. Чтобы нам не пришлось питаться одним консервированным мясом, мы составили меню на месяц вперед. Хотя у нас был приличный выбор: тушеный бифштекс, почки, ветчина, котлеты, язык, лососина, просто мясо в своем соку — по вкусу они не отличались друг от друга. Чтобы как-нибудь разнообразить стол, я стала приправлять консервы большим количеством лука, грибов, разных, пряностей и вина. Обычно мы ели суп, мясо, овощи, картошку или рис, а на десерт — фрукты или какое-нибудь домашнее печенье. Нам больше всего нравился «обед из одного блюда» — рис по-испански, или гуляш, или спагетти. Любимым блюдом было мясо, тушенное с

картошкой, луком-пореем, помидорами, горошком, грибами, морковью и кое-какими сушеными овощами. Во все это я добавляла капельку острого соуса, разные приправы и красное вино. Я нашла хороший рецепт приготовления клецок с зеленью, и Джордж всегда просил меня их сделать.

Около четырех часов я начинала ждать возвращения Джорджа, то и дело выходя из домика и поглядывая в сторону тропинки. Наконец он появлялся, озябший и голодный, и я сразу давала ему горячее какао или бульон, а если в этот день что-нибудь пекла, то он получал «лишний» кусочек. Пока Джордж переодевался в теплый свитер и сухие штаны, я развешивала его промокшую одежду у огня, а он рассказывал о том, как вели себя гориллы и что нового он узнал за этот день.

Время в горах летело быстро. День за днем, месяц за месяцем, редко что-нибудь нарушало размеренный ритм жизни. Здесь, у самого экватора, продолжительность дня почти не меняется; температура одинакова круглый год; в горах не было того, что мы называем временами года, — просто в некоторые месяцы дожди шли более обильно, чем в другие. За все время жизни в Кабаре нас навестил только один человек. Администрация заповедника очень строго запрещала посещение района вулканов. Только Гренольд Коллинз, старый друг нашей семьи, пробыл у нас два дня в конце октября. Было так непривычно сидеть и разговаривать с третьим человеком, толкуя о делах столь далекого от нас внешнего мира. Интересы нашей жизни были сосредоточены в пределах хижины, поляны и леса, с населяющими его живыми существами, так что разговоры редко выходили из этого круга тем.

Гориллы были нашими ближайшими соседями, и мы судачили о их делах, как судачат о соседях: миссис

Пятнышко поссорилась с миссис Черноголовой, миссис Мозолистая Джейн в первый раз позволила своему малышу прокатиться у себя на спине, поврежденный больной глаз у миссис Кривой, видимо, разболелся еще сильнее. Живя в тесном и постоянном общении, Кей и я научились угадывать заранее поступки друг друга, изучили все привычки до мелочей. Слова становились все менее нужными. Теперь легче было понять, каким образом гориллы так успешно координируют свои действия жестами и немногими звуками. Очевидно, такого общения вполне достаточно для их простой жизни. И лишь изредка Кей говорила со вздохом: «Как мне хочется поговорить с женщиной о кулинарных рецептах, тряпках, обо всем том, что тебя не интересует».

Радио у нас в Кабаре не было: мы не хотели нарушать покой нашей жизни шумами, долетающими из внешнего мира. От сотрудников Национального Парка никаких новостей никогда не поступало. Только раз в три недели, когда сменялся сторож заповедника, нам доставляли почту.

День почты! Когда наступал этот долгожданный день, Кей поминутно выглядывала из домика в надежде увидеть на опушке леса нового сторожа, пришедшего на смену. Иногда его присылали с опозданием на несколько дней, но рано или поздно он появлялся в сопровождении местного жителя, который тащил на себе его трехнедельный паек бобов, риса, сушеной рыбы и пива. Мы всегда с волнением открывали письма из дома и читали «Тайм» и «Ньюсуик», желая узнать, что же произошло за это время. Но через несколько часов внешний мир снова отступал далеко на задний план до следующего почтового дня.

Сторожа считали пребывание в Кабаре сущим наказанием. Они ненавидели такую жизнь: здесь было холодно и сыро, за исключением Андреа им было не с

кем поболтать и выпить пива. Кей всегда беспокоилась, когда я в одиночку бродил по лесу целыми днями, а иногда оставался там и на ночь. Если она сама не шла со мной, то настаивала, чтобы со мной шел сторож. Для ее успокоения, я иногда брал его в поход, но, если гориллы были близко, оставлял в каком-нибудь месте ожидать моего возвращения. Вполне понятно, что большинство сторожей терпеть не могли эти прогулки: крапива обжигала им ноги, а лесные животные вызывали у них слепой ужас, который несколько не уменьшался от того, что животные эти были им не в новинку. Однажды со мной был сторож Донати, рослый самоуверенный парень. Буйвол, чей сон мы, очевидно, потревожили, шумно выскочил из зарослей прямо на нас. Я встал за дерево, а Донати, громко вопя, пустился бежать по тропе, словно буйвол за ним гнался. Между тем животное просто пронеслось мимо нас и исчезло в лесу. Подобное происшествие случилось и с Десмосом, худым, мускулистым сторожем, в котором чувствовалась примесь крови батутси. Он шел прямо за мной, когда мы неожиданно наткнулись на группу горилл. Самец поднялся из зарослей и несколько раз оглушительно взревел. Десмос кинулся бежать вниз по откосу, и я увидел его только несколько часов спустя, когда он появился хромя, с вывихнутым коленом, которое он повредил во время своего поспешного «отступления». Судя по тому как они себя вели, мне начинало казаться, что «парковый сторож», или «сторож заповедника», совсем не должность, а почетное звание, не имеющее отношения к их прямым обязанностям.

Только раз в несколько недель или даже месяцев случались дни, когда наблюдения за гориллами не велись, например в сочельник. Накануне мы отправили Андреа и сторожа в их деревню и остались одни. Погода стояла отвратительная, густой туман волнами

накатывался на луг, и в этой серой мгле лес то появлялся, то исчезал, как во сне. Протопанная буйволами тропа вела от пруда вверх, на склоны Микено. Я пошел по ней в поисках рождественской «елки».

Высоко на горе, там, где уже не росли хагении, я нашел деревья, которые искал. Заросли вереска покрывали гребень горы, и, побродив немного, я нашел вересковое деревцо футов пяти вышиной, с довольно симметрично расположенными ветками, срезал его ножом и отправился домой, вскинув деревцо на плечо. Я бегом спускался с горы сквозь темные заросли деревьев, сквозь туман и свистящий вокруг ветер, а ветви хлестали меня по лицу; в эти минуты я от всей души надеялся, что не столкнусь с буйволом. Так я мчался под гору, почти летел в состоянии какого-то упоения, пока не достиг нашего пруда. Кей меня ждала. Мы украсили деревцо желтыми цветами, собранными в лесу, и серебряными звездами, вырезанными из оберточной фольги. Чтобы сделать Кей сюрприз, я еще из дому захватил нашу любимую игрушку — маленькую птичку гаичку, вырезанную из дерева. Мы вынули ее из бумаги и повесили на ветку. Под «елочкой» были разложены подарки — книги и другие вещи, на столе стояла миска с апельсинами и орехами, ее венчал ананас.

Весь первый день рождества сеял мелкий дождик. К полудню я вдруг почувствовал, что очень хочу навестить моих горилл, и отправился к Бишитси. Несмотря на накидку из пластика, я промок до костей. Проходя час по следам, я увидел группу VII, очень медленнодвигающуюся под дождем. Животные почти не обратили на меня внимания. Я влез на низкую развилку дерева и лег на большой горизонтальный сук. Ключья тумана вились между деревьями; мелкий дождь перешел в ливень. Гориллы не торопясь двинулись в

мою сторону и укрылись от дождя у ствола большого дерева, соседнего с тем, на котором я лежал. Длинные волосы на телах обезьян намокли от дождя; от животных шел слабый запах, как будто от мокрого одеяла. Они неподвижно сидели под деревом, прижимаясь друг к другу, видимо, чтобы согреться. Шли часы. Дождь хлестал меня по спине, гориллы сидели в своем убежище и молчаливо наблюдали за мной. Существует поверье, что в ночь под рождество люди и звери забывают вражду и разговаривают между собой, как равные. Временами гориллы говорили со мной своими выразительными глазами. Я чувствовал, что мы понимаем друг друга, хотя с наших губ не срывалось ни звука. В лесу незаметно темнело, и я вдруг обнаружил, что уже пять часов. Покинув горилл, я заспешил домой, а когда вышел из лесу на дальний край поляны, увидел Кей, стоящую на пригорке у хижины, — такую одинокую в этом тумане и надвигающихся сумерках. Слезы струились по ее лицу. Когда, обняв, я прижал ее к себе, она сказала, что уже очень поздно, что сегодня рождество, что она думала, что со мной что-нибудь случилось, так как я все не шел и не шел домой. В тот вечер у нас был роскошный ужин: курица (наша последняя), спаржа, кукурузные коржики, рис и миндальный кекс. Мы даже выпили вина, а на этой высоте одного стакана достаточно, чтобы почувствовать его действие.

Еще до рождества, 11 декабря, я пошел к Бишитси и по обыкновению стоял там, разглядывая расстилавшуюся передо мной равнину. Я увидел бродившие стада, краали и хижины скотоводов батутси там, где всего лишь неделю тому назад тянулся сплошной кустарник. Почему произошло это внезапное вторжение в заповедный район? Почему администрация парка ничего не предприняла — а ведь они наверняка знают, что случилось? Домашний скот и дикие

животные не могут подолгу жить бок о бок в этих горах, так как скотина съедает и вытаптывает растительность до такой степени, что другим животным, например буйволам и гориллам, уже нечем питаться. Я слышал о постоянных стычках между администрацией парка и воинственными батутси, которые все время нуждаются в новых пастбищах для своих обширных стад.

Однако на этот раз причина появления здесь батутси была совсем другая. Это были беженцы, которые вместе со своим стадом прятались в лесу. У подножия нашей горы вспыхнула междоусобная война: племя хути восстало против своих бывших господ — батутси. Тысячи батутси спасалось бегством в Уганду...

Мы впервые узнали об этом не от администрации парка, а прочли сообщение в журнале «Тайм», который был нам доставлен с опозданием на несколько недель. Сторожа выгнали стада из Бишитси обратно, в сторону Руанды; я же думал о том, сколько еще других стад бродит в этой местности в стороне от обычных маршрутов обхода парковых патрулей.

Я еще не был на горе Високе высотой в двенадцать тысяч двести футов и решил обследовать эту часть парка, посмотреть, есть ли там гориллы и скот.

Сторож и я вышли из Кабары утром 5 января; каждый из нас нес трехдневный запас еды. Первая часть путешествия на север от Бишитси прошла быстро, но потом мы повернули на восток, пересекая местность, густо заросшую крапивой. Тут было мало протоптанных буйволами троп, и мы с проклятиями прорубались сквозь заросли, а часа два спустя выбрались на широкую, проложенную скотом тропу, ведущую к границе Руанды.

У подножия горы Високе мы вышли на луг и тут, под деревьями, расположились на нашу первую ночевку. Внезапно совсем близко я услышал позвякивание коровьих колокольчиков; два батутси, одетые в

долгополые куртки и вооруженные копьями, выгнали стадо в двадцать пять голов на участок, поросший травой. Когда я сказал моему сторожу о появлении батутси, он, понятно, испугался, и мы до вечера молча просидели в кустарнике. Только когда поднялся туман, мы отважились развести костер и сварить еду.

С первыми лучами солнца мы свернули лагерь и двинулись прямо вверх по склону горы Високе. Под нами, на краю луга, горели два костра, около него сидело на корточках несколько батутси. С нашей безопасной высоты я крикнул по-французски и на суахили, якобы давая команду солдатам: «Эй! Ребята! Окружай! Быстро, быстро!»

Думая, что на них сейчас нападут, батутси метнулись в лес, побросав у костров свои жалкие пожитки. Я был доволен, но сторож стал отчаянно показывать мне знаками, чтобы я скорее лез за ним в гору. Подъем на Високе был легкий. Скоро лес сменился растущими тут и там гигантскими сенецио. Наконец мы достигли плоской вершины, на которую впервые совершил подъем геолог Кирштейн в 1908 году. Гориллы побывали здесь до нас, но мы их там не видели, да и вообще мало что можно было разглядеть в густом тумане. В лицо хлестал резкий ветер. Время от времени облака на мгновение расходились, тогда внизу, под нами, в кратере, блестело озеро диаметром примерно в милю. Идя сквозь клубы тумана, мы обошли кратер по краю и начали спуск с горы с противоположной стороны. Плато, обращенное к горе Сабинию, усеивали, словно коричневые точки, сотни коров. Седловина между горами Високе и Сабинию покрыта травянистыми лугами и кое-где зарослями бамбука, к сожалению, это идеальное пастбище. Я был в этой местности в июле 1959 года, в самый разгар засушливого сезона, но нашел здесь очень мало следов пребывания горилл, которые предпочитают леса с их

более сочной растительностью. Слишком много батутси бродило по лесам, вокруг горы Високе, и поэтому путешествовать там было небезопасно. Мы решили вернуться в Кабару, куда прибыли в тот же вечер совершенно измученные.

После пяти месяцев, проведенных в Кабаре, наши припасы почти совсем истощились. 16 января за нами пришли носильщики. Чтобы присматривать за нашим имуществом, пока мы не вернемся, остались два сторожа. После этого целых две недели мы путешествовали и общались с людьми. Однако потребность в уединении успела незаметно стать привычкой, и после нескольких дней «культурной жизни» мы с тоской вспоминали наше горное убежище. Привыкнув сосредоточиваться в себе, мы уже не нуждались в развлечениях. Даже обильные и разнообразные обеды в гостиницах — предмет наших мечтаний — быстро приелись. 1 февраля, в проливной дождь, мы вернулись в Кабару. Славно было снова очутиться дома.

Впоследствии мы еще дважды спускались с гор — первый раз в конце февраля, чтобы увидеться с доктором Фэйрфильдом Осборном, президентом Нью-Йоркского зоологического общества (которое взяло на себя организацию нашей экспедиции), и его женой, а второй раз — в середине мая, чтобы провести несколько дней с матерью Кей, совершавшей кругосветное путешествие. Возвращаясь в Кабару после этой второй вылазки одни, без провожатых, Кей и я набрели на стадо слонов, совершенно неподвижно стоявших вразброд среди тесных рядов бамбуковых стволов. Мы почуяли их запах, услышали бурчание желудков, одно животное затрубило, но мы их так и не видели. Чтобы обойти слонов, пришлось спуститься в каньон Каньямагуфа, а потом подняться вдоль каменистого ложа ручья. Там, под нависшей скалой, был костер и

остатки антилопы дукера, — видимо, браконьеры услышали наше приближение и удрали. Наконец после тяжелого подъема по стене каньона мы добрались до нашей тропы и тут почти столкнулись со слоном, который стоял за поворотом тропинки. Сделав еще один крюк, мы с радостью убедились, что отделались наконец от этих грозных лесных великанов.

В самом начале жизни в горах Кей вполне естественно тревожила мысль о слонах. «Они никогда не поднимаются в Кабару», — уверял я, потому что во время первого посещения этих мест в марте 1959 года ни разу не встречал здесь слоновьих следов. Но когда мы приехали в августе, прямо перед хижиной лежала огромная куча навоза, оставленная, несомненно, каким-то отставшим от стада слоном. В дальнейшем, пока мы там жили, ни один из них не поднимался на такую высоту.

После каждой поездки вниз, в долину, жизнь легко входила опять в прежнее русло, и день за днем сведений о гориллах собиралось все больше. Многие записи были очень объемисты, но практически являлись повторными описаниями одних и тех же фактов поведения животных. Порой казалось, что не стоит тратить времени и сил Для того, чтобы вновь и вновь наблюдать, как гориллы едят и отдыхают. Однако только благодаря постоянным повторениям можно было обнаружить и истолковать некоторые малозаметные действия, которые я сначала проглядел.

Увидев впервые гору Микено, я почувствовал, что должен взобраться на ее вершину. Но похоже было, что это нелегкое дело, да и все это подтверждали. Первые попытки достичь вершины кончались неудачей. В 1908 году герцог Мекленбургский дошел до основания огромной скальной стены, которая вздымалась к вершине. Дершайд, член экспедиции Экли, был в двухстах футах от вершины в 1926 году, но ужасные

метеорологические условия заставили его отступить. Такая же участь постигла орнитолога Дж. Чапина и двух миссионеров. Наконец в августе того же года отец Ва-Хёф и отец Деплюи вместе с господином Леонардом из Бельгии и его женой добрались до обнаженной вершины. С тех пор подъем был повторен несколько раз.

Мое излюбленное местечко находилось на высоте тринадцати тысяч футов, на гребне горы, который резко обрывался в направлении луга Кабары. Мне нравилось валяться на мягком ковре из манжетки, блуждая взглядом по дальним холмам, по лесу и небу, ощущая мир и спокойствие окружающих гор. Когда я уходил из дому, чтоб туда забраться, раздосадованная Кей всегда упрекала меня: «Ты и так проводишь целые дни наедине со своими гориллами, а вернешься домой и говоришь, что тебе надо побыть одному!» Действительно, по непонятной причине день, проведенный с гориллами, часто производил на меня такое же действие, как пребывание в толпе людей; мне бывало просто необходимо побыть в одиночестве. Много часов, сидя в моем подоблачном убежище, я рассматривал скалистую стену горы Микено. Я изучил все гребни и расщелины и нашел наилучший путь к вершине. Дело было в марте, погода стояла довольно хорошая (по крайней мере часть дня), и я понял, что если совершать подъем, то надо делать это без промедления, 13 марта. Солнце еще не встало, температура была около нуля, когда сторож и я вышли из Кабары и начали подъем. Через час мы прошли лес и вышли в полосу сенацио, обливаясь потом от ходьбы в гору. Мы пошли по буйволовой тропе вверх, к подножию огромной скалистой стены, которая отвесно поднималась к острой вершине, возвышающейся на полторы тысячи футов над нами. Небо было ясное, но вдалеке, за Гомой, над озером Киву, кучились белые

облака. Дальше я отправился один, а сторож остался на горке ждать моего возвращения. Я шел вдоль скальной стены до тех пор, пока в одном месте откос, поросший мхом и карликовыми сенецио, не стал более отлогим. Я погрузил руки в ледяной мох, ища, за что бы зацепиться, и начал медленно, фут за футом взбираться вверх. Пальцы скоро онемели от холода. Поверхность горы превратилась в лабиринт обрывистых ущелий, блестящих от покрывавшего их золотистого мха, каскадами спадавшего со стен. Это был предательский мох — он нет-нет да и обрывался, не выдерживая тяжести моего тела. Но я продолжал медленно подтягиваться, карабкаться по скалистой стене и наконец достиг ровного плато, покрытого осокой. Земля бугрилась голыми, скользкими кочками, повсюду лежали градины, вокруг поднимался легкий туман. Было совершенно тихо.

Прошло уже три с половиной часа после выхода из Кабары. Одолевая последний подъем к скалистой вершине, я не видел никаких следов млекопитающих или птиц. На самой верхней точке я нашел разбитую бутылку и крышку от железной банки, но никаких заметок или пирамидки, сложенной из камней, там не было. Мне хотелось помедлить на горе и насладиться видом Ньярагонго, над которым гигантским грибом вставали клубы пара, и синими холмами Руанды, простиравшимися до самого горизонта. Однако сплошная масса облаков уже докатилась до подножия вулканов Вирунга. Я торопливо двинулся обратно под гору, по собственным следам, радуясь, что их еще можно различить в густом тумане, окутавшем меня со всех сторон. Спустя шесть часов после того как сторож и я вышли из Кабары, мы уже были дома, а на вершине горы грохотали раскаты грома.

В сумерки я любил постоять на пригорке у хижины. Андреа и сторож болтали, сидя в сарае. Дымок из очага

выползал из двери, повисая над лужайкой, как первый, робкий призрак ночи. Из окна падал мягкий свет керосинового фонаря. Слышно было, как по дому ходит Кей, стряпая ужин. Вокруг возвышался лес, молчаливый, потому что дневные птицы уже умолкли. Только оливковые дрозды продолжали ссориться. Иногда турач нарушал тишину громким, настойчивым криком «цикове, цикове». Эти рыжеватые, похожие на куропаток пугливые птицы любят уединение. Мне редко удавалось их видеть, так как при приближении они не взлетают, а убегают в заросли. Когда турачи и дрозды наконец совсем затихли, из леса уже не доносилось ни звука, ни шороха. Только иногда стремительно проносилась маленькая летучая мышь, да мягко покачивался свисающий с ветвей лишайник.

В сумерках черные буйволы становились особенно деятельными. На лугу Рукуми и в бамбуковых зарослях, где паслись эти животные, их стада в отдельных случаях достигали двадцати голов, но в зарослях хагении они держались маленькими группами — от двух до пяти животных, часто встречались одинокие быки. На нашем лугу трава была сочная, зеленая. Почти каждый день один-два буйвола забредали к нам и паслись вокруг хижины. Если их что-нибудь пугало, они замирали, нагнув голову, потом резко поворачивались и уносились прочь. Под их блестящей шкурой играли мускулы, а хвост был напряженно вытянут. Громко топая копытами, издавая хриплый, раскатистый рев «брууу», они устремлялись подкрытие леса. Эти буйволы были миролюбивыми животными и никогда первыми не нападали. Но их размер и изгиб рогов невольно внушали уважение, и по ночам мы выходили из дому с опаской, чтобы невзначай не наткнуться на пасущееся животное. С наступлением темноты я обычно выходил по необходимости из нашего домика и тем самым создавал «солончак». Буйволы быстро нашли

место, где земля была пропитана солью. И с тех пор почти каждую ночь мы слышали, как какое-нибудь из этих громадных животных рыло землю копытом, фыркало, лизало, чмокало губами и наконец терлось о стену хижины.

Вечерняя трапеза была самым торжественным событием всего дня. Сидя у печки, стараясь согреться сам и не дать остыть еде, я с наслаждением уничтожал все, что приготовила Кей. После ужина Андреа мыл посуду — этим завершался его рабочий день. Андреа всегда двигался так, будто парил в мечтах, — медленно, словно изнемогая от усталости. Вытирая посуду, он то и дело застывал в неподвижности, устремив взор прямо перед собой, в дощатую стену, как бы пораженный красотой раскинувшейся перед ним картины. Андреа был медлительный, но зато симпатичный парень и честный; мы были рады, что он согласился остаться с нами в Кабаре.

С наступлением темноты мы с Кей выходили на луг. Небо было ясным, свет луны и звезд нежно серебрил все вокруг. Иногда в отдалении ухала сова. Однажды Кей откликнулась на ее печальное «у-ху». Они начали перекликаться, сова перелетала все ближе и ближе и наконец беззвучно опустилась на дерево над самыми нашими головами. Маленькая сплюшка немигающими желтыми глазами уставилась на свет электрического фонарика, на ее серо-коричневатой головке стояли торчком два «рожка» из перьев.

Иногда лес по ночам оглашался наводящими жуть воплями древесных даманов. Эти вопли напоминали кваканье гигантских лягушек, смех гиен, крики женщины, которую душат. Даманы (в Библии они называются «зайцами») — животные размером с кролика, покрытые мягким, серо-коричневым мехом, у них маленькие бархатистые ушки и тупой носик, похожий на блестящий трюфель. На каждой лапке

только по три пальца, на конце каждого пальца — коготь. Даманы в лесу ведут довольно уединенный образ жизни, у них повадки грызунов; они гнездятся в дуплах деревьев и в норах под обломками лавы. Их ближайшие родственники — слоны. Этому трудно поверить, если не сравнивать их черепа и любопытной формы передние верхние зубы, которые представляют собой два миниатюрных трехгранных «бивня». Говорят, что вопли издают самцы, чтобы привлечь самок. Обычно одно животное начинает стонать и хрипеть между восьмью и одиннадцатью часами вечера; к нему присоединяются другие, и скоро горы содрогаются от их воплей. Через час опять наступает тишина, а от часу до четырех утра даманы возобновляют свой концерт. Я не мог проследить закономерности этих криков; они раздавались после неравномерных перерывов, иногда в течение двух или трех ночей подряд, и в дождливую и в ясную погоду. Мы слышали их в августе и в сентябре, редко — в октябре. В течение четырех месяцев, от ноября до февраля, не крикнул ни один даман, зато в марте и апреле они снова принялись за свое пение, а в мае их вопли раздавались особенно часто.

Перед сном мы садились поближе к печке и выпивали по чашке горячего какао. В чайнике кипела вода, над головами сушилась промокшая одежда. Мы сидели молча, наслаждаясь теплом до тех пор, пока ночной холод не начинал проникать в хижину. Тогда, обычно около восьми часов вечера, мы стелили постели и умывались не слишком тщательно — ведь, живя на лоне дикой природы, просто не успеваешь испачкаться. Изредка, раз в несколько недель, мы купались в ванне из оцинкованного железа. После этого мы поспешно забирались в спальные мешки и лежали в них, не шевелясь, дрожа от холода, пока не прогревали их собственным телом, и только тогда засыпали.

День гориллы

В октябре начались дожди. День за днем темные тучи покрывали вершины гор. Туман проникал в седловину не крадучись, на кошачьих лапках, а вваливался тяжело, слоной поступью, огромными клубами. Он растекался, принося с собой слабый запах гниющей листвы и моросящий дождь. В октябре, ноябре и декабре на каждый месяц приходилось в среднем двадцать три пасмурных дня. Дождь шел ежедневно в течение двух с половиной часов. Капало с каждого листка, лишайники и мох были словно губки, пропитанные водой, тропинки превратились в болота, в каждом отпечатке копыта буйвола стояла лужица. Иной раз, когда я бродил по мокрому лесу по пояс забрызганный грязью, промокший до нитки, невольно мелькала мысль, что, наверно, есть на свете места, не такие трудные, более приятные в климатическом отношении, где тоже можно проводить научную работу. Но потом я оглядывался по сторонам и видел громады гор, лес узловатых, искривленных деревьев, где тусклый серебристый свет просачивался сквозь космы серо-зеленых лишайников, причудливыми узорами свисавших с ветвей. Это был мой собственный рай, со мной и с Кей его разделяли лишь гориллы и другие дикие животные. «Взойди на горы, услышь их привет, и в тебя вольются мир и тишина природы...» — писал Джон Мьюир. Теперь я его понимал. Я не променял бы Кабару ни на какое другое место на земном шаре.

Гориллы, по-видимому, не любили дождя. Когда начинался ливень, животные, которые были на деревьях, спускались вниз и сидели скорчившись на земле. Малыши возвращались к своим матерям, прижимались к ним, чтобы не промокнуть.

Иногда два подростка прижимались друг к другу и застывали в такой позе, а струи дождя скатывались по их телам. В такую погоду гориллы, казалось, уходили в себя, свойственная им живость пропадала, и даже мое появление не возбуждало их. Один раз я набрел на группу горилл во время грозы. Ни одна горилла не пошевелилась, хотя я съежился под деревом в двадцати футах от ближайшего животного.

Меня приводила в недоумение реакция горилл на дождь. Зачастую они сидели под дождем, хотя легко могли остаться сухими, если бы прошли несколько футов и спрятались под наклонившимся стволом дерева. Случалось, правда, что вся группа собиралась под защиту дерева, толкаясь и теснясь, причем каждое животное старалось захватить местечко получше, где не капало. Один раз самка с детенышем попыталась протиснуться под дерево, где и так уже было тесно; другие обезьяны ее вытолкнули, визжа и скаля зубы. И все-таки та же самая группа, что один день прячется в укрытии, другой день остается под дождем. Я так и не понял причины такой непоследовательности. Возможно, гориллам довольно безразлично где бы ни быть. Подобное же происходило и по вечерам. Один раз все члены группы, сидевшие в уютных сухих местах под деревьями, вылезли из своих убежищ и устроили гнезда прямо под открытым небом, где их всю поливало дождем.

Обычно гориллы ходят на четвереньках, а когда передвигаются на задних конечностях, то редко проходят более пяти футов. Я видел дважды, как горилла, встав во весь рост, прошла более двадцати футов. Шел дождь, и животному, видимо, не хотелось мочить руки и грудь о растительность. Один раз под дождем самец с серебристой спиной прошел выпрямившись и скрестив на груди руки более двадцати пяти футов. Другой раз самка прошла таким

образом шестьдесят футов, чтобы спрятаться под деревом.

В периоды сильных дождей гориллы простужаются легче, чем в другую погоду. Прозрачная слизь текла из их носов, и резкий кашель нарушал лесную тишину. Заболевания дыхательных путей и некоторые другие болезни, видимо, главная причина смерти горилл. Хорошо известно, что в неволе обезьяны часто гибнут от воспаления легких. Дикие гориллы Западной Африки страдают от фрамбезии, болезни, которая разъедает лицо, а также от болезни, напоминающей проказу. Скелеты животных в музеях свидетельствуют о том, что гориллы иногда страдают артритом. В Кабре гориллы, казалось, были вполне здоровы. Многие болезни, обычные для низменных местностей, не встречаются на этих высотах: здесь нет ни москитов, ни мошки, ни клещей, ни других паразитов — переносчиков болезней. Когда я рассмотрел в микроскоп пробы экскрементов, то с изумлением обнаружил в них яйца круглых глистов, напоминающих человеческие скребни. Они присутствовали более чем в половине исследованных проб. Хотя наличие инвазии в кишечнике само по себе не обязательно означает серьезное заболевание, оно понижает сопротивляемость организма животного, особенно старого, и создает предрасположение к более опасным заболеваниям.

Как реагируют гориллы на заболевание или смерть одного из членов группы? Правда ли, что животные «покрывают его труп грудой листьев и засыпают землей, которую они наскребают и собирают специально для этого», — предположение, высказанное анатомом Оуэном? Горюют ли они, когда умирает член их группы, старый товарищ, с которым они изо дня в день общались? А может быть, они просто бросают труп или заболевшее животное, и его в конце концов пожирают звери и птицы, питающиеся падалью, и

черви? Если верить сведениям, опубликованным охотниками, эти обезьяны обычно бросают раненых или мертвых членов группы, а сами уходят. Но охотник Фред Мерфильд утверждает, что «гориллы никогда не покидают своих раненых товарищей, если только они не вынуждены так поступить; я не раз видел, как Старик пытался увести пострадавшего члена семьи в безопасное место».

Крайне интересные наблюдения были сделаны в Кисоро. В ноябре 1959 года туристы заметили, что член одной из групп горилл страдает поносом. 6 февраля больное животное (это был вожак или один из вожаков стада) — самец с серебристой спиной, сопровождаемый большим детенышем, был встречен в лесу. Ничто не указывало на то, что где-то неподалеку находятся другие члены группы. Эти двое животных — крупный самец и детеныш продолжали бродить вместе, не возвращаясь в группу. Их видели 22 февраля, а на следующее утро самец был найден мертвым на склоне горы. Около него одиноко сидел детеныш. Африканцы попытались поймать детеныша, который не хотел уходить от тела своего мертвого товарища. Перед малышом стоял страшный выбор: убежать от людей в лес и бродить в одиночестве в поисках своей группы — он не справился бы с такой трудной задачей — или цепляться за последние остатки былой счастливой жизни в группе, цепляться за мертвого вожака, который впервые не смог его защитить. Детеныша в конце концов поймали, и позже он умер в лондонском зоопарке. Ветеринар произвел вскрытие мертвого самца и обнаружил, что кишечник последнего был сильно воспален, а само животное совершенно истощено, несомненно, вследствие поноса. Видимо, больное животное само ушло из стада, чтобы жить в одиночестве, а потом его настигла смерть. Возможно, что детеныш увязался за ним случайно и уж, конечно,

не думая, что никогда больше не увидит свою мать и остальных членов группы.

Диллон, вожак VI группы (слева), сидит и зевает, показывая черные, покрытые налетом зубы

Поскольку группа IV, которую я наблюдал большую часть сентября, перешла в полосу бамбуковых зарослей, я теперь вел поиски к северу от нашего лагеря. Скоро я нашел новую группу, шестую, которая состояла из одного самца с серебристой спиной, одного с черной, девяти самок, двух подростков и семи детенышей. Вожак группы VI был крупным мускулистым животным, и я назвал его Диллоном потому, что его продолговатое лицо имело необыкновенное сходство с одним телевизионным актером. Про вожака Диллона никогда нельзя было с уверенностью сказать, что он сейчас сделает, его настроение менялось изо дня в день. Иногда он проявлял такое любопытство и нахальство, какого нельзя было ждать ни от одного другого самца с серебристой спиной во всей Кабаре; а бывали дни, когда он рычал на меня, бил себя в грудь, явно недовольный моим присутствием.

Собрав вокруг себя членов VI группы, Диллон (справа) зажал между губами лист за мгновение до того, как поднялся во весь рост и начал бить себя в грудь

В конце месяца одна очень приметная, бездетная самка исчезла из группы, и я никогда больше ее не видел. Может быть, она умерла, а может быть, просто примкнула к другой группе. Другая самка, Каштанка, была беременна, чего я тогда не знал. Это было мирное существо с шоколадно-коричневым мехом и отвислыми грудями. Ее детеныш родился в первой половине января, и с его появлением на свет она стала очень робкой: мелькала где-то в зарослях, и мне редко удавалось взглянуть на малыша. Когда детенышу исполнилось полтора месяца, она посадила его себе на спину. Это меня удивило, потому что детеныш явно не мог за нее крепко держаться, и большинство матерей начинает носить свое потомство таким образом только в трех-, четырехмесячном возрасте. Потом я целый месяц не видел эту группу, но в начале апреля гориллы вернулись в Кабару. Каштанка была уже без детеныша, и мне думалось, что, может быть, небрежность, с

которой она обращалась со своим потомком, послужила причиной его смерти или исчезновения.

Пытаясь меня запугать, самец с черной спиной бьет себя в грудь

Между августом 1959 года и августом 1960 года в группах, которые я держал под постоянным наблюдением, появилось на свет всего тринадцать детенышей. Из них один умер, один получил серьезное повреждение и, вероятно, погиб вскоре после того, как я видел его в последний раз, а потомок Каштанки исчез и, несомненно, был мертв. Итак, в течение одного года смертность малышей до годовалого возраста составила 23 процента. Нельсон, доктор при миссии, расположенной около Кисоро, сказал мне, что детская смертность среди африканского населения этой местности, вероятно, такая же. На основании различных других вычислений я пришел к выводу, что от 40 до 50 процентов молодых горилл умирает, не достигнув

шестилетнего возраста. Однако у горилл высокая рождаемость. Из двадцати семи самок, чье состояние наблюдалось непрерывно в течение более десяти месяцев, только у двух не было никакого потомства. Обе эти самки были уже немолодыми и с физическими недостатками — у одной глаз, вероятно, был поражен раком, у другой на коже была сыпь. Если применить к гориллам человеческую статистическую формулу — такое-то количество новорожденных на тысячу, то окажется, что рождаемость среди горилл в Кабаре — девяносто на тысячу, то есть в два раза выше, чем рождаемость в странах, где имеет место так называемый демографический взрыв. Разумеется, гориллы не пользуются медицинским обслуживанием и смертность среди них соответственно высока.

Однажды под вечер сторож и я торопились домой, проведя несколько часов с группой II. Лес был мрачен под пологом серых туч, даже песни нектарниц звучали приглушенно. Неожиданно из клочьев тумана появилось несколько горилл, которые взобрались на упавшее дерево и расселись на нем. Я внимательно всматривался в их лица, обращая особое внимание на форму их носов (у всех горилл они разные), и понял, что это незнакомцы, что еще какая-то новая группа появилась в этой части леса. На следующее утро я снова пришел к этой группе (VII) и обосновался в сорока футах от нее. Восемь подростков, самки и самец с серебристой спиной влезли на два дерева, на высоту тридцати пяти футов, расселись на ветвях и принялись меня разглядывать. Мне сразу понравилось спокойное, приветливое выражение лица самца с серебристой спиной. Темпераменты у горилл бывают такие же разные, как у людей, и если самец, вожак группы, легко возбудим и раздражителен, то, как я уже знал по опыту, эту группу трудно будет наблюдать. Например, мне никогда не удавалось наблюдать подолгу группу XI,

потому что самец-вожак был очень пугливым; стоило мне появиться, как он, а за ним и вся группа бросались наутек. Но самец группы VII сидел совершенно спокойно на верхушке дерева, и его громадное угловатое тело выглядело нелепо на этом насесте. За любовь к лазанью я назвал его Верхолазом. Роста он был среднего, с довольно суровым выражением лица, потому что углы губ у него были опущены вниз, а на подбородке росла редкая, клочковатая борода. Но глаза под насупленными бровями смотрели необыкновенно добро и мягко.

Один раз он неистово затряс ветку и ударил себя в грудь, видимо, желая меня испугать, затем спустился на ветку пониже, опять ударил себя в грудь, зевнул, потерял равновесие и чуть было не свалился с дерева, после чего слез на землю.

Самка гориллы из группы VII. На ее спине сидит десятимесячный ребенок

В этой группе кроме Верхолаза было еще два самца с черными спинами, шесть самок, четыре подростка и пять детенышей. Большинство животных тихо двигались в кустах, неторопливо кормились или просто отдыхали. Один подросток сел в развилке ветвей гиперикума и, оторвав полосу сухой коры, стал ее есть, как плитку шоколада. К нему подошла самка, повернулась спиной и ткнулась задом почти ему в лицо. Подросток стал ее чистить, аккуратно разбирая и разглядывая волосы на ее зад. В полдень животные

удалились, то передвигаясь, то останавливаясь покормиться, и только макушки их голов виднелись в густой растительности.

Шли месяцы, и я познакомился с этой группой лучше, чем с другими, потому что они кружили около Кабары. День за днем я навещал этих животных, пока не почувствовал наконец, что знаю и понимаю их так, как можно знать и понимать детей, которые еще не научились говорить. Многие ученые не одобряют тенденции давать поступкам животных антропоморфическое толкование, видеть в их поведении собственные эмоции, даже если животные стоят так близко к человеку, как гориллы. Но ведь животные действительно напоминают человека и своими эмоциональными и инстинктивными поступками, хотя, в отличие от людей, не отдают себе отчета в своем процессе мышления. По моему мнению, утрачивается что-то существенное в нашем понимании животных, если не истолковывать их поведение как подобное человеческому, хотя, конечно, делать это надо осторожно. Если человек считает, что понимает животное, он должен быть в состоянии предугадать его поведение в любой ситуации. Мне удавалось это в отношении горилл, если я исходил из собственных эмоций и хода мыслей. Только рассматривая горилл как живые существа, наделенные чувствами, я мог включиться в жизнь группы с пониманием, а не оставаться посторонним зрителем. Сэр Джулиан Гексли выразил это следующим образом в «Вестнике Королевского колледжа хирургов Эдинбурга»:

«Приписывание высшим животным разума, в смысле субъективного самосознания, не только законно с научной точки зрения, но и составляет необходимое условие для изучения этих животных. Это совершенно очевидно, когда мы имеем дело с человекообразными обезьянами: они не только обладают телом и органами

чувств, очень сходными с нашими, но и ведут себя подобно нам, с совершенно таким же диапазоном эмоционального выражения чувства любопытства, гнева, настороженности, привязанности, ревности, страха, боли и удовольствия, что всякий может видеть в зоопарке. То же самое в равной мере применимо и по отношению к другим млекопитающим, хотя сходство в этом случае, разумеется, менее близкое. Мы не сможем по-настоящему понять или правильно, истолковать поведение слонов, собак, кошек или дельфинов, если не будем приписывать им некоторой способности к мышлению. Это не антропоморфизм, а просто расширение принципов сравнительного изучения, которые оказались такими плодотворными в сравнительной анатомии, сравнительной физиологии, сравнительной цитологии и в других областях биологических наук».

Между октябрём 1959 года и сентябрём 1960 года я наблюдал группу VII в общей сложности в течение ста пятидесяти девяти часов, несколько ночей спал вместе с группой, бродил с ней в течение многих дней и все больше и больше знакомился, все глубже входил в повседневную жизнь животных. Это была жизнь, слагавшаяся из отдыха, еды, сна и бесцельных прогулок. Дни сменялись ночами, и мало что нарушало привычный ритм. Однако незаметно было, чтобы такое существование им надоедало, а ведь многим людям оно, наверное, наскучило бы. «Одна из главных причин скуки, — отметил Бертран Рассел, — состоит в контрасте между обстоятельствами настоящего времени и другими, более приятными, которые представляются нам в нашем воображении».

Гориллы живут сегодняшним днем, они воспринимают жизнь такой, какая она есть, и, по-видимому, вполне довольны своей участью. Все жизненно необходимое дается им без малейших усилий:

пища, материал для устройства гнезда, общество себе подобных, семейная жизнь. За все это им не приходится соревноваться. Поскольку каждый член стада прекрасно знает место, которое он в нем занимает, то в стаде редко происходит какая-нибудь борьба, за исключением разве редких стычек, а они случаются даже между друзьями.

Специалист по психологии животных Х. Хедигер однажды сказал, что человек отличается от животных тем, что не находится в состоянии хронического страха. Я наблюдал самых разных животных, и мне еще не приходилось видеть таких, которые, живя в нормальных условиях, пребывали бы в постоянном страхе. Исключения составляют случаи, когда животное чувствует опасность. Я ни разу не видел животного более спокойного и безмятежного, чем горилла. Чего ей бояться? Какое животное, за исключением человека да изредка леопарда, отважится на нее напасть? Все действия гориллы свидетельствуют о том, что она считает себя полным властелином своих горных владений. Горилла убежит от того, что для нее ново или незнакомо; она станет защищаться, если ей что-то угрожает, но она ничего не опасается. Даже с такими большими и могучими животными, как черные буйволы, она обращается несколько свысока. Например, однажды буйвол чем-то вызвал интерес Миссис Нат, крупной сильной самки из седьмой группы. Бык спал в зарослях лобелии, время от времени пережевывая свою жвачку. Увидев его с расстояния семидесяти футов, миссис Нат прямо направилась к нему без малейших колебаний, хотя на спине у нее сидел детеныш. Только тридцать футов разделяли буйвола и гориллу, а она все шла вперед, но тут буйвол испугался и, задрвав хвост, с шумом ринулся в заросли.

Образ жизни группы VII был характерным и для других групп в районе Кабары. За год, в течение

которого я следил за судьбой этих животных, случилось много мелких и крупных событий, происходящих в жизни каждой гориллы. День 2 апреля начался так, как обычно начинались все дни.

В половине шестого утра, когда птицы еще не проснулись и молчаливый лес освещался только меркнувшими звездами, я вылез из спального мешка и подошел к спящей группе. Ближайшее животное было в пятидесяти футах от меня, я забрался на дерево и устроился в развилке двух больших ветвей. Когда рассвело, мне стали видны некоторые обезьяны, лежавшие в гнездах. Миссис Черноголовая спала на боку, обняв детеныша могучими руками и крепко прижимая его к груди. Миссис Пятнышко лежала на животе, подобрав под себя руки и ноги, а малыш спал у нее под боком. Несколько в стороне от группы лежал Короткошерстный — самец с черной спиной. Жесткие волосы на его макушке стояли дыбом. Он дышал очень ровно, делая около четырнадцати вдохов в минуту, сон его был мирный и блаженный. Миссис Февраль тоже лежала на боку, новорожденное дитя чуть виднелось в ее объятиях. Совсем рядом, в трех футах от нее, в примитивном гнезде из стволов лобелии свернулся клубочком подросток. Некоторых других горилл, в том числе и Верхолаза, вожака группы, частично или полностью скрывали заросли. В 5.40 запели птицы, в 6 часов рассвело, в 6.40 первые бледные лучи солнца упали на лежащих горилл. Но животные продолжали спать. Наконец в 6.52 миссис Черноголовая села в гнезде и довольно мрачно уставилась на свое брюхо. Потом она снова легла. В 7.15 проснулась миссис Пятнышко и огляделась по сторонам сонными глазами. Она вытянула руку в сторону и приветствовала наступивший день продолжительным зевком во всю пасть, обнажившим ее черные, покрытые винным

камнем зубы. Потом она оторвала кусок лианы и, держа его в руке, как замороженная, уставилась на эту еду.

Чтобы разглядеть меня получше, в развилку дерева забрались две самки, самец с черной спиной и два больших детеныша

Две гориллы сели на своих ложах, уставясь в пространство отсутствующим взглядом. Еще одна самка протянула руку, сорвала и съела кусок сельдерея — «завтрак в постели». Она сидела в собственном навозе, лежавшем повсюду в гнезде и по его краям, но не обращала на это ни малейшего внимания. Гориллы, как правило, часто и очень обильно испражняются прямо в

гнездах, явно лентясь подниматься по ночам, чтобы сделать это в другом месте, хотя иногда животное трется задом о край гнезда, а потом испражняется. Да и зачем вставать? Кал гориллы очень плотный, не размазывается и не пачкает шерсть обезьян. Как все низшие и человекообразные обезьяны, гориллы испражняются прямо там, где находятся в данную минуту. Они все время передвигаются по земле и по деревьям, уже более не соприкасаясь со своими фекалиями.

К 7.30 три гориллы вылезли из своих загрязненных гнезд и стали кормиться неподалеку. Верхолаз поднялся к 7.45, и все члены группы немедленно покинули гнезда и собрались вокруг него. Утро началось неторопливо, и теперь первой задачей наступившего дня было съесть столько, чтобы наполнить огромное брюхо.

Вокруг Кабары есть множество растений, но гориллы игнорируют их все, за исключением двадцати девяти видов. Их основная пища состоит из подмаренника, дикого сельдерея, бодяка и крапивы. Когда наступает сезон, они едят побеги бамбука и синие плоды пигеума. Иногда, если им вздумается, они жуют кору некоторых деревьев и сочную часть листа осоки. Однако в общем они не слишком консервативны в своих вкусах, и я так и не выяснил, почему гориллы едят одни растения и совершенно игнорируют другие. Я обнаружил, что, за малыми исключениями, растения, употребляемые ими в пищу, имеют горький или неприятный вкус.

Я ни разу не видел, чтобы живущие на воле гориллы ели иную пищу, кроме растительной, — птичьи гнезда, насекомых, мышей или каких-нибудь других мелких животных, хотя им не раз представлялась возможность это сделать. Однажды группа прошла мимо мертвого дукера и не прикоснулась к его свежему труп; другой

раз горилла устроилась на ночлег прямо под гнездом оливкового голубя и не тронула ни одного яйца. Однако в неволе они охотно едят мясо, а пара горилл, живущая в зоопарке города Колумбус, любит, чтобы им каждый день давали на обед большой кусок вареной говядины. Многие наблюдатели видели, как, в отличие от горилл, живущие на свободе павианы ловят и поедают детенышей антилоп; Джейн Гудолл видела, как в Танганьике шимпанзе убивают и пожирают маленьких обезьян (Когда я просматривал правительственные архивы в городе Кигома в Танганьике, мне встретилась следующая запись, говорящая о том, что шимпанзе не чуждаются плотоядности. В марте 1957 года приблизительно в пяти милях от города по тропинке шла женщина и несла на спине ребенка. Отчет судебного следствия приводит показания женщины о том, что произошло: «И тут из кустов вдруг вышел шимпанзе. Мы были в кустарнике, а деревня была далеко. В это время я связывала „куни“ (хворост). Я пустилась бежать, а шимпанзе меня два раза ударил. Он был почти четырех футов ростом. Я упала. Тогда он схватил ребенка, который был у меня на спине. Я закричала, и прибежали другие женщины. Они увидели, как шимпанзе грызет уши, ноги, руки и голову ребенка». Медицинский работник осмотрел труп и увидел, что у него «содран скальп и на черепе имеются пять трещин. Отсутствовали кисти обеих рук... половина правой ступни также отсутствовала. Повреждения на теле были такого типа, как если бы ребенка грызло какое-то животное. Повреждения черепа нанесены зубами»). Африканцы рассказывали, что гориллы часто разоряют жилища диких пчел. Что касается Кабары, то единственными разорителями пчелиных гнезд были батва, такие неуловимые, что я находил только их маленькие, словно детские, следы и дымящиеся остатки деревьев, которые они поджигали,

чтобы добраться до пчел. Я несколько раз видел, как гориллы влезали на дуплистый ствол, где жили пчелы, но, по-видимому, не обращали внимания на соты, хотя те были хорошо видны.

Оставив место ночлега, группа VII разбрелась по сторонам, каждое животное кормилось молча, сосредоточенно запихивая пучок зелени в рот одной рукой, в то время как другая рука уже протягивалась за новой порцией. Для гориллы типично, что она сидит и тянется за едой во все стороны вокруг себя, потом встает, переходит на несколько шагов и снова садится. Раздавался только треск ломаемых ветвей, чавканье и изредка отрывок. Малыши держались около своих матерей и, глядя на них, вероятно, учились разбирать, что пригодно в пищу, а что нет. Таким образом, привычки к определенной еде передаются из поколения в поколение, являясь примитивной формой культуры. Один раз я видел, как детеныш взял из рук матери частично обглоданную ветку вернонии и выгрыз остатки сердцевины. А другой раз малыш оттянул книзу губу матери, вытащил у нее изо рта кусочек подмаренника и съел его. Иногда малыши откусывают кусочки от растений, которые взрослыми не употребляются в пищу. Один крошечный детеныш запихал себе в рот кусок лишайника, но тут же его выплюнул, а другой начал жевать черешок листа хагении (взрослые обезьяны хагении не едят), и мать отняла у него лист. И все-таки за все долгие часы наблюдений я ни разу не заметил, чтобы мать сама давала своему детенышу еду, как это утверждает Кортландт, специалист по поведению животных, отметивший, что самки шимпанзе в природных условиях дают куски пао-пао своим детенышам.

Малышам нужно еще научиться как следует есть некоторую пищу. Например, на листе подмаренника есть три ряда маленьких крючков; они легко пристают к

шерсти и царапают кожу. Взрослые животные осторожно обращаются с этим растением, как свидетельствует одна из моих записей, сделанных в лесу:

«Сидящая самка тянется вперед и правой рукой нагибает к себе стебель сенецио трихоптеригус, а левой рукой вытаскивает из земли плеть подмаренника. Внимательно осмотрев его, она губами удаляет несколько сухих листьев. Потом отрывает сухие стебельки, зажимая их между большим и указательным пальцами, пользуясь то одной, то другой рукой. Наконец она несколько раз запикивает подмаренник в полуоткрытый рот, одновременно крутя растение в руке. Таким образом у нее получается тугий сверток зелени, в котором все листья плотно прилегают один к другому. Все это засовывается в рот и пережевывается. Маленькие детеныши еще не умеют делать такой сверток и старательно суют в рот просто длинные стебли».

По мере того как поднимается солнце, животные едят все медленнее, постепенно превращаясь в пресыщенных гурманов. Они бродят то срывая лист, то отдирая кусочек коры. Следующая запись из моего отчета дает представление о поведении самца с черной спиной — Младшего (из группы IV) во время полчасовой кормежки:

Всего в тридцати футах от меня спокойно сидит Младший — самец с черной спиной из группы IV

«Младший сидит и внимательно вглядывается в растительность, протягивает руку, сгибает стебель сенецио трихоптеригус. Потом тянется еще дальше и одним быстрым движением срывает головку хелихризума. Засунув в рот покрытую листочками мясистую головку, он оглядывается, замечает еще два таких же растения и также их съедает. Затем выдергивает из земли дикий сельдерей вместе с корнем, быстро дергая головой то в стороны, то назад, раскусывает стебель и выгрызает сердцевину.

Ненадолго выглянуло солнце, Младший разваливается на спине. Вскоре солнце прячется за облака, Младший перекачивается на бок, держась правой рукой за правую ступню. Полежав неподвижно минут десять, он садится, тянется в сторону кардууса афромонтануса, скользит рукой вверх, собирает таким образом букет листьев и засовывает их черенками вперед себе в рот. За этим следует верхушка бодяка, целиком, с колючками, и еще один хелих-ризум. Младший встает, проходит футов десять и возвращается на старое место, неся в одной руке бодяк, в другой — хелихризум. Съев эти растения, он сидит сгорбившись минут пятнадцать. Остальные члены группы кормятся поодаль, на небольшом возвышении. Младший вдруг встает и направляется к ним, по дороге обрывая и поедая хелихризум. Какая-то горилла вырвала гигантскую сенецию. Младший останавливается и обрывает покрытую листьями верхушку. Он зубами отделяет от стебля несъедобные части, пока у него в руке не остается лишь кусок сердцевины в два дюйма длиной, которую он и съедает. За этим следует плеть подмаренника, а перед тем, как Младший скрылся в зарослях, — хелихризум».

По утрам гориллам требуется два часа, чтобы полностью насытиться; каждое животное настолько поглощено набиванием своего желудка, что ни на что другое не обращает внимания. Обезьяны разбредаются по площади в пятьдесят квадратных ярдов и зачастую не видят друг друга сквозь густой кустарник. Однако они передвигаются с места на место настолько медленно, что шансы отстать от группы очень невелики. Обычно между девятью и десятью часами животные постепенно перестают кормиться. Большой объем съеденной гориллами пищи дает им не только необходимое питание, но и нужное для организма количество жидкости. Я ни разу не видел, чтобы

живущая на воле горилла пила. В Кабаре мало постоянных водоемов, потому что осадки быстро исчезают, поглощаясь пористой или каменистой почвой. Но растительность здесь сочная, дожди выпадают часто, густая роса лежит на листве деревьев — все это дает достаточное количество влаги для потребностей горилл.

В промежутке между поздним утром и серединой дня — время сиесты. Члены группы являют собой картину полнейшего довольства, лежа вокруг самца с серебристой спиной. Это особенно заметно, если теплые лучи солнца греют их тела. Одни гориллы перекатываются по земле, переворачиваясь то на спину, то на брюхо, то на бок, небрежно разбросав руки и ноги; другие сидят, привалившись к стволам деревьев. Если бы у этих обезьян была религия, не сомневаюсь, что они были бы солнцепоклонниками.

Изредка гориллы устраивают гнезда для полуденного отдыха. Эти гнезда ничем не отличаются от тех, которые устраиваются для ночлега, лишь сильно примятая растительность, использованная для устройства ночного гнезда, свидетельствует о том, что в нем долго спали. 14 декабря один из подростков группы VII устроил себе такое гнездо на дереве гиперикум, в футах двадцати над землей. Обезьяна встала в развилке сучьев и одной рукой начала ломать и тянуть к себе небольшие гибкие ветки и засовывать их себе под ноги. Сломав таким образом около десятка веток, она соорудила основной настил гнезда и стала уминать его руками и ногами. Потом вытащила все ветви, торчавшие из настила, обломала их и запихнула по краям гнезда. Наконец, она обломала несколько совсем маленьких веточек, которые высывались за пределы гнезда. На все это потребовалось пять минут.

По существу, самцы с серебристой спиной, вожаки групп, — настоящие диктаторы, которые благодаря

своей величине и занимаемому положению всегда могут настоять на своем. Но они отличаются добротой и терпимостью; это особенно хорошо видно в часы отдыха животных. Заметно, что самки и малыши искренне привязаны к своему вожаку, но не потому, что он верховодит, а потому, что им приятно быть вместе с ним. Иной раз самка головой прижмется к его серебристой пояснице или тяжело привалится к боку. Иной раз по пяти малышей собираются вокруг самца, сидят у него на ногах и на коленях, лезут ему на спину и вообще всячески ему досаждают. Самец не обращает на них ни малейшего внимания, разве только тогда, когда они чересчур разойдутся. В таких случаях бывает достаточно одного взгляда, чтобы озорники образумились.

Сон, полудрема или просто сидение не единственные занятия горилл во время полуденного отдыха. Иногда животные утром занимаются приведением себя в порядок — чешутся и чистятся. Обычно обезьяна начинает с того, что просто перебирает пальцами свою шерсть примерно так, как человек ищет у себя в голове. Если что-то попадает, обезьяна это удаляет и иногда съедает. Бывает, что горилла чистится очень старательно: она неторопливо разбирает по волоску шерсть на предплечье или другой части тела, обнажает участок кожи, внимательно его разглядывает, нет ли там шелушения или паразитов. Самки чистятся и прихорашиваются в два раза чаще, чем самцы, а подростки еще чаще, чем самки. Я так и не узнал, почему это происходит, но мне просто не верится, что подростки горилл в большей мере, чем самки, стремятся соблюдать опрятность. Малыши чистятся совсем редко, вероятно потому, что за них это делают их матери. Когда детеныш совсем еще маленький, мать укладывает его у себя на коленях или перегибает через руку и принимается старательно

чистить, перебирая волосок за волоском. В эти минуты губы у самки плотно стиснуты, глазами она неотрывно следит за быстрыми движениями собственных пальцев с расстояния дюймов шести, будто она очень близорука. Она обращает особое внимание на чистоту области заднего прохода; у малышей это место отмечено растущим там пучком белых волос, похожих на кусочек ваты. Малышам не нравится, когда их переворачивают на живот и обследуют их задик. Они крутятся, выворачиваются и лежатся, но мать совершенно спокойно продолжает свое занятие. Детеныша гориллы никогда не шлепают в наказание.

По мере того как потомство растет, матери чистят их все более и более небрежно. Например, двухлеток сидит около матери, она привлекает его к себе, обнимает, ласково трется носом о его плечо, потом принимается расчесывать шерсть на его руке. Детеныш тянется к ней и обнимает за шею.

Не раз утверждалось, что взаимная помощь при обыскивании волосяного покрова укрепляет и поддерживает общение и связь между членами стада низших или человекообразных обезьян. Однако гориллы своим поведением то и дело опровергают скороспелые обобщения, которые делаются относительно приматов. Если действительно взаимное наведение туалета укрепляет общественные связи между гориллами, можно было бы ожидать, что взрослые животные будут этим постоянно заниматься, как например делают это павианы. Тем не менее я ни разу не видел, чтобы самка чистила самца с серебристой спиной, а такое занятие между двумя самками я наблюдал всего пять раз. Например, как-то две самки сидели рядом; одна из них протянула руку, постучала другую по плечу тыльной стороной руки, поднялась и выставила свой зад к лицу сидящей самки. Та привела в порядок то место, на которое ей было указано. Итак, взаимный туалет между

взрослыми гориллами производится только по необходимости, главным образом на крупе, спине и других частях тела, куда самому животному трудно дотянуться.

Подростки, видимо, прибегают к помощи в наведении туалета для того, чтобы привлечь к себе внимание самки. С точки зрения их положения в сообществе, для них наступает трудный период: они слишком молоды, чтобы существовать как полноправные члены группы, но уже слишком взрослые, чтобы наслаждаться привилегиями, которыми пользуются малыши. В общем у них такое же положение, как у подростков в нашем, человеческом обществе. Иногда подросток подходит к самке, надо полагать к своей матери, и начинает чистить ее маленького детеныша; этим он достигает желаемого общения. Когда в редких случаях самка не хочет, чтобы около нее вертелся подросток, она огрызается на него или даже дает ему шлепка. Иногда подросток осторожно берет малыша из материнских рук и проносит его на небольшое расстояние. Но если малыш начинает выворачиваться у него из рук и вообще как-то выражает свое неудовольствие, мать немедленно отбирает его.

Для подростков полуденный отдых — это время дня, когда можно играть и бродить, не боясь отстать и потеряться. Детенышам гориллы, как и человеческим детям, очень трудно сидеть неподвижно, особенно когда матери хотели бы отдохнуть и насладиться покоем. Жажда приключений овладевает малышами уже в трехмесячном возрасте, когда они еще едва ползают; матерям приходится вечно быть начеку, чтобы не выпускать их из поля зрения и неустанно охранять. По мере того как детеныши растут, им позволяется отходить все дальше, и к восьми месяцам они удаляются от матерей футов на двадцать. К годовалому

возрасту они уже бродят по всей площади, занимаемой отдыхающей группой, играя в одиночку или друг с другом. Присущая гориллам сдержанность отражается даже в их играх. В общем молодые гориллы далеко не всегда расположены к забавам. Иногда проходило по нескольку дней подряд и я ни разу не видел игр, особенно когда облака низко нависали над горным перевалом и растительность была мокрой. Всего я наблюдал девяносто один случай игр; в них принимало участие сто пятьдесят шесть животных. За исключением пяти взрослых горилл, все игравшие были подростки и малыши. Живущие в природных условиях гориллы утрачивают потребность в играх годам к шести, хотя один раз я видел, как самка, мирно сидевшая на тропе вместе со своим маленьким детенышем, протянула руку и шлепнула по заду самца с черной спиной. В ответ он слегка ударил ее рукой по плечу и отбежал на несколько шагов. Минуты две спустя он промчался мимо нее и толкнул ее в плечо, но она игнорировала это заигрывание.

Мне всегда доставляло огромное удовольствие смотреть, как радостно и непринужденно резвятся малыши. В половине наблюдавшихся случаев детеныши играли в одиночку, совсем маленькие делали это вдвое чаще, чем подростки. Обычно такая игра заключается в том, что малыш качается на лиане, скользит вниз по стволу дерева или с бугорка или просто беззаботно размахивает руками и ногами. Один робкий детеныш положил себе на голову пучок листьев — верхушку лобелии и неподвижно сидел под этой зеленой шляпкой, похожий на темнолицего эльфа. Другой прилепил кусок мха себе на загривок и осторожно похаживал взад и вперед, явно гордясь таким украшением. Иногда обычно тихий детеныш, вдруг охваченный бездумной радостью жизни, начинал скакать, бросаться наземь, кататься и кувыркаться, как

мохнатый мячик. Взрослые животные, хотя им и досаждала чрезмерная жизнерадостность малышей, относились к ней весьма терпимо. Например, один восьмимесячный детеныш бегал вокруг отдыхающего самца с серебристой спиной. Махнув рукой, он случайно стукнул самца по носу, но тот всего лишь отвернулся. После этого детеныш сбежал с холма, сделал курбет через плечо и растянулся на спине, болтая ногами, словно ехал на велосипеде, и размахивая руками над головой.

Играя вместе, малыши впервые вступают в общение друг с другом. Их любимое занятие — борьба. Катаясь клубком по земле, они машут руками и ногами, как ветряная мельница крыльями. Другая популярная игра — «делай что и я». Во время этой игры они лазают по деревьям, перебираются через упавшие стволы, спускаются по лианам, а бывает, что их маршрут пролегает по брюху отдыхающей самки. В другую игру играют на пеньках и в кустах. Один детеныш, захватив выгодную позицию, обороняет ее от другого, лягая нападающего в лицо, наступая ему на руки и сталкивая вниз. В этой игре дозволены все приемы. И все же ни разу никого не ушибли, и забава никогда не кончалась потасовкой. Играя с маленькими детенышами, подростки сдерживают свою силу. Например, был такой случай: подросток и малыш сидели на расстоянии четырех футов один от другого. Неожиданно подросток обернулся и протянул руки, чтобы схватить малыша, но тот бросился наутек. Подросток пустился за малышом, которому игра явно нравилась, потому что его рот был открыт в улыбке. Скоро подросток нагнал малыша и навалился на него. Вертясь, извиваясь и лягаясь, малыш помаленьку выбрался из-под подростка и схватил длинный стебель растения. За другой конец стебля ухватился подросток. Они тянули растение, каждый к себе, как канат, пока более сильный подросток не

перетянул к себе малышку. Тогда они сели друг против друга и стали неторопливо бороться. К ним подскочил еще один подросток. Он мимоходом шлепнул борцов, и все трое унеслись прочь. Обычно вместе играют только два детеныша, но изредка в игре на короткий срок принимают участие трое или четверо. Я наблюдал, как три подростка отошли вместе от отдыхавшей группы. Один из них ухватился обеими руками за шерсть на задку идущего впереди, а его в свою очередь ухватил идущий сзади. После этого все трое гуськом, змейкой изгибаясь среди деревьев, помчались вниз по склону.

Если игра становится слишком буйной и грубой, детеныш дает это понять таким образом: он покорно сжимается в комок, подобрав под себя руки и ноги и подставив противнику широкую спину. Если в стычке между двумя самками одной слишком сильно достается, она принимает ту же позу покорности, и другая, более сильная самка сразу прекращает нападение. Эта поза покорности удивительно похожа на аналогичную позу в человеческом обществе, например, когда пленники, скорчившись на земле, просят пощады или когда подданные становятся на колени перед королем. В сущности, у людей это приняло теперь ритуальный характер и постепенно превратилось в жест приветствия. И низкий поклон жителя Востока, и кивок головы европейца, означающие приветствие, очевидно, основой своей имеют покорное припадание к земле, то есть знак отсутствия агрессивных намерений.

Когда малыши не заняты игрой, они сидят около своих матерей, чаще немного позади них. Таким образом, малыш может, протянув руки, сразу уцепиться за длинные волосы на материнской спине и быть поднятым на ее плечи, если мать надумает куда-нибудь перейти. Подростки любят бродить вокруг отдыхающей группы, закусить стеблем подмаренника, взобраться на

дерево и оглядеть лес. Они влезают на деревья в два раза чаще, чем самки и малыши, и в четыре раза чаще, чем самцы с серебристой спиной, которые, видимо, избегают это делать, хотя и прекрасно умеют лазить. Когда гориллы бодрствуют, они проводят от 80 до 90 % времени на земле, а уж если решат влезть на дерево, то проделывают это неторопливо. Они взбираются по стволу с ловкостью десятилетнего мальчика, хватаясь за ветку, опираясь на что-нибудь ногой и одновременно подтягиваясь на другой руке. Иногда, сомневаясь в надежности опоры, обезьяна сперва пробует ее, дергает ветку и после этого переносит на нее всю тяжесть тела. Гориллы не слишком-то проворны и часто ошибаются в своих расчетах на крепость ветки. Я не раз видел, как ломались сучья и животные избегали падения, лишь крепко уцепившись за что-нибудь рукой. Когда-то, в далеком прошлом, гориллы, вероятно, жили на деревьях, но теперь эти громадные животные, с обвислыми животами, среди ветвей выглядят нелепо. С деревьев они слезают ногами вниз, лицом к стволу. Если веток нет, горилла просто скользит вниз, перехватывая ствол руками и притормаживая подошвами ног.

День и ночь гориллы находятся между собой в постоянном и очень тесном общении. Не мудрено, что иной раз нервы разыгрываются и вспыхивают ссоры, обычно по самым пустяковым причинам. Как правило, ссоры затевают между собой самки, а самец с серебристой спиной сидит и с невозмутимым видом слушает их раздраженный лай. Самки лают хрипло и отрывисто, как собаки. Иногда перебранки превращаются в общую свалку; самки злобно и хрипло визжат друг на друга, дерутся и кусаются. Некоторое время самец терпит этот шум, потом встает и с решительным видом направляется к самкам, издавая при этом отрывистое рычание. Визги моментально

утихают. Какой бы яростной ни казалась ссора, я ни разу не видел, чтобы животные наносили друг другу повреждения; они обычно сдерживаются, кусают друг друга почти всегда притворно; в моем присутствии не случилось ни одной серьезной драки.

Вот описание типичной ссоры, взятое из моих полевых заметок: «Одна самка неторопливо проходит мимо другой, сидящей у тропы. Сидящая по непонятной мне причине ударяет по спине идущую мимо самку. Та оборачивается и, разинув пасть, кидается на ударившую, которая сразу съеживается, поджав под себя руки и ноги, но подняв голову и громко визжа. Зубы ее оскалены. После этого обе самки схватываются врукопашную и притворно кусают друг друга за плечи. Пока эти две дерутся, подбегают еще две самки и тоже ввязываются в драку. Теперь все четверо визжат, хватают друг друга, бегают с оскаленными зубами. Остальная группа наблюдает за ссорой. Только самец с серебристой спиной, который сидит футах в пяти от дерущихся, даже не поворачивает к ним головы. Через пятнадцать — двадцать минут три самки перестают драться и отходят в сторону. Только одна остается на поле битвы и сидит, испуская короткие вопли. Вдруг она бросается вслед за одной из уходящих самок и ударяет ее по задней ноге; та, обиженная, оборачивается и с визгом переходит в наступление. Первая самка отступает и нечаянно толкает самца с серебристой спиной. Он раздраженно рычит. Самки сходятся, опять короткая схватка; к ним бежит третья — тоже подраться. Наконец они расходятся в разные стороны».

Полуденный отдых занимает от одного до трех часов. Иногда, непонятно почему, вожак группы вдруг решает перейти на несколько сот футов, после чего опять ложится и продолжает прерванный сон. Разумеется, все остальные члены группы следуют за

ним — ведь это он своими поступками определяет основной распорядок дня: где и когда отдыхать, куда и как далеко идти. Вожак управляет поведением группы при помощи простых жестов и звуков. Например, когда он вдруг встает и почти не сгибая колен идет в каком-то направлении, группа знает не только, что он решил уйти, но и в какую сторону он направляется. Тогда самки и малыши собираются вокруг него, готовые повиноваться его приказанию. Случается, что вожак стоит неподвижно, расставив ноги, глядя прямо вперед. И опять-таки все понимают, что эта поза возвещает о его намерении немедленно куда-то двинуться. Животные часто разбредаются и не видят друг друга в густой растительности. Тогда самец, а иногда и какая-нибудь самка, издает очень характерный, совсем особенный крик; услышав его, группа настораживается и перестает разбредаться. Крик этот состоит из нескольких низкого тона отрывистых звуков: «у-у-у». Когда группа совсем разбредалась по сторонам, мне приходилось слышать любопытный зов — быстрое, звонкое «хо-хо-хо» или «бу-бу-бу», звучащее то глуше, то отчетливее. Оба эти звука, очевидно, означают: «Я здесь!»

Быстрота реакции горилл зависит от поведения вожака. Если он уходит легкими, мелкими шажками, торопиться явно не к чему. Если он бежит, значит, опасность где-то близко, и все кидаются вслед за ним. В минуту опасности любой член группы может на время стать вожаком. Один раз меня заметил подросток и с пронзительным, испуганным визгом ринулся вниз, под откос. Вся группа устремилась вслед за подростком, хотя животные и не знали, в чем состояла опасность. Это была типичная паническая реакция, какая возникает в переполненном кинотеатре или в ресторане, если кто-нибудь крикнет «пожар!».

Как только группа начинает выходить из зоны отдыха, малыши бегут к своим матерям и карабкаются на них; иногда мать уходит, прежде чем ее потомок успел до нее добежать. Тогда малыш издает отчаянный вопль, в котором слышатся нотки раздражения. Бывает, что самка замедляет шаг и ждет не оборачиваясь, пока детеныш не влезет по ноге и крупу ей на спину. Иногда она продолжает двигаться вперед, преспокойно игнорируя бегущего за ней малыша. Конечно, если грозит какая-нибудь опасность, матери бросаются к своим детенышам и подхватывают их. Однажды, когда я неожиданно столкнулся с группой IV, Большой Папаша схватил подростка поперек туловища и, держа его у бедра, унес в безопасное место.

Когда группа идет гуськом по лесу, вожак часто возглавляет процессию, а самец с черной спиной замыкает шествие. Но как только животные разбредаются на кормежку, явная субординация на время прекращается и животные промышляют каждый сам по себе, поглядывая, однако, на соседей, как они себя ведут. Чем руководствуется вожак, решая, куда именно идти, — вопрос спорный. Часто группа передвигается с места на место настолько бесцельно, что я подозреваю полное отсутствие какого-либо плана у вожака. Бывало, в начале моих наблюдений я пытался угадать, куда двинутся гориллы, и заранее шел в это место. В большинстве случаев оказывалось, что я с ними разминутся — они уходили совсем в другую часть леса. Иной раз группа описывала круги или пересекала несколько раз свои собственные следы, а в другие дни передвигалась так медленно, что животные устраивались на ночлег в трех- или четырехстах футах от предыдущей ночевки. Бывало, что они мчались напрямик, без остановки к какому-нибудь откосу, расположенному за две мили. А в общем единственное, что можно было предугадать относительно маршрута

горилл, это то, что он будет совершенно неожиданным. Группа передвигалась, проходя в среднем от тысячи до двух тысяч футов в сутки, и покрывала большую часть этого расстояния в послеполуденное время, между двумя и пятью часами дня. Гориллы до некоторой степени кочевники. Они едят на ходу и устраиваются на ночлег там, где их застигла ночь. На другой день они снова трогаются в путь.

Однако животные не бродят наугад по белу свету; большинство держится на каком-нибудь участке земли, который они изучили в совершенстве. Проводя наблюдения, я нанес на карту маршруты нескольких групп горилл и убедился, что существуют какие-то границы, за пределы которых группа не выходит. В некоторых местностях границы владений горилл определяют возделанные земли саванны и другие естественные преграды. Но вокруг Кабары лес был почти сплошной, и все же гориллы, казалось, соблюдали какую-то воображаемую границу, за пределы которой они не выходили. Одна из таких линий шла от Рукуми до Кабары и вверх, на выступ горы Микено. Группы IV и VIII не пересекали эту границу, а группа VII заходила за нее только три раза, да и то ненадолго. Вполне возможно, что с годами каждое стадо горилл настолько хорошо изучает какую-то ограниченную территорию, что уже не хочет заходить в новые, незнакомые места. Детеныши постепенно узнают признаки тех границ, за которые не заходят взрослые члены группы, и в результате, вырастая, сами остаются в родных местах. Насколько хорошо гориллы знают свой район, притом не только в общих чертах, но и до мельчайших подробностей, было продемонстрировано мне группой II. На горе Микено есть узкое, как трещина, ущелье с совершенно отвесными стенами. Чтобы перебраться через пропасть, было легче всего пройти по упавшему дереву, скрытому

в кустах. Я дважды видел, как гориллы уверенно шли к этому естественному мосту и переходили по нему на другую сторону.

Группа бродит по большой территории — от десяти до пятнадцати квадратных миль. Например, группа VII кочевала по площади в восемь с половиной квадратных миль вокруг Кабары и временами ненадолго выходила из своих границ в сторону горы Високе. Группа VI обычно бродила по восьми квадратным милям леса, но периодически делала вылазки в Руанду, куда мне было запрещено ходить. В пределах своей территории группы передвигались, появляясь безо всякой закономерности, в различных местах через неопределенные промежутки времени. Скажем, группа VI приходила на склон горы позади Кабары примерно каждые сорок дней (иногда этот срок колебался от пятидесяти двух дней до семидесяти восьми), и, побыв там от двух дней до месяца, вновь исчезала в том же направлении, откуда появлялась. Часто у групп был как бы временный центр, вокруг которого сосредоточивалась их деятельность. Периодически этот центр перемещался в другое место. Однажды группа VII в течение восемнадцати дней оставалась около Кабары на площади в полторы квадратных мили, а потом откочевала в другую часть леса. Нельзя сказать, чтобы одна группа монопольно занимала какой-то участок. Район Бишитси посещался шестью группами, а на склон горы Микено, недалеко от нашего лагеря, постоянно приходили группы IV, VI и VIII.

Ко второй половине дня гориллы успевали поспать, поесть и опять поспать. За сном, натурально, следовала новая кормежка, продолжавшаяся до сумерек. Ели животные неторопливо, подолгу сидели. Иногда они вдруг начинали передвигаться со скоростью от двух до трех миль в час. По мере того как в лесу темнело, их движения становились все более вялыми и они

понемногу собирались вокруг вожака. Если что-нибудь, например мое присутствие, их тревожило, то они приходили в беспокойство и искали другое место для ночлега, подальше от любопытных глаз. Но если все было спокойно, гориллы сидели в нерешительности, словно ожидая, что кто-то сделает первое движение. Около шести часов вечера, а иной раз даже в пять, если было очень пасмурно, вожак начинал ломать ветви и строить себе гнездо, остальные члены группы следовали его примеру.

Десять-одиннадцать часов спустя после утреннего подъема, после «утомительного» дня, наполненного едой и отдыхом, животные ложатся спать. Первого апреля во второй половине дня я наблюдал за группой VII, которая неторопливо двигалась вниз по склону. В шесть часов семь минут самец с серебристой спиной, Верхолаз, находился футах в сорока от своей группы и был частично скрыт небольшим холмиком. Я услышал треск ветвей и понял, что он строит гнездо. Затем один подросток начал устраивать себе постель. Он сел у дерева и правой рукой нагнул влево пучок невысокой травы. Потом встал, схватил за верхушки множество травянистых растений, среди которых было немало подмаренника, и притянул их к себе. Подросток сел на них, согнул их или сломал, так что вокруг его тела образовалось полукруглое гнездо, а потом примял все это руками. Стоя на ногах и на одной руке, он протянул другую руку, надломил у основания какие-то сорняки и подтянул к себе, положив их на край гнезда и торчащие стебли, чтобы край был ровный. Сел, повернулся и снова сел. На все это ушло около одной минуты.

Остальные члены группы продолжали кормиться и потихоньку двигаться, пока они не оказались футах в сорока от подростка. Тогда он вылез из гнезда и присоединился к самкам, сидевшим около зарослей лобелии. Все это время самец оставался на своем месте,

в стороне от других горилл. Было несколько случаев, когда часть животных ложилась спать около вожака, а другие уходили в сторону, так что спящих обезьян разделяло расстояние в триста футов.

В шесть тридцать все члены группы вдруг начали строить гнезда, и через пять минут они затихли, только подросток еще немного покопошился в своем гнезде. В лесу все замерло. Я стал разворачивать спальный мешок, и мне с трудом верилось, что почти рядом со мной спят двадцать здоровенных горилл.

Из всех повадок гориллы лучше всего изучен процесс постройки гнезд. Сделанные на деревьях и в зарослях бамбука, они долгое время, почти в течение года, заметно выделяются на фоне окружающей зелени и зачастую служат единственными видимыми следами пребывания горилл в данной местности. Как уже говорилось, гориллы устраиваются на ночлег там, где их застигает ночь. Единственно, что им нужно, — это наличие какой-либо растительности, пригодной для постройки гнезд. Они устраивают их и на земле, и на деревьях, причем соотношение количества древесных и наземных. — гнезд колеблется в зависимости от местных условий. В зарослях хагении вокруг Кабары 97 % всех гнезд устроены на земле, так как ветви растущих деревьев непригодны для устройства ночлега на них. Листья хагении собраны в пучки, а ветви слишком хрупки, из них не соорудить надежной платформы. Ночлег на деревьях чаще всего устраивали подростки, значительно реже самки и самцы с черной спиной.

В Кабаре самцы с серебристой спиной всегда спали на земле, но в соседнем Кисоро некоторые из них делали гнезда в кустарнике, в восьми футах над землей. Существует распространенное мнение, что самки и молодняк устраиваются на ночь на деревьях потому, что там безопаснее, а самцы спят на земле,

чтобы охранять их. Это выдумки. Некоторые наблюдатели даже утверждали, что гориллы располагают свои гнезда по определенному плану и непременно так, чтобы был виден ближайший сосед. На самом же деле взрослые обезьяны устраивают гнезда на участке, где имеется подходящая растительность, обычно неподалеку от вожака, но совершенно не обязательно так, чтобы видеть его или какого-либо другого члена группы. Самцы с черной спиной чаще всего располагаются на ночь футах в шестидесяти или дальше от своей группы. Подростки обычно спят возле самок или в одном с ними гнезде. Малыши почти всегда проводят ночь с матерями, и только изредка детеныш делает отдельное маленькое гнездышко рядом с материнским. Детеныши пытаются устраивать гнезда с самого раннего возраста. Один восьмимесячный малыш сидел, привалясь к спине матери. Он дважды старался пригнуть стебель растения, потом отпускал его и, притянув к себе другой стебель растения, засунул его себе под ногу, то есть повторил в простейшей форме типичное поведение взрослого животного. К пятнадцатимесячному возрасту детеныши по вечерам иногда практикуются в постройке гнезд, но спят в них редко. Полуторагодовалые гориллы занимаются постройкой чаще, вполне овладевая этим искусством еще до того, как они становятся подростками, и на практике ежевечерне применяют свое умение устроить ночлег.

Предположение, что детеныши с самого раннего возраста хорошо знают, как построить гнездо, сомнительно. Разумеется, они постепенно обучаются тому, как сделать крепкое и надежное гнездо в различных условиях и какие виды растительности употреблять для постройки. Я считаю, что у горилл есть врожденное стремление устроить что-то вокруг себя и под собой, прежде чем лечь спать. Подтвердить или

опровергнуть это предположение может только тщательное изучение поведения животных в неволе. Наблюдение, сделанное доктором Е. Лангом в базельском зоопарке, подтверждает эту мысль. Гома, десятимесячная самка гориллы, родившаяся в зоопарке и выросшая в доме Ланга, однажды с наступлением сумерек разложила вокруг себя ветви, так что получилось схематическое очертание гнезда.

Устройство ночлега — простое дело и редко занимает более трех — пяти минут, а иногда всего лишь тридцать секунд. Около десяти процентов животных в Кабаре вообще не устраивали гнезд, а те, которые были сделаны на земле, состояли из нескольких маленьких охапок травы, умятых вокруг тела животного так, что местами получился валик. Строя гнездо на земле, горилла просто сгибает и ломает растения, ветви и побеги, со всех сторон укладывает все это вокруг себя, не соблюдая при этом какого-либо особого порядка. Животное ничего не сплетает, не переплетает, не вяжет в узлы, не проделывает никаких сложных манипуляций. Гнезда, устраиваемые на деревьях, должны быть более основательными, чем наземные, — случись такой платформе обрушиться, и животное упадет на землю со значительной высоты. На деревьях место ночлега обычно расположено в развилке ветвей или вдоль горизонтальных ветвей, служащих опорой для конструкции. Соседние ветви пригибаются внутрь, пока не образуется довольно надежный настил.

Глядя на примитивные гнезда горилл на земле, я часто недоумевал: какой цели они служат? Это не защита от дождя, если только гнездо не находится у самого ствола накренившегося дерева или под сплетением лиан. Наземное гнездо не изолирует спящее животное от холодной земли потому, что при устройстве гнезда обезьяна тщательнее делает валик по краям, чем его дно. Правда, на крутых откосах это,

возможно, не дает животному соскользнуть вниз, но я также не раз наблюдал, как гнезда, устроенные на склонах, разваливались за ночь и поутру обезьяна вставала футов в десяти ниже того места, где она заснула накануне. С другой стороны, гнезда, устраиваемые над землей, на деревьях и кустах, имеют совершенно определенное назначение. Это надежный настил, и животное может спокойно спать на нем в лежачем положении, не боясь упасть. Очень вероятно, что привычка устраивать гнезда была приобретена в те времена, когда предки гориллы еще жили на деревьях.

Не только горилла строит гнезда, их строят еще шимпанзе и орангутаны. Осматривая гнезда шимпанзе в лесах Уганды, я убедился в том, что они сделаны так же, как и у гориллы, но я видел их только на деревьях, обычно на высоте от пятнадцати до ста футов над землей. Доктор В. Рейнольдс, который изучал этих обезьян в лесу Будонго в Уганде, рассказал мне, что ему дважды попадались и наземные гнезда. Ноябрь и декабрь 1960 года мы с Кей провели в Сараваке, северо-западной части острова Борнео, где нам предстояло выполнить небольшую работу, связанную с изучением орангутанов. Я разыскал там более двухсот древесных гнезд этих обезьян, расположенных на высоте от одиннадцати до ста тридцати футов от земли. Гнезда были совершенно такие же, как у гориллы, но с той разницей, что у многих из этих конструкций была толстая подстилка из ветвей, очевидно, для того, чтобы сделать постель удобнее.

Однажды на Борнео, когда градусник показывал 80° по Фаренгейту, а влажность воздуха была 100 %, Гаун анак Су-ренг, мой проводник-даяк, и я шлепали по воде в заболоченном лесу недалеко от побережья Южно-Китайского моря. Вода была кое-где по щиколотку, а местами и по грудь. Приходилось то и дело останавливаться и оттирать от кожи бесчисленное

количество присосавшихся пиявок. Мы искали орангутанов, но находили лишь старые гнезда. Я только было собрался сделать пометку в блокноте о высоте двух гнезд над землей, как Гаун сказал: «Медведь!» Сначала я его не понял, а когда он объяснил, что эти гнезда построили медведи, я стал сомневаться. Тогда Гаун показал мне царапины на стволе дерева, которые он заметил своими зоркими глазами. Я полез на дерево, приглядываясь к следам когтей на коре, и наконец добрался до гнезд, расположенных на высоте сорока пяти футов. Внимательно их осмотрев, я пришел к убеждению, что они весьма напоминают гнезда обезьян. Одно гнездо было устроено из четырех ветвей, надломанных и пригнутых внутрь так, что получался настил, второе из шести веток. Кора на ветвях была исцарапана когтями. Гаун был, несомненно, прав: гнезда были построены лапами медведя. Я и не знал, что малайский медведь, это небольшое кривоногое создание с ярко-белой отметкой на груди, делает гнезда. Когда же я стал сверяться со старыми описаниями повадок малайских медведей, мне попадались лишь неопределенные фразы, вроде такой: «Говорят, что он строит гнезда на деревьях, но это еще не подтверждено» (Е. Банкс. Млекопитающие Борнео). Разумеется, мне хотелось бы иметь побольше данных, но даже теперь небезынтересно отметить, что повадки, которые считаются свойственными только человекообразным обезьянам, возможно, встречаются и у медведей.

Жизнь гориллы состоит из сна, еды и опять сна. Только изредка что-нибудь нарушает обычный ритм ее существования. Я уже не смущал своим присутствием животных некоторых групп, став для них почти такой же частью окружающей природы, как дукер или буйвол. Но у тех горилл, которых я навещал редко, мое появление все еще вызывало большое любопытство.

Хотя животные иной раз казались немного испуганными, все же они, по-видимому, были рады поглазеть на новое, незнакомое существо.

Скучную рутину повседневной жизни обезьян нарушала встреча двух групп. В одной и той же части леса с некоторыми перерывами бродило шесть групп. Очевидно, что рано или поздно они должны были столкнуться. Это было лишь вопросом времени. Мне посчастливилось, и я оказался как раз рядом с местом такой случайной встречи.

Если два стада могли слышать друг друга, но видеть не могли, они просто игнорировали присутствие соседей. Например, обезьяны группы VII слышали, как в отдалении самцы бьют себя в грудь и ревут, но продолжали свои обычные занятия, не прерывая их ни на минуту. Однако было четыре известных мне случая, когда та же группа VII вступала в контакт с животными другого стада. Рано утром 19 октября на склонах горы Микено я увидел группу III — самца, двух самок, одного подростка и одного детеныша. В тот же день, несколько позднее, группа VII спокойно отдыхала в двухстах пятидесяти футах от того места, где я заметил группу III. К вечеру, после того как я ушел домой, обе группы объединились и, по-видимому, совершенно мирно вместе провели ночь. К десяти часам следующего утра, к тому времени как я добрался до места их совместной ночевки, они уже разошлись каждая своей дорогой.

Две недели спустя, 1 декабря, группа VII была в седловине около Бишитси, как раз там, где часто появлялась группа V. В течение ночи 31 октября оба стада спали на расстоянии двухсот ярдов друг от друга. Разыскав их утром в то время, когда они кормились и отдыхали, я увидел, что они игнорируют друг друга с таким подчеркнутым безразличием, что ни на минуту не усомнился в том, что их интерес друг к другу очень

велик. После полудня самец с черной спиной и три подростка из группы V забрались на ствол упавшего дерева и стали наблюдать за соседями. К сидящей на бревне компании подошел подросток из Группы VII и оглядел их с явным интересом. Другие гориллы продолжали кормиться, и только самцы с серебристой спиной время от времени поднимали головы и оглядывались по сторонам. Во второй половине дня животные совсем перестали интересоваться друг другом. Только Верхолаз из группы VII изредка ударял себя в грудь, выдавая этим свое волнение, да самец с черной спиной из группы V лежал на бревне, подперев голову руками, уставившись на своих временных соседей. К четырем часам группы двинулись в противоположных направлениях, и в последующие дни они больше не встречались.

18 апреля встретились группы VII и XI. Верхолаз сидел сгорбившись, упершись взглядом в землю и, казалось, был погружен в глубокое раздумье. Остальные члены группы теснились вокруг него. Самец с серебристой спиной из группы XI сидел на корточках под деревом в каких-нибудь двадцати футах от Верхолаза. Пятнадцать животных его стада разбрелись по зарослям. Самец был очень возбужден и устроил целое представление: он негромко ухал, все убыстряя темп и силу звука, пока звук не слился в сплошное грозное рычание; он бил себя в грудь, вертелся во все стороны, влезал на бревно и с шумом обрушивался с него на землю. В заключение он шлепнул по земле ладонью. Верхолаз быстрым шагом подошел к нему, и они уставились друг на друга. Их лица были не более чем на фут один от другого. Эти лесные великаны, каждый из которых был равен по силе нескольким мужчинам, улаживали какие-то свои спорные вопросы не дракой, а, так сказать, силой взгляда. Секунд двадцать или тридцать они угрожающе смотрели друг

на друга, но ни один не хотел сдаваться. Потом они разошлись. Верхолаз вернулся на свое место. В последующие несколько минут он дважды таким же образом пытался одержать победу, но это ему не удавалось. Самцы напоминали двух воинственных школьников, каждый из которых старается запугать противника, не ввязываясь в драку.

Верхолаз, сделал последнюю попытку одержать победу в этой войне нервов. Он подбросил в воздух пригоршню сорванной травы, встал, выпрямившись во весь рост, как бы демонстрируя свою мощь, потом вдруг подбежал к противнику и, приблизив к нему свое лицо почти вплотную, на расстояние дюйма, пристально на него уставился. Но противник был столь же упрям, сколь и возбудим, — блеф Верхолаза не произвел желаемого впечатления. Остальные члены обеих групп почти не обращали внимания на своих вожаков и вели себя так, будто исход борьбы их совершенно не интересовал. Сделав последнюю попытку установить свое превосходство, Верхолаз начал есть, самки и подростки присоединились к нему. Самец с черной спиной и подросток из группы VII прошли мимо вожака соседей и немного покрутились среди его самок, а затем вернулись на свой участок. Верхолаз еще раз направился к вспыльчивому самцу и некоторое время глядел на него в упор, но, впрочем, без особой агрессивности, потом повернулся и быстро пошел прочь, а за ним и вся группа. Обезьяны прошли под деревом, на котором я сидел, и, хотя отлично знали о моем присутствии, полностью меня игнорировали — сегодня происходили более интересные события.

Очевидно, в психологии горилл есть какие-то свои таинственные извивы, понять которые затруднится самый настойчивый наблюдатель. Я полагал, что после этой встречи группы расстанутся, но по какой-то непонятной мне причине вспыльчивый самец пошел

вслед за уходящими животными. Верхолаз дважды поворачивал назад и угрожающе кидался на противника, останавливаясь, однако, в самую последнюю минуту. К сожалению, группа XI меня заметила, и это отвлекло ее внимание. Вскоре я ушел домой, а на другой день по следам на земле прочитал странную повесть: животные группы VII шли по лесу то гуськом, то по двое, срывая на ходу съедобные растения. На некотором расстоянии позади них по той же тропе следовала группа XI. С наступлением сумерек, едва стадо Верхолаза устроило гнезда, подошла и другая группа. Группа VII быстро снялась с места, перешла на двести футов и устроила новые гнезда. Но вспыльчивый самец был настойчив и снова двинулся за ними. Тут, видимо, пришло к концу даже безграничное терпение горилл: на тропе я нашел несколько клочков волос, вырванных с корнем. Очевидно, произошла потасовка. Группа VII сделала последнюю попытку отвязаться от других животных. Члены группы прошли гуськом еще двести ярдов и устроили себе очень примитивные гнезда. Группа XI, наконец оказавшись в отдалении, устроилась ночевать прямо на тропе, а на следующее утро двинулась обратно в том направлении, откуда пришла. На вид ни одно из животных ни в той ни в другой группе не пострадало, но я подозреваю, что отныне Верхолаз не будет заводить добрососедских отношений с группой XI.

Самым интересным во всех этих встречах была очень разнообразная реакция группы VII по отношению к другим. С группой III она мирно делила место ночлега; подходила к группе V на расстояние пятидесяти футов, но не пыталась с ними общаться; враждебно вела себя по отношению к группе XI. Несомненно, некоторые из членов группы VII бродили вместе в районе горной седловины лет пятнадцать, а то и дольше. Во время своих странствий они, безусловно, не раз встречались с

соседними группами и с кем-то подружились, а с кем-то стали врагами. Понятно, я не мог знать об этих событиях минувших дней.

Гориллы очень привязываются к членам своей группы, возможно, потому, что чувствуют себя более уверенными и счастливыми среди близких друзей и родственников, чем среди «случайных знакомых». Когда группы встречаются, общаются, а потом расстаются, животные, как правило, остаются каждый со своей группой. Исключения редки. Между серединой февраля и серединой марта к группе VII присоединилась самка с детенышем. Поскольку я ни разу не видел и не слышал об одиноких самках, бродящих по лесу, я подозреваю, что она просто перешла из другой группы, когда они встретились. Пока новая самка не привыкла к моему присутствию, она создавала в группе порядочный переполох. Едва завидев меня, она с визгом бросалась в сторону, немало удивляя этим других членов группы, которые давно перестали считать меня предметом, достойным их внимания. Я уверен, что новая самка точно так же не понимала, почему группа пренебрежительно игнорирует ее отчаянные предупреждения о том, что поблизости злейший враг горилл — человек.

Я никогда не видел драк между отдельными членами разных групп, а такие притворные нападения и обмен свирепыми взглядами, какие происходили между Верхолазом и самцом из группы XI, мне больше не доводилось наблюдать. Гориллы — добрые, мягкие и дружелюбные создания, мирное сосуществование — основной закон их жизни. В этом отношении человеку следовало бы брать пример с горилл. Разумеется, ни одно животное не достигает абсолютного совершенства: имеются вполне надежные сведения о драках, происходивших между самцами. В июле 1958 года два самца с серебристыми спинами, вожаки групп,

несколько раз дрались по неизвестной причине. Это сообщил Баумгартель, получивший сведения от своих следопытов — африканцев. 11 августа животные снова подрались, 13 августа один из самцов был найден мертвым. Единственными признаками драки, обнаруженными на его теле, были подбитый правый глаз и укусы на тыльной стороне обеих рук. Доктора, которые исследовали его труп в медицинском училище в Кампале, не смогли установить причины смерти обезьяны.

Для меня было чрезвычайно интересно убедиться в том, что несколько групп горилл могут занимать одну и ту же часть леса и при встрече вести себя миролюбиво. Раньше принято было думать, что каждая обезьяна или их группа занимает территорию, границы которой ревностно охраняются от вторжения других, себе подобных. Горилла, несомненно, делится своей территорией и обильными пищевыми ресурсами с другими представителями своего рода и совершенно не стремится к монопольному обладанию каким-то участком земли.

Хотя группа VII и встречалась иногда с другими стадами, к ней никогда не присоединялись посторонние самцы. В районе Кабары я насчитал семь самцов-одиночек: четырех с серебристыми спинами и трех с черными; возможно, что одиночек было больше. Эти самцы общались только с группами IV и VI. Видимо, только некоторые группы принимают к себе самцов-одиночек, прекрасно знающих, где им будет оказан хороший прием, а где нет. Из всех самцов-одиночек я лучше всего знал Одинокого Бродягу. Это был экземпляр с серебристой спиной, в расцвете сил, с мрачным взглядом и презрительной складкой у рта. Я ему не нравился, и обычно, едва завидев меня, он издавал короткий рев и бросался прочь. Впервые я увидел его 18 ноября, неподалеку от группы VI. Диллон,

вожак этой группы, отдыхал в окружении своих самок и потомков. Казалось, что никто даже не замечает Одинокого Бродягу, сидящего в тридцати футах от них. Минут через пятнадцать Диллон встал, и группа продефилировала мимо него. Сам он остался на месте, упорно глядя на Одинокого Бродягу. Диллон явно намекал, что одиночке пора отсюда убираться. В тот день Одинокий Бродяга ушел, но в течение последующих недель я не раз натыкался на него, когда он шел по свежим следам группы. В мае на склонах горы Микено появилась группа IV, и Одинокий Бродяга на неделю присоединился к ней. Потом им снова овладела страсть к путешествиям, он ушел и опять зажил в одиночестве.

Двух других самцов-одиночек — крупного с черной спиной и старого с серебристой, которые, видимо, бродили по лесам вместе, группа VI принимала куда более приветливо, чем Одинокого Бродягу. 9 января я увидел Скандалиста, небольшого самца с черной спиной из группы VI, в обществе двух еще не известных мне самцов. Они были футах в ста от группы. Через несколько минут оба молодых самца присоединились к остальным, причем, появление молодых чужаков не вызывало никакой реакции. Однако самец с серебристой спиной держался на расстоянии. Как всегда, в самую неподходящую минуту спустился густой туман, и мне пришлось прекратить наблюдение. На следующий день, разыскав группу, я увидел, что самец с серебристой спиной уже присоединился к остальным и преспокойно лежит на холмике, окруженный самками. Диллон не обращал на пришельцев ни малейшего внимания. Тем не менее по каким-то причинам они исчезли на следующее утро, и больше я никогда их не видал.

Подобные появления и исчезновения были гораздо более заметными в группе IV. В начале моих

наблюдений Чужак присоединялся к группе и уходил от нее по крайней мере дважды, Новенький же примкнул к ней. В январе, после трехмесячного отсутствия, группа появилась на старых местах; В ее составе произошли большие перемены: Большой Папаша все еще был вожаком, но Чужак и Ди Джи, второй самец по рангу, исчезли. Вместо них появился новый самец с серебристой спиной, который занял положение Ди Джи. По-видимому, этот самец привел с собой двух самок и двух детенышей, и теперь в группе стало тридцать животных. 24 апреля Рваный Нос, который был членом группы по крайней мере с августа, куда-то исчез, и мне определенно не хватало моего горластого приятеля. За год в IV группе побывало не менее семи разных самцов, и только Большой Папаша оставался в ней все время. Он был живым воплощением добродушного, терпимого ко всему самца гориллы. Мне думается, что именно благодаря его мягкому характеру в группе то появлялись, то исчезали посторонние самцы. Другие вожаки, вроде Верхолаза из группы VII, видимо, обладали более властным, ревнивым характером и гоняли посторонних посетителей.

Как правило, состав группы подолгу не меняется. Большинство перемен — результат смертей, появления на свет детенышей и прихода самцов-одиночек. В группе V за десять месяцев и в группе VIII за семь месяцев никаких перемен не произошло. В Кисоро была группа, состоящая из одного самца с серебристой спиной, одного с черной, трех самок и детеныша. В промежутке между концом 1957 года и началом 1960 группу неоднократно видели туристы. В феврале 1959 года родился детеныш, и это было единственным изменением в составе стада за два года. Но этой маленькой группе очень не везло: через год из нее ушел самец с серебристой спиной, а вместе с ним большой детеныш. Самец погиб от кишечного

заболевания, детеныш был пойман и отправлен в зоопарк. Оставшиеся в живых гориллы перебрались в Руанду и нашли себе нового вожака — самца с серебристой спиной, в группе у которого было только две самки. Объединенная группа, состоящая теперь из восьми животных, прожила спокойно около года. За это время родился один детеныш. В феврале 1961 года самки снова остались без вожака — его убил черный леопард, убийца горилл, а потом жертвой хищника стала и самка. Уцелевшие животные отправились на поиски нового вожака и защитника. По мнению Рубена и его следопытов, поиски увенчались успехом.

Думается, стоит подытожить и вкратце сопоставить известные нам данные об организации групповых объединений других человекообразных обезьян — гиббонов, орангутанов и шимпанзе. Это поможет нам правильнее судить о гориллах. Гиббоны (Вес гиббонов заметно варьирует в зависимости от видовой принадлежности. Если большинство этих «малых антропоидов» обладает весом в пределах пяти — десяти килограммов, то, например, сросстопалые гиббоны, или сиаманги (*Symphalangus syndactylus* Raffles 1821), достигают восемнадцати — двадцати килограммов.) — весьма подвижные и самые маленькие из человекообразных обезьян (они весят от двенадцати до двадцати фунтов) — распространены весьма широко. Они водятся в Юго-Восточной Азии от Ассама и Бирмы до Таиланда, Малайи, Суматры и Борнео [Калимантан]. Гиббонов существует несколько видов: некоторые ученые насчитывают их пять, другие — двенадцать. Все они живут в одинаковых природных условиях, во влажных тропических лесах, не выше семи тысяч футов над уровнем моря. Подробнее изучался только один вид — белорукий гиббон, или лар (Белорукий гиббон, или лар (*Hylobates lar* Linnaeus 1771), обитает в южной части полуострова Индокитай. Его биология описана

Ч. Карпентером: C. R. Carpenter, 1941, A field study in Siam of the behavior and social relations of the Gibbon (*Hylobates*), «Comparative Psychology Monographs» XVI, N 5 (serial N 84), p. 212.). Доктор Карпентер, наблюдавший в Таиланде двадцать одну группу в течение трех месяцев, отмечает, что в каждой из них было от двух до шести животных. «Обычно гиббоны лары образуют семейные группы: самец, самка и их потомство». Каждая постоянная группа передвигается по верхушкам деревьев на территории от тридцати до ста акров (Акр = 0,4 га.); питаются эти обезьяны преимущественно плодами, а также листьями, насекомыми и птенцами, еще не вылетевшими из гнезда. Хотя соседние группы могут на короткий срок объединяться, как правило, они придерживаются своих районов.

Орангутаны (*Pongo pygmaeus*) водятся только в некоторых областях острова Борнео [Калимантан] и Северной Суматры, где им грозит полное истребление, так как охота на них ведется неорганизованно. Эти обитатели деревьев влажных тропических лесов питаются плодами. Они достигают крупного размера: самка весит обычно около восьмидесяти фунтов, а самец примерно вдвое больше. Орангутаны пока еще по-настоящему не изучены. Во время моего короткого пребывания в Сараваке я заметил, что группы этих животных обычно невелики, от двух до пяти животных в каждой. Эти группы не постоянны: животные расстаются и вновь объединяются. Я видел одинокую самку с детенышем, а другой раз — двух крупных подростков. Одну ночь самец, самка с детенышем и подросток провели на соседних деревьях, на следующую самец устроился в четырехстах футах от своей группы, а на третью совсем ушел. Одинокие самцы, которые не раз встречались наблюдателям,

несомненно, присоединяются к самкам через какие-то неопределенные промежутки времени.

Шимпанзе обитают в полосе влажных тропических лесов, тянущихся от Западной до Центральной Африки, и проникают даже в саванное редколесье, как например в Танганьике. Из двух видов изучен только обыкновенный шимпанзе. О карликовом шимпанзе, или бонобо (Открытый лишь в 1929 году карликовый шимпанзе бонобо (*Pan paniscus* Schwarz 1929) почти в два раза меньше и легче обыкновенных, отличается и другими особенностями (М, А. Гремяцкий. О «новом» роде человекообразных обезьян, названном «бонобо». — «Советская антропология», 1957, т. 1, № 1, стр. 263–269).), который водится в отдаленных лесах к югу от реки Конго, почти ничего неизвестно. Вернон Рейнольдс, проработавший в течение восьми месяцев в лесу Будонго в Уганде, заметил, что шимпанзе в количестве от шестидесяти до семидесяти пяти особей живут на участке леса примерно в шесть — восемь квадратных миль. Однако, в отличие от горилл, состав группы шимпанзе совершенно непостоянен. Это просто сборище животных. Изменения в составе стада происходят ежедневно. Обезьяны поодиночке или маленькими группами уходят в поисках фруктов — их основной пищи в этих лесах. Иногда несколько самцов бродит вместе, часто можно видеть группы из нескольких самок с детенышами. Постоянно происходят встречи и мирное общение с соседями.

Эта краткая сводка показывает, насколько неразумны широкие обобщения о поведении человекообразных обезьян. Нередко наблюдается значительная разница в поведении даже у представителей того же рода, обитающих в разных районах. Например, Рейнольдс ни разу не замечал, чтобы шимпанзе, населяющие лес Будонго, употребляли какие-либо орудия или ели мясо, как, по

свидетельству Джейн Гудолл, они это делают в Танганьике.

Наблюдение за гориллами быстро превращается в привычное занятие, но мне оно никогда не казалось скучным и никогда не надоедало. Каждый поход в лес обещал что-то новое. Ведь самые интересные моменты в жизни горилл, например встречи и объединение групп, происходят совершенно неожиданно. Временами, когда я был уверен, что знаю все группы в этом районе, вдруг появлялась новая. Например, группа VIII возникла вблизи Кабары в середине ноября, спустя три месяца после того как я начал вести наблюдения. Это была большая группа, состоявшая из одного самца с серебристой спиной, двух самцов с черными спинами, восьми самок, трех подростков и семи малышей. У Хохлача, вожака стада, на голове возвышался громадный волосяной шлем. По характеру вожак был легко возбудим и весьма отважен.

Одно утро, проведенное с этой группой особенно врезалось мне в память. Я забрался на горизонтальную ветку футов в пяти над землей, чтобы наблюдать животных, которые кормились и отдыхали примерно в ста футов от меня. Вдруг меня увидела самка. Она стала бить себя в грудь, затем легла на землю. К счастью, больше никто не заметил моего присутствия, даже Хохлач. До этого я встречался с группой одиннадцать раз, и он всегда первый начинал реветь при моем приближении. Через полчаса меня заметил самец с черной спиной, а, когда он стал бить себя в грудь, Хохлач вскинул голову и заревел. Все члены группы собрались вокруг него и с весьма решительным видом направились ко мне. К моему великому облегчению, они остановились футов в тридцати и стали меня внимательно разглядывать. Самка, прижимавшая к груди трехмесячного детеныша, подобралась еще ближе, все время искоса на меня

поглядывая. Когда нас разделяло только пятнадцать футов, она протянула руку и резко дернула ветку, на которой я сидел. Взглянув на меня еще раз, словно определяя результат своего поступка, она подтянулась и влезла на ветку. Мы оба сидели на корточках, на одном суку, обмениваясь беглыми взглядами, словно двое незнакомцев на скамье в парке. Удовлетворив свое любопытство, она прыгнула обратно на землю, а ее место ненадолго занял подросток. Посматривая на меня и, видимо, нервничая, он откусывал кусочки коры. Наконец на ветку взобралась еще одна самка. На этом интерес ко мне иссяк, вся группа не спеша отправилась обратно на то место, где отдыхала, и снова занялась своими делами, словно меня здесь и не было.

Самой приметной самкой в группе была Кривомордая Олив. Я дал ей это имя потому, что лицо ее было безобразно искривлено. Может быть, в драке, или же при падении с дерева она получила такой удар в челюсть, что вся нижняя часть ее лица была сдвинута на сторону, линия рта шла почти вертикально. Хотя челюсть у нее была, вероятно, сломана, это ее не беспокоило, и она прекрасно нянчила своего детеныша. Среди горилл, которых я наблюдал, не было, кроме Олив, ни одного изуродованного животного. Охотник Фред Манфильд видел однажды в Западной Африке крупного самца, вожака группы, имевшего только одну руку, а в другой раз встретил самца-одиночку с изуродованной стопой. Как отметил один из антропологов, в музейных коллекциях скелетов горилл зажившие повреждения черепа замечены у двух процентов самок и шести процентов самцов. Поразительно, что у орангутанов, ведущих древесный образ жизни, часто есть следы сросшихся переломов костей. Анатом Шульц отметил, что из ста взрослых экземпляров этих обезьян у тридцати четырех имелись зажившие переломы пальцев, рук и костей других

частей тела. Если у такого крупного животного, как орангутан, самой природой приспособленного к жизни на деревьях, так часто ломаются кости, то можно только порадоваться, что еще более грузная горилла живет главным образом на земле.

Миссис В. из группы VIII сразу привлекла к себе мое внимание, так как у нее было два детеныша. Одного из них, крошечного малыша месяцев четырех, она таскала, прижав к груди. Другой, лет полутора, ковылял за нею по пятам, часто держась руками за волосы на ее зад. Молодые животные нередко сидят около посторонних самок, и порой те их обнимают. Однако, как правило, эти детеныши не позже чем через час возвращаются к своим матерям. Сперва я думал, что миссис В. произвела на свет обоих малышей с перерывом в год. Но через несколько дней я заметил, что, когда группа торопливо передвигалась с места на место или при наступлении темноты, большой детеныш возвращался к одной из самок, очевидно, к своей матери. Для меня так и осталось тайной, почему он предпочитал общество миссис В. Эта самка была крупное животное с большим, нелепо торчащим животом, лицо у нее было худое и суровое. Судя по тому, как уверенно и деловито она обращалась со своим малышом, миссис В. явно была опытная мать. Старшего детеныша она, как правило, игнорировала и только изредка занималась его туалетом. И все-таки их отношения оставались неизменными, по крайней мере с ноября по май. Настоящая мать не проявляла ни малейшего интереса, к своему потомству во время его отлучек, что, может быть, и объясняло взаимоотношения миссис В. и чужого детеныша.

Группам VIII и VI я обязан тремя самыми интересными днями, проведенными мною в Кабаре. 22 ноября в 9.45 утра я увидел группу VII1 — она мирно кормилась. Хохлач глядел куда-то вверх по склону

холма. Я посмотрел в том же направлении и увидел футов в трехстах от него Диллона, вожака группы VI. Медленно, медленно, почти незаметно группа VIII двигалась в направлении своих соседей. В 10.30, когда между двумя группами оставалось только сто футов, Диллон поднялся, сделал несколько быстрых шагов вниз по откосу и сел на бугорок. Через несколько минут он начал бить себя в грудь и отступил обратно, потом безо всякого предупреждения пошел в направлении Хохлача. Два огромных самца сели спиной друг к другу, разделенные расстоянием в тридцать пять футов, не очень убедительно притворяясь, что не обращают друг на друга ни малейшего внимания. Вскоре несколько членов группы VIII поднялись по склону холма футов на сто и расположились на отдых. К ним присоединился Хохлач. В течение двух часов обе группы отдыхали, каждая сама по себе. Затем группа Диллона двинулась в одном направлении, ни разу при этом не оглянувшись, а группа VIII вскоре ретировалась в другом. Я решил, что на этом их встреча окончилась. В лесу поднимался туман; я вылез из-за бревна, за которым прятался, и отправился домой. Но позднее, к вечеру, обе группы шли параллельно друг другу и устроились на ночевку на расстоянии тридцати футов одна от другой.

На следующее утро в 9.45 я снова нашел обе группы. Между ними было ярдов сорок, причем группа VIII скрывалась в неглубоком овраге. И опять обе группы делали вид, что не замечают соседей до тех пор, пока Диллон не подошел к группе VIII на двадцать ярдов. Хохлач и его группа медленно двинулись ему навстречу. Диллон отступил на сорок футов вверх по склону. Ему было явно не по себе, но его самки и малыши не двинулись с места до тех пор, пока Хохлач не оказался в пятнадцати футах от них, и только тогда они отошли. Животные, продолжая кормиться, к 2.20 дня разошлись в разные стороны. В этот день они

больше не встречались, и я считал, что они разошлись окончательно. Я не мог понять, почему члены двух групп не стали общаться между собой, ведь они так спокойно относились к встречам. Но я знал, что гориллы — животные сдержанные и подолгу не проявляют своих эмоций. Они сохраняют внешнее спокойствие, в то время как внутри их бушуют чувства.

На третий день, 24 ноября, группа VI, которая до сих пор проявляла инициативу и поддерживала контакт, быстро прошла восемьсот футов и приблизилась к группе VIII. В 9.30, утра обе группы вышли из глубокого оврага бок о бок, постепенно смешиваясь, и наконец только десять футов разделяло двух самцов с серебристыми спинами. Вскоре вожаки двинулись в противоположных направлениях, а за ними члены их групп. В течение трех часов обе группы отдыхали на смежных участках. Два подростка и два малыша из группы VIM подошли к соседям и уселись рядышком. Тут же два детеныша и подросток из группы VI поспешили вскарабкаться по откосу, поглядеть на пришельцев с расстояния шести футов. Точь-в-точь как человеческие дети, знакомящиеся с новым мальчишкой, появившимся на их улице, подростки из группы VI пытались вовлечь пришельцев в игру. Один из них притворился, что нападает. Его противник повернулся и отбежал на несколько шагов. Другой детеныш съехал по откосу поближе, прыгнул и хотел шлепнуть чужого подростка по ноге, но промахнулся и поскорее отбежал к своим. К сожалению, нашла волна густого тумана, а когда минут через двадцать он рассеялся, детеныши из группы VI уже вернулись к матерям. Около соседей остались два подростка и самец с черной спиной, который подошел позже. В час дня Хохлач поднялся и стал уходить; как всегда, следом за ним двинулись самки и молодежь. Самец с черной спиной и один из подростков все еще медлили, сидя поблизости от группы VI. Их поторопила

самка — она подошла к ним и притворилась, что нападает. На этот раз группы расстались окончательно. Я так и не понял, почему они провели эти три дня бок о бок.

Наблюдая за группой IV, я стал свидетелем интересного эпизода. 25 апреля гориллы кормились неподалеку от края каньона Каньямагуфа. Между нами лежала пропасть, но каждое животное на противоположном склоне было отчетливо видно. Я сразу же узнал Младшего и некоторых других, но был удивлен, что среди них нет Большого Папаши и некоторых самок. Взглянув случайно вниз, в долину, я заметил там на расстоянии шестисот футов остальных животных группы. Такое разделение стада случается довольно редко, и я не знал, чем это было вызвано. В этот момент из-за кустов появилась миссис Морщинистая, крупная, лохматая самка с грустным взглядом и морщинистым, как печеное яблоко, лицом. Подросток, который раньше повсюду таскался за ней, куда-то исчез. Вместо него она держала на руках новорожденного детеныша, еще сероватого и влажного. В этот вечер обе части группы объединились и вместе устроились на ночевку. Когда я на завтра снова увидел Морщинистую, она сидела у дерева, освещенная солнцем, и держала на руках новорожденного. Она осторожно поддерживала его голову, руки и ноги и подолгу, с обожанием взидала на своего слабенького потомка. 26 апреля я не видел группу IV. 27 апреля я прежде всего стал искать глазами Морщинистую и вскоре заметил ее среди других самок. Детеныш лежал у нее на коленях как-то расслабленно. Своей широкой рукой она поддерживала его под спину, но руки и ноги детеныша вяло болтались, рот был открыт, а глаза закрыты. Он был мертв. Со смертью детеныша поведение Морщинистой изменилось. Она уже не прижимала крошечное тельце к своей груди и даже не

глядела на него. Когда она шла, она просто держала тело в одной руке, иногда даже делала несколько шагов, волоча его по земле. На следующий день тельце лежало у ее ног два часа и она до него почти не дотронулась, лишь один раз приподняла труп за руку и тут же бросила. Но все же и в этот день и на следующий Морщинистая не расставалась со своим мертвым детенышем. 1 мая, четыре дня спустя после смерти малыша, она оставила его на тропе. Тельце лежало ничком с раскинутыми руками и ногами. Оно уже разлагалось, и вокруг вились и жужжали мухи. Я принес трупик домой и сделал обмеры, а Кей, стоя поодаль, чтобы не так чувствовался ужасающий запах, вела запись. Длина тела детеныша равнялась девятнадцати дюймам. Я решил сохранить скелет и, отделяя мускулы от хрупких косточек, невольно ощутил грусть — это было так похоже на вскрытие тела ребенка. Сходство между людьми и человекообразными обезьянами особенно велико, когда те и другие находятся в периоде раннего детства. По беззубости десен, округлости лба и уплощенности лица новорожденные горилленок и младенец поразительно напоминают друг друга. Разница во вместимости черепа тоже сравнительно невелика. При рождении объем мозга ребенка равен приблизительно тремстам пятидесяти кубическим сантиметрам, а к годовалому возрасту этот объем утраивается. Такая феноменальная скорость роста мозга свойственна только человеку. Даже у взрослого самца гориллы объем мозга равен приблизительно шестистам — семистам кубическим сантиметрам.

К сожалению, мне не пришлось наблюдать, как происходят роды у гориллы, и я не имею достаточно сведений о том, как у них протекает беременность, хотя такие данные можно получить в некоторых зоопарках. До 1956 года ни в одном зоопарке мира не рождались

детеныши горилл, факт весьма позорный, если сосчитать, сколько горилл жило в неволе за все эти годы. Обращение с обезьянами в зоопарках было просто возмутительным, да и сейчас во многих местах оно осталось таким же. Несчастные животные сидят за своей решеткой, как заключенные в одиночке. И даже теперь за огромные деньги покупают детенышей горилл и других человекообразных обезьян, а потом они чахнут в зоопарке, потому что за ними нет правильного ухода. Не понимаю, почему зоопарк не пожалеет заплатить пять тысяч долларов за детеныша горной гориллы, но зато наотрез откажется нанять человека для ухода за ним и, что крайне важно, для того, чтобы детеныш не был в одиночестве. Легкий грипп, совершенно безопасный для человека, может за несколько часов убить молодую обезьяну, если ей своевременно не оказать медицинской помощи. Не вижу смысла в том, что для львов и других представителей кошачьих, проводящих время в полном бездействии, устраивают огромные вольеры, а живых, подвижных обезьян, которым необходимо общение с себе подобными, помещают в тесные клетки. Детеныши человекообразных обезьян нуждаются в таком же внимании и уходе, как и дети. Зоопаркам, которые не в состоянии предоставить им такие условия, следует запретить их покупку и содержание, особенно теперь, когда некоторым видам, например орангутанам, грозит полное истребление. Человек должен чувствовать какую-то моральную и этическую ответственность по отношению к существам, до такой степени похожим на него и в физическом и в умственном отношении. Но всем известно, что человек до сего времени не научился проявлять сострадание даже к своим собственным собратьям!

Сравнительно недавно, в 1915 году, известный американский натуралист В. Хорнедей писал о гориллах

следующее: «Достойно сожаления, что взрослых человекообразных обезьян, в некоторых отношениях столь близких к человеку, нельзя увидеть в зоологических садах. Однако тут ничего не поделаешь и с этим приходится примириться». С тех пор как были написаны эти слова, в неволе выросло немало горилл. Но в зоопарках, как правило, не было взрослых пар, а если и были самцы и самки, то их держали в разных клетках, и потомства у них не было. 6-8 апреля 1956 года в зоопарке города Колумбус, в штате Огайо, впервые спарили горилл, живущих в неволе: молодую самку Кристину и самца Барона. Кристина забеременела. После семи месяцев беременности у нее отекали щиколотки и она стала очень раздражительной. В 8 часов утра 22 декабря, на девятом месяце, она спокойно встала в своей клетке на четвереньки. В 8.30 ее снова навестил служитель: она стояла в прежней позе. В 8.50 служитель нашел лежащего на полу детеныша, полностью окутанного околоплодным пузырем. Кристина не издала ни звука, она выглядела совершенно ошеломленной. Драгоценное потомство унесли из клетки и вырастили.

В базельском зоопарке в Швейцарии произошел наиболее эффектный случай размножения горилл. В конце 1957 года стало известно, что самка Ахилла беременна. 29 марта у нее произошел выкидыш. Абортированный зародыш был четырех дюймов длины. В декабре того же года были основания думать, что она снова забеременела. Груды ее разбухли, живот увеличился, она прибавила в весе пятнадцать фунтов. 7 июня 1959 года она выдавила молоко из грудей. Рождение детеныша произошло глубокой ночью 22 сентября, 289 дней спустя после зачатия. Когда служитель вошел утром в клетку, он увидел Ахиллу, прижимающую к своей груди малыша. Она была очень нежной, но совершенно неопытной матерью:

проголодавшись, детеныш потянулся за соском, а она даже не пыталась ему помочь. Голодный детеныш стал хныкать. Чтобы спасти ему жизнь, его взяли из клетки, и он вырос в доме доктора Эрнеста Ланга, директора зоопарка, который впоследствии написал очаровательную книгу о своем питомце: «Гома, детеныш гориллы». Вместе со своими помощниками он изучал малыша и дал первый подробный отчет о развитии гориллы с момента рождения. К сожалению слишком многие зоопарки, особенно американские, представляют собой самые обыкновенные зверинцы. Не делается никаких попыток вести хотя бы самые элементарные научные наблюдения и записи, а в результате теряется много ценной информации. В этом отношении базельский зоопарк составляет отрадное исключение из общего правила.

Спустя месяц после рождения Гомы Ахилла была снова помещена вместе с самцом и в начале августа 1960 года опять забеременела. 17 апреля 1961 года в 7 часов утра слугитель ее навестил, но не заметил ничего необыкновенного. Когда он вернулся спустя час, Ахилла держала в руках, новорожденного. Внутриутробный период развития детеныша продолжался 252 дня (у человека — в среднем 267 дней). Ахилла внимательно оглядела своего потомка, облизала ему руки и ноги и явно была спокойнее, чем после рождения своего первого ребенка. В тот же день малыш уже сосал мать. Шли месяцы, он рос и процветал. Джамбо был первым детенышем гориллы, выращенным собственной матерью в неволе. Это доказывает, что в зоопарке, где с животными обращаются хорошо и в физическом и в эмоциональном отношении, можно размножать и выращивать животных, требующих даже самого сложного ухода.

Последний случай рождения гориллы произошел в Вашингтоне. 9 сентября 1961 года, после 266 дней

беременности, в 6 часов утра появился на свет малыш. Как и во всех предшествующих случаях, никто не видел самих родов. Самка положила новорожденного на пол и больше не проявляла, к нему интереса. Она никак не реагировала на то, что служитель унес ее потомка.

Ужасный пример обращения матери со своим новорожденным произошел на станции около Букаву, в Конго, где в большой вольере жила пара горилл. 26 октября 1959 года, в полдень, самка вдруг перестала есть, легла и подняла правое бедро. Показалась голова детеныша. По словам наблюдавших ее местных жителей, пять минут спустя после того как она приняла это положение, разорвался околоплодный пузырь. Тогда полусидя, полулежа обезьяна взялась руками за голову детеныша и вытащила его. Затем она перервала пуповину, подняла детеныша ко рту, откусила у него руку и ногу и клыками прокусила череп.

Находясь в зоопарках, животные, которые в первый раз производят на свет потомство, часто полностью игнорируют это «увеличение населения», а иной раз и боятся его. Для них детеныш — это что-то новое и незнакомое, с чем они редко или никогда не сталкивались. Весьма возможно, что гориллы, как и другие общественные млекопитающие животные, учатся, как обращаться со своим потомством на примере других самок, у которых есть дети. Специалист по поведению животных Хедигер рассказывает интересный случай, показывающий, какую большую роль в жизни приматов играют традиции и подражание. Живущая в неволе самка шимпанзе произвела на свет потомка. Она не знала, как нужно носить на спине детеныша. Вместо того чтобы класть детеныша себе на спину так, чтобы его голова приходилась у ее плеч, она клала его головой в сторону крупа. Это было очень неудобно, и она, видимо, почувствовала, что здесь что-то неладно. Тогда она стала наблюдать за другой

самкой, носившей детеныша правильно. Подражая ей, неопытная мать сразу же перевернула своего малыша.

На 2 июня был назначен отъезд из Кабары. Трудно было представить, что горная идиллия подходила к концу. Мы смотрели на наш луг и лес и на их обитателей уже другими глазами — внимательнее, чем прежде, и с невольной грустью, стараясь навсегда запомнить последние впечатления. Хотя мы и намеревались еще раз приехать в Кабару, но уже знали, что в будущем сможем приезжать только на короткий срок, самое большее на два месяца, лишь для того, чтобы заполнить пробелы в собранных сведениях, и что у нас уже не будет времени вновь слиться с жизнью гор.

В развилке сидит самка из группы VI. Рядом с ней ее двухлетний детеныш. На наклонившемся стволе сидит самец с черной спиной. Самка Каштанка бьет себя в грудь

25 мая на откосе позади хижины появилась группа VI. Я увидел миссис Октябрь и тут же с ужасом заметил, что ее восьмимесячный детеныш был серьезно ранен. Кожа на его крупе была содрана, и лоскут ее висел между его ногами; видны были, кровоточащие мускулы, и выступали обнаженные кости. Что случилось? Укусил ли его леопард или чем-то возбужденный самец гориллы? Детеныш был очень слаб и еле шевелился на

руках у матери, а ведь раньше жизнь в нем была ключом. Миссис Октябрь была очень обеспокоена его состоянием и обращалась с ним чрезвычайно бережно. Она не позволяла ему сидеть у нее на спине, а держала его на руках таким образом, чтобы рана не прикасалась к ее телу. Один раз она внимательно поглядела на рану и тронула ее пальцами. Каштанка, у которой месяца два тому назад погиб малыш, подошла и губами коснулась лица детеныша, словно целуя его. Но когда она захотела сделать это снова, минут десять спустя, миссис Октябрь ее слегка оттолкнула. В последний раз я видел группу 1 июня. Детеныш был еще жив, а рана его несколько затянулась. Мы уже собрали и уложили свои пожитки и ожидали носильщиков, чтобы отправиться в долину. На прощание я от всего сердца пожелал бедному малышу поправиться и вновь начать резвиться на склонах его родных гор.

«Кто я — сатир или человек?»

Сто лет тому, назад путешественник дю Шайю первый написал, что самец гориллы «в ярости бьет себя в грудь». С тех пор почти все охотники, путешественники и ученые, которым доводилось встречаться с гориллами, описывают это незабываемое зрелище. Животное становится на ноги и руками выбивает у себя на груди быструю дробь. И никто не обратил внимания на то, что удары в грудь — это завершение целого сложного ряда действий, очень характерных для гориллы и содержащих в себе наиболее интересные аспекты ее поведения. Полная «программа», которая редко проделывается, да и то только самцами с серебристой спиной, состоит из девяти более или менее отчетливо разделенных действий. Часто в начале всей «программы» самец сидит, затем закидывает голову и начинает ухать через сжатые губы, сперва медленно и негромко, потом все быстрее и быстрее, и, в конце концов, в момент кульминации эти звуки превращаются в слитный рев.

Видимо, уханье взвинчивает самца и помогает ему прийти в состояние необходимого возбуждения. Этой же цели служат ритмические удары в барабан во время исступленных плясок людей. Пока горилла ухает, ее лицо выражает крайнюю сосредоточенность. Если кто-то из членов группы чем-либо нарушит эти ритмичные вокализы, самец останавливается и, прежде чем возобновить уханье, раздраженно оглядывается по сторонам. Иногда самец сам замолкает на мгновение, срывает первый попавшийся листочек и кладет его между губ. Это проделывается с таким изяществом, и это так неуместно в данной ситуации, что я каждый раз приходил в изумление.

Самки и детеныши прекрасно знают, что уханье и листок во рту означают прелюдию к энергичным, даже неистовым действиям самца, и спешат отойти на безопасное расстояние.

Перед самым апогеем самец поднимается и встает на свои короткие, кривые ноги, одновременно вырывая и подбрасывая в воздух пучок какой-нибудь растительности. Апогеем всего являются удары в грудь (именно это чаще всего видят и слышат наблюдатели). Слегка согнутыми в пригоршню ладонями животное ударяет себя от двух до двадцати раз по нижней части груди. Частота ударов — примерно десять раз в секунду. Хотя обычно утверждают, что гориллы бьют себя в грудь кулаками, — это неверно, за исключением очень редких случаев. Но удары не всегда наносятся в грудь. Животные могут ударять себя по животу или по бедрам, хлопать по ветке, по стволу дерева, даже по спине другой гориллы. Один раз я видел, как подросток раз тридцать ударил себя по макушке, а другой раз самец с черной спиной лег на спину и стал хлопать себя по подошвам ног. Две самки не то чтобы били себя в грудь, а делали руками кругообразные движения, нарочно задевая при этом за груди, чтобы они болтались. Ударяя себя в грудь, горилла при этом часто дрыгает ногой.

Из зарослей на меня пристально смотрит самец с черной спиной

Сразу же после ударов в грудь, а иногда и в течение этого акта животное, выпрямившись, пробегает боком несколько шагов, а потом опускается на четвереньки и стремительно кидается вперед. В этот момент самец зачастую ударяет, ломает, рвет все, что попадает ему на пути, и становится весьма опасен не только потому, что эти действия носят неистовый, бурный характер, но и потому, что в этот момент совершенно не разбирает, куда придется удар. Тут может достаться любому члену группы. Один раз самец подхватил подростка и кинул его под откос. Даже человек, стоящий на пути бегущего самца, может получить от него удар. Фред Мерфильд

рассказывает: «Н'Денге держал ружье дулом вниз, а сам смотрел на меня, как вдруг крупный самец гориллы с шумом выскочил из кустов и ужасным ударом в лицо отбросил его в сторону». В заключение всех предыдущих действий животное с силой бьет ладонью по земле. Потом буян спокойно садится — спектакль окончен. Это великолепное зрелище; ничего подобного нельзя увидеть у других млекопитающих. Давая описание этого («Труды Филадельфийской Академии наук»), доктор Эмлен сделал сравнение с симфонией: «Сперва идет уханье — весьма впечатляющее вступление. Для слуха, знакомого с сонатой и симфонией, оно звучит сдержанно и обещает многое; за ним следует драматическое крещендо, переходящее в мощный апогей, — в это время животное вскакивает на ноги, подбрасывает в воздух листья и ветки, выбивает гулкую дробь на своей могучей груди. Затем наступает громоподобный финал — бег напролом, заканчивающийся оглушительным хлопком».

Детеныши начинают исполнять отдельные части этой программы с очень раннего возраста. Когда им еще только четыре месяца, они на минуту поднимаются на слабенькие ножки и бьют себя в грудь; когда им полтора года, они подбрасывают в воздух траву и кладут себе между губ листок. Самки проделывают то же, что и самец, кроме уханья и дрыганья ногой, но гораздо реже и с меньшим темпераментом. Наблюдая животных, обитающих в природных условиях, невозможно сказать с уверенностью: это поведение — наследственный признак или благоприобретенный, заимствованный от других, а также насколько пол и возраст животного определяют эти действия. Гома, детеныш, рожденный в Базельском зоопарке, ударял себя в грудь и хлопал рукой по земле, хотя никогда не имел возможности перенять эти повадки у других горилл. Это и другие подобные сведения наводят на

мысль, что горилла имеет врожденную тенденцию ударять по чему-нибудь в момент возбуждения.

Понять и объяснить весь этот последовательный ряд поступков гориллы — задача нелегкая. Очевидно, вся серия звуков, движений и поз должна была иметь какое-то значение при естественном отборе, иначе она не создавалась бы и не сохранилась. Ключ к разгадке назначения и причин поведения надо искать в ситуациях, его вызывающих. Наиболее эмоциональные, продолжительные и разнообразные демонстрации происходят при появлении человека. Иногда это может быть вызвано близостью другой группы горилл или самца-одиночки, непонятным шумом, таким же поведением другого члена группы, наконец, игрой. Уханье, вставание во весь рост, подкидывание в воздух травы — все это служит для того, чтобы привлечь внимание к животному, сделать его заметным. Наблюдения над многими животными, особенно над птицами, показали, что некоторые демонстративные телодвижения, будучи средством общения, служат для передачи информации другим особям своего вида или даже животным совсем других видов. Судя по тому, какое действие производит «представление» гориллы на ее сородичей и на человека, думается, что оно имеет двоякую функцию: это сигнал связи, средство сообщить, например, что поблизости находится другая группа. Кроме того, это способ внушить страх другим гориллам или незваному гостю — человеку.

Каковы же все-таки побудительные причины такого поведения? Желание внушить страх? Желание сообщить что-то? Но все это еще не объясняет его причин. Почему, например, это происходит во время игры и в ситуациях, когда некого устрашать и нечего сообщать? Наиболее общий эмоциональный термин, который включает в себя все эти ситуации, — «возбуждение». После «представления» напряжение на

время падает и животное ведет себя спокойно до тех пор, пока снова не накопится возбуждение и снова не потребуется разрядка.

Особенно интересно эволюционное происхождение этих действий. Мои толкования основываются на понятиях, развитых в последнее время Нико Тинбергеном, Конрадом Лоренцом и другими специалистами по поведению животных. Когда у животного одновременно возникают два противоположных импульса, например нападать и бежать, в результате обычно возникает компенсаторная деятельность, которая кажется не имеющей отношения к данной ситуации. Иногда конфликт такого рода вызывает у птиц потребность охорашиваться, чистить перышки. Гориллы начинают кормиться, чесаться, зевать и проявляют стремление по чему-то ударять. Естественный отбор мог повлиять на компенсаторную деятельность. Она приобрела дополнительное значение как сигнал связи и, приняв раз навсегда установленную форму, превратилась в особый обряд, упрочилась. Листок, который горилла часто кладет между губами, наводит на мысль, что этот странный жест может являться как бы условным, стереотипным символом еды как формы компенсаторной деятельности; удары в грудь — таким же стереотипным выражением желания что-то ударить.

Многое из того, что проделывает горилла во время своего «представления», напоминает поступки других человекообразных обезьян и самого человека. На острове Борнео я видел, как серые гиббоны (Серый гиббон молох (*Hylobates moloch* Audebert 1797), или вау-вау (Wauwau), обитает на островах Ява, Калимантан и Палава из числа Филиппинских. Местные жители с охотой держат у себя дома серого гиббона как вполне ручное животное.), раскачиваясь на руках, перемахивали с ветки на ветку, как бы летя под

пологом дождевого леса. Заметив меня, они пришли в волнение, заушали во все убыстряющемся темпе. Достигнув апогея, уханье перешло в звонкий крик, и гиббоны, встав на задние конечности, побежали по ветвям. Здесь было явное сходство с тем, как ухают, становятся на ноги, а затем бегут гориллы.

Привычка горилл подбрасывать в воздух ветки и всякую растительность свойственна также орангутанам. Помню один вечер в Сараваке. Наступали сумерки; мой проводник-даяк и я набрали на самку орангутана с детенышем; они сидели в ветвях и ели небольшие зеленые плоды. Детеныш был в пяти футах от матери, когда она нас заметила. Самка тут же подхватила детеныша, прижала к груди и примерно футов пятьсот перебиралась с дерева на дерево, стараясь от нас скрыться. Детеныш цеплялся то за ее спину, то за бока. Мы продолжали идти за самкой, и она пришла в сильное возбуждение. Трижды она поднимала свою руку ко рту и громко целовала суставы пальцев. За поцелуем следовало «глюк-глюк», напоминающее звук, производимый при глотании жидкости. Это завершилось громким, двутоновым горловым урчанием. Затем она уставилась на нас с высоты ста футов — косматое, фантастическое существо, рисующееся черным силуэтом на фоне вечернего неба. В течение минут пятнадцати она отламывала сучья и ветки и кидала их в нас. Несколько раз она размахивала веткой, как большим маятником, а когда ветка находилась в ближайшей к нам точке дуги, самка выпускала ее из рук. Поведение этой самки орангутана явно преследовало определенную цель. Вокруг меня с шумом падали ветви, и мне то и дело приходилось увертываться и отскакивать. Доктор С. Р. Карпентер видел, как гиббоны в Таиланде, ревуны и паукообразные обезьяны в Центральной Америке отламывают сучья и кидают их в смотрящего на них

человека. Я ни разу не видел, чтобы гориллы употребляли ветви и листья как метательные снаряды, хотя трава и стебли растений иногда случайно летели и в мою сторону.

Шимпанзе проделывает почти все последовательные действия ритуала, хотя и не с такой неизменной точностью, как горилла. В неволе шимпанзе, придя в возбуждение, ухают, кидают предметы, шлепают руками по полу, стенам и по своему телу, скачут, трясут прутья клетки, топают ногами. Однажды в лесу Марамагамбо в Уганде я испугнул самца шимпанзе. Он помчался вдоль по ветви и спрятался в гнезде. Время от времени, когда он с любопытством выглядывал оттуда, над краем показывалась его макушка. Мы молча смотрели друг на друга, как вдруг он шлепнул рукой по краю гнезда и с проворством, немыслимым для гориллы, слез с дерева.

Самым жутким моментом, который мне довелось пережить в Африке, была встреча с группой возбужденных шимпанзе в лесу Будонго, в Уганде. В начале июля 1960 года я приехал туда на несколько дней вместе с Ричардом Кларком, антропологом из Кембриджа, чтобы понаблюдать за шимпанзе. Дело было на рассвете. Мы пробирались сквозь мокрые заросли туда, откуда несло уханье, лай, болтовня: можно было подумать, что там сборище сумасшедших. Уже рассвело, когда мы добрались до обезьян. Большинство из них еще не покинули мест ночлега и сидели на корточках в своих гнездах на деревьях, на высоте от пятнадцати до девяноста футов над землей. Один подросток вылез из гнезда и поедая мелкие, размером с маслину, плоды мезопсиса. Самка, неторопливо передвигавшаяся по суку, заметила нас, бросилась бежать обратно и прыгнула на двадцать футов вниз, на густую крону молодого дерева, а оттуда на землю. Тогда остальные шимпанзе вылезли из своих

гнезд, ухая, пустились наутек и рассыпались по дальним деревьям и по земле так, что их не было видно. Мы пошли вслед за животными. Их было около тридцати.

Вдруг, словно по какому-то сигналу, уханье прекратилось. Шимпанзе совершенно исчезли из виду; мы стояли в затихшем лесу, разглядывая вершины деревьев и прислушиваясь. Шли минуты. И тут безо всякого предупреждения снова началось уханье. На этот раз оно раздавалось со всех сторон сразу, несло из темного подлеска все ближе и ближе, пока нам не начало казаться, что оно выходит из-под земли. Не видно было ни одного животного. И это в сочетании с пронзительными воплями, которые, казалось, вырывались из горла тысячи рассвирепевших демонов, привело нас в ужас. Это был страх перед неведомым и ощущение беспомощности. Нам оставалось только стоять и ждать, что же будет дальше. Когда вопли достигли апогея, лес содрогнулся от новых звуков — раскатистых, глухих «бум-бум-бум». Потом мы узнали, что шимпанзе колотят по полым досковидным корням железных деревьев, подобно тому как африканцы бьют в барабаны. Постепенно адский шум утих, и обезьяны, совершенно запугав нас этим необычным «представлением», исчезли.

Поведение человека в конфликтных ситуациях удивительно сходно с поведением гориллы. Например, в супружеских ссорах, когда ни та, ни другая сторона не уступает своих позиций и не переходит в решительное наступление, дело может закончиться криками, швыряньем предметов, стуком кулаками по мебели, хлопаньем дверьми-одним словом, всеми способами, помогающими ослабить нервное напряжение. Идеальное место наблюдения над людьми — это спортивные соревнования на стадионах, когда человек возбужден и не следит за своим поведением. Зритель

видит очень волнующие его спортивные события, в которых он сам, однако, не может принять непосредственного участия, но и отказаться от этого зрелища не хочет. Вызванное этим напряжение находит разрядку в пении, хлопанье в ладоши, топанье, вскакивании с места и кидании предметов в воздух. Иногда предводители болельщиков направляют их поведение в какое-то русло: повторяя сходные звуки в нарастающем темпе, они доводят разрядку до бурного и синхронного апогея. Две функции этих действий заключаются, во-первых, в общении, во-вторых, в устрашении противника. Где же разница между гориллой и человеком?

А в чем, действительно, разница между ними?

Кто я — сатир или человек? Скажите мне, если можете, И определите мое место среди других. Человек в обличье обезьяны, Человекообразная обезьяна Или просто — обезьянка, потерявшая хвост?

Когда я начал заниматься гориллами, их человекоподобный облик произвел на меня сильнейшее впечатление. Они казались несколько недоразвитыми людьми, коротконогими, закутанными в меховые шубы. Жесты горилл, да и других человекообразных обезьян, положения, которые принимают их тела, напоминают скорее человека, чем низших обезьян. Просыпаясь по утрам, они потягиваются и зевают, сидят на ветке, свесив ноги и болтая ими в воздухе, отдыхают лежа на спине, заложив руки под голову. Огромное сходство в строении тела между человеком и человекообразными обезьянами неоднократно отмечалось со времен Линнея и Дарвина. Именно поэтому систематики относят их даже к надсемейству человекоподобных (Hominoidea). Гориллы напоминают человека и в своих эмоциональных проявлениях: когда они раздосадованы, то хмурятся, а в момент неуверенности — кусают губы. Если детенышу не позволили что-то сделать, он

устраивает скандал, «закатывается». Отношения между членами одной группы весьма близкие, и они ласковы друг с другом. В брачной жизни они придерживаются полигамии, к чему и человек имеет, явное предрасположение. Сходство в этих и многих других основных чертах не удивительно. И человек, и человекообразные обезьяны произошли от общих предков — примитивных антропоидов. Их потомки разделились на две ветви: от одной произошли человекообразные обезьяны, от другой — человек. Процесс эволюции свидетельствует, что человек стал человеком путем постепенного накопления определенных качеств, но что его физический и умственный облик несет на себе печать его происхождения.

Именно большое сходство между человекообразными обезьянами и человеком послужило причиной того, что ученые и философы многие годы всячески старались найти и подчеркнуть основные важные черты различия между ними, более существенные, чем незначительное анатомическое несходство. Знаменитый французский натуралист Бюффон, превознося умственные способности человека и преуменьшая умственные способности обезьяны, писал в 1791 году:

«Таким образом, обезьяна, которую, как полагают и ученые-философы, и невежды, трудно понять, чья сущность представляется им загадочной, как бы средней между человеком и животным, на самом же деле есть не что иное, как обыкновенный зверь, одаренный внешним сходством с человеком, но лишенный разума и всех способностей и талантов, кои отличают представителей человеческого рода...»

Другие же, как, например, лорд Монбоддо в своей книге «О происхождении и развитии речи», опубликованной в 1774 году, считают обезьян почти равными человеку:

«Все это сводится к тому, что орангутан есть животное, подобное человеку и внешне, и внутренне. Он обладает человеческим разумом в той мере, какая доступна животному существу, живущему без благотворного влияния наук и всяческих удобств; характера он мягкого, кроткого и доброго. Он обладает чувствами, свойственными человеку, как, например, чувством скромности, чести и справедливости, а также способен на любовь и дружбу. Чувства эти порой бывают в нем так сильны, что он не может пережить смерть друга и умирает вслед за ним. Живут орангутаны не в одиночку, а вместе с другими; им знакомы некоторые удобства жизни — они строят хижины и пользуются искусственным оружием для защиты и для нападения, а именно палкой, чего никакое другое животное, являющееся не более чем зверем, делать не умеет... Существуют у них, видимо, и какие-то свои порядки; есть у них и свои обычаи, например погребение умерших».

В более поздние времена человека признавали человеком по какому-нибудь одному признаку, например по способности употреблять и делать орудия, наличию у него языка и культуры.

Способность употреблять орудия отнюдь не является отличительной особенностью человека. Она наблюдается у многих животных, даже у насекомых. Один вид одиночной осы (*Ammorhila urnaria*) держит камушек в жвалах и, как молоточком, утрамбовывает им

землю в норке. Было замечено, что бирманские слоны хоботом поднимают с земли палку и ею чешут себе спину. Однако млекопитающее, которое за исключением человека, наиболее часто пользуется орудием, — это не обезьяна, а морская выдра, или калан (*Enhydra lutris*). Этот крупный представитель семейства куньих был некогда почти истреблен охотниками ради его ценного меха. Но за последние годы он снова размножился на Алеутских островах и на некоторых участках калифорнийского побережья. В январе 1963 года вместе с доктором К. Р. Л. Холлом из Бристольского университета я изучал навыки питания и повадки при употреблении орудий каланами в Пойнт Лобосе, в Калифорнии. Кормясь, каланы обычно плавали вдоль берега, вокруг рифов, ныряя и вновь выплывая. Появляясь на поверхности, они немедленно перекатываются на спину и, держа в лапах морского ежа или краба, начинают есть. Иногда вынырнув, они приносят со дна небольшую черную мидию и камень размером с кулак. Животное переворачивается на спину, кладет камень на грудь и, крепко зажав мидию в своих коротких лапах, с силой ударяет раковиной моллюска о камень. Калан бьет мидией о «наковальню» много раз подряд, поглядывая время от времени, не раскололась ли раковина и не показалось ли мягкое тело моллюска. Один калан вытащил пятьдесят четыре моллюска в течение полутора часов. За это время он стукнул раковинами о камушек 2237 раз. Воистину деятельное употребление орудия! Иногда морская выдра разбивает несколько моллюсков об один и тот же камень.

Однажды, съев несколько моллюсков, животное нырнуло с камнем и вынырнуло с двумя крабами. Съев крабов, калан засунул лапу под мышку, извлек оттуда и положил себе на грудь все тот же камень, которым он пользовался ранее. Тот факт, что «орудие» было им

сохранено, наводит на мысль, что каланы, возможно, обладают рудиментарной способностью понимать связь между отдельными предметами, даже если один из них находится не на виду. В этом отношении способности человекообразных обезьян весьма ограничены.

Вообще каланы, как кажется, обладают врожденным стремлением брать в лапы какой-то предмет и долбить им. Можно предполагать, что привычка к употреблению орудия перенимается молодыми животными, наблюдающими, как питаются их родители.

Поведение дятлового вьюрка (*Cactospiza pallida*), невзрачной птички, живущей на Галапагосских островах, являет самый разительный пример применения орудия. Эта птица напоминает дятла: она тоже взбирается по стволам деревьев и по ветвям в поисках пищи, но, в отличие от дятла, не имеет длинного заостренного клюва, чтобы добираться до насекомых. Вместо этого птица берет колючку кактуса или веточку в клюв, держа ее продольно, и ковыряет ею в трещинах коры, склевывая выползающих оттуда насекомых. Антропологи подчеркивают, что простое употребление орудий относится совершенно к иной категории умственной деятельности, чем изготовление их. При этом обычно делается заключение, что лишь человек и, возможно, человекообразные обезьяны достигли необходимого для этого умственного развития. Зоолог Р. Бауман приводит следующее наблюдение за поведением галапагосского вьюрка: «Одна птица держала колючку длиной около шести дюймов. За кончик клюва колючка выдавалась не больше чем на два дюйма, остальная часть ее шла вдоль головки и шеи. Видимо, птица понимала, что орудие слишком длинно. Она сделала неудачную попытку отломить кусок колючки дюйма на три,

придерживая его ногами». Это явно примитивная попытка сделать орудие.

Неоднократно было замечено, что человекообразные и низшие обезьяны, содержащиеся в неволе, могут подобрать палку и ею пододвинуть к себе пищу, лежащую в отдалении. Зоопсихолог В. Келер наблюдал, как один шимпанзе воткнул тонкую бамбуковую палочку в более толстую, чтобы удлинить ее и достать бананы. Это простейшая форма изготовления орудий. Существует очень мало наблюдений такого рода над приматами, живущими в природных условиях. Я никогда не видел, чтобы гориллы, живущие на воле, употребляли орудия. Такого рода наблюдения достоверны лишь в отношении шимпанзе. В Либерии Битти видел, как живущие на воле дикие шимпанзе раскалывают орехи: «Он взял камень и принялся ударять им по ореху, предварительно положив его на другой, плоский камень». Охотник Мерфильд видел, как несколько шимпанзе собрались у отверстия норки, ведущей к гнезду земляных пчел: «Каждая обезьяна держала длинную ветку, совала ее в пчелиный ход и вынимала покрытую медом. Ход был один, и, хотя в большинстве случаев обезьяны совали в него ветви по очереди, то и дело вспыхивали ссоры, а те, которые слизали свой мед, старались отнять только что обмакнутые веточки». Джейн Гудолл во время изучения шимпанзе в Танганьике видела, как они втыкают веточки в гнезда термитов и поедают прилипших насекомых.

Но как некогда заметил Паскаль, «опасно позволить человеку увидеть, сколь близко он напоминает зверя, если одновременно не указать ему, как он велик». Хотя некоторые животные, подобно человеку, умеют употреблять орудия и даже, в малой степени, их делать, существует настоящая умственная пропасть между способностью взять простую ветку для

непосредственного употребления и обработкой камня, который потребуется для какой-то определенной цели через день или два. Это же самое было подчеркнуто антропологом Оукли, когда он писал: «Возможно, есть градации между двумя крайностями: перцептивным (воспринимающим) мышлением у обезьян и умозрительным — у человека. Но необходимо подчеркнуть разницу между ними, потому что способность человекообразных обезьян иногда создавать орудия производит настолько сильное впечатление, что возникает опасность преуменьшить пропасть между качеством мышления, необходимого для создания таких орудий, и определенным замыслом, который несут в себе даже самые примитивные орудия первобытного человека».

Наиболее интересным археологическим открытием за последние годы было установление связи между определенными каменными орудиями и австралопитековыми обезьянолюдьми Африки (*Australopithecinae*). В Олдовайском ущелье в Танганьике доктор Л. С. Б. Лики и его жена обнаружили череп обезьяночеловека и вместе с ним примитивные, обитые галечные орудия (чопперы), относящиеся к нижнему плейстоцену, то есть сделанные более шестисот тысяч лет назад. Подобные орудия были найдены в Южной Африке в отложениях, где находились также и кости древних обезьянолюдей. В Африке известны два основных типа ископаемых обезьянолюдей: австралопитек, который был примерно четырех футов ростом и весил около пятидесяти фунтов, и парантроп, который был несколько выше австралопитека и весил, вероятно, раза в два больше. Оба ходили на двух ногах, совершенно выпрямившись, по саваннам, где они обитали. Видимо, они употребляли свои примитивные орудия, чтобы убивать попадавшихся им мелких животных и разрезать их на части. В

отложениях Олдовайского ущелья были найдены кости лягушек, крыс, молодых свиней и антилоп. Самое замечательное в этих обезьянолюдях, умевших изготавливать орудия, это то, что их черепа и черепа человекообразных обезьян во многих отношениях сходны и что объем мозга у них только от четырехсот пятидесяти до семисот пятидесяти кубических сантиметров, то есть не больше, чем у гориллы. Разумеется, один лишь объем мозга не может точно свидетельствовать об умственных способностях. И если судить по тому, что эти ископаемые обезьянолюди систематически употребляли орудия, можно смело сказать, что их умственные способности были значительно выше, чем у горилл.

Вероятно, ни один аспект поведения человекообразных обезьян не вызывает такого всеобщего интереса, как способ общения членов группы между собой. Есть ли у обезьян какие-то зачатки языка? Или они кряхтят, ворчат и лают безо всякого смысла и цели? По мере того как я наблюдал горилл в течение сперва недель, а затем месяцев, произошла некоторая перемена в моей оценке человекообразных обезьян. Поначалу на меня произвели сильное впечатление их человеческие повадки, но потом я стал ощущать, что им недостает основного, чего не могут передать даже их выразительные карие глаза, то есть у них нет возможности сообщить друг другу о прошлом, о будущем и о том, что существует в настоящий момент, но не находится непосредственно в поле зрения. Иначе говоря, гориллам не доставало языка в подлинном широком значении этого слова.

Человекообразным обезьянам, видимо, несвойственно упражнять свои голосовые связки просто ради удовольствия; между тем эта черта очень характерна для человека. Детеныш гориллы никогда не лепечет, как это делает ребенок. Гориллы не

подражают звукам и не практикуются в их различных сочетаниях. Голосовой аппарат гориллы и шимпанзе совершенно пригоден для воспроизведения слов. Тут дело не в анатомическом строении гортани, а в строении мозга. Только путем величайших усилий шимпанзе можно обучить произносить шепотом слова, напоминающие «мама», «папа» и «кап» (чашка) (Шаллер полагает, что голосовой аппарат гориллы (и шимпанзе) вполне пригоден для речевой функции и что дело здесь в различиях строения мозга человека и обезьяны. Однако заметные различия есть и в гортани, которая у человека находится глубже. И с великим трудом ученый Фарнесс (Furness) сумел добиться произнесения слов (по-английски) «папа» и «кап» (чашка), но не от шимпанзе, а от молоденькой самки орангутана.). У человекообразных обезьян есть какие-то зачатки абстрактного, умозрительного мышления, однако структура нервных связей у них такова, что мысль быстро гаснет в их мозгу. Таким образом, язык символов, становящийся возможным благодаря способности мыслить абстрактными категориями, присущ только человеку. В 1863 году Томас Х. Гэксли писал в своей книге «Место человека в природе» следующее:

«Наше уважение к благородной породе человеческой не уменьшится от познания, что по строению своему человек тождествен со зверьми; ибо он один одарен дивной способностью осмысленной речи, посредством которой в течение долгих веков своего бытия медленно скопил он и привел в порядок запас опыта, почти совершенно утрачиваемого другими животными со смертью каждой особи; и вот теперь человек стоит на нем, как на вершине горы: далеко высится он над своими смиренными собратьями и грубая природа его уже преобразилась оттого, что ему

удается по временам отразить на себе луч неисчерпаемого источника истины».

Или, как более кратко сказал Г. У. Корнер: «В конце концов, если он обезьяна, то единственная из всех, которая обсуждает, какой именно обезьяной он является».

Все это отнюдь не означает, что гориллы не могут общаться между собой. Доступные им средства связи вполне достаточны для их простого образа жизни. Все же способность одной гориллы передавать информацию другой строго ограничена существующей в данную минуту ситуацией. Они не могут сообщить о чем-то, что случилось вчера. В целом их система сигналов не на много сложнее той, которой пользуются собаки и другие млекопитающие. В пределах группы гориллы координируют поведение, главным образом при помощи движений и поз. Например, вожак, с решительным видом покидающий место отдыха группы, дает знать не только, что он уходит, но и направление, в котором он намерен двигаться. Горилла, желающая, чтобы ее почистили, просто подставляет нужную часть тела другому животному. Каждая горилла все время следит за остальными членами группы и делает то же, что и они. Применение голоса для связи, играющее столь важную роль в нашем обществе, у горилл является чем-то второстепенным. В течение целого дня животные на редкость молчаливы. За все время наблюдений я насчитал у горилл всего двадцать один более или менее характерный звук; из них часто употреблялось только восемь. Обезьяны ворчат и кряхтят, когда им хорошо; издают серию отрывистых похрюкиваний, когда группа разбредается в густых зарослях. Если их что-то раздражает, они хрипло ворчат или лают, а будучи рассерженны, они визжат и режут. Все эти и другие звуки, видимо, служат просто выражением эмоций; они не издаются с целью

сообщить что-то. Это не символы. Но члены группы знают, что те или иные ситуации вызывают определенные звуки, и в результате многие из них играют уже роль сигналов. Например, если самец-вожак вдруг взревет, остальные животные понимают, что поблизости есть какая-то опасность, и собираются вокруг него. Вообще, звуки привлекают внимание к тому, кто их издает, и тогда он может передать дальнейшую информацию позами и жестами.

Хотя число основных звуков, издаваемых гориллами, очень невелико, они существенно разнятся по тональности, силе и порядку, в котором они следуют один за другим. Эти вариации очень расширяют звуковой репертуар горилл. Реакция обезьян зависит не только от самого звука, но и от обстоятельств, при которых он издается, а также от того, кто его издал. Никто в группе не ошибется и не примет низкое, глубокое ворчание самца за ворчание самки. У одной самки была привычка пронзительно визжать всякий раз, когда я приближался к группе. Другие животные совершенно игнорировали ее предупреждения, даже тогда, когда ее не было видно; это указывает на то, что они узнают ее голос. Она явно слишком часто поднимала ложную тревогу. Один и тот же звук может иметь два разных значения, в зависимости от ситуации. Когда самки ссорятся, хриплое, отрывистое ворчание, издаваемое вожаком, заставляет их утихнуть. Однако, если самец издает такое же ворчание без явных на то причин, все на него оглядываются, а потом смотрят туда же, куда и он.

Отличительной чертой человека считается отсутствие у него точных инстинктивных реакций на определенные ситуации; именно отсутствие их позволило ему выйти из-под жесткого биологического контроля, под которым находится большинство животных, и в какой-то мере позволило ему самому

управлять своей судьбой. Антрополог Эшли Монтегю выражает эту мысль следующим образом:

«Развитие умственных способностей все больше и больше освобождало человека от уз биологически predetermined ответных реакций, от ограничивающего действия, производимого ими на его поведение. В процессе эволюции человека выигрывали не те особи, которые наилучшим или наиболее удачным образом инстинктивно реагировали на условия, в какие попали. Лучший шанс преуспеть и оставить после себя потомство был у тех, кто мог реагировать на данное положение разумно. Единственно, в чем мы можем быть по-настоящему уверены, это в высокой приспособительной ценности интеллекта как фактора физической и умственной эволюции человека. В процессе очеловечения значение инстинктивных импульсов постепенно отмирало и человек утратил почти все свои инстинкты. Из немногих оставшихся можно назвать автоматическую реакцию на внезапный шум и на неожиданно исчезнувшую опору; в остальном у человека нет инстинктов».

Думаю, никто не будет оспаривать того положения, что поведение человека во многом обусловлено той культурой, в которой он родился, что в результате образования, общественной наследственности он мыслит, ведет себя и совершает действия, которые в течение многих поколений считались правильными. Однако способность человека учиться у других, учиться на собственном опыте и модифицировать свои поступки таким образом, чтобы они соответствовали набору уже существующих правил, всего лишь маскирует

врожденные качества его поведения. У человека еще сохранилось много инстинктов; причем один из самых примечательных и своеобразных — это способность улыбаться. Ребенок часто начинает улыбаться в месячном возрасте, если щекотать уголок его рта или когда он слышит различные звуки. На втором месяце жизни улыбающееся лицо вызовет у него улыбку.⁴ Реакция ребенка обычно вызывает ответную улыбку матери, что поощряет ребенка вновь улыбнуться. Этот самоподкрепляющийся механизм, очень важен для установления общения, связи между матерью и ребенком. Даже слепорожденные дети улыбаются в ответ на некоторые раздражители. Хотя улыбка как важный элемент общения свойственна только человеку, однако многие другие врожденные типы поведения общи и для человека и для человекообразных обезьян. Например, стремление швырять предметы или бить по ним в момент возбуждения; покорно съеживаться при угрозе; в определенном возрасте испытывать страх перед незнакомыми предметами.

И все же человекообразные обезьяны, как и другие животные, не полностью подвластны своим инстинктам. Ознакомление с новым и привычки играют важную роль в их жизни, в природных условиях значение этого трудно оценить с точностью, так как молодняк незаметно и постепенно обучается тому, что помогает ему приспособиться к своей группе и к окружающим условиям. Умение узнавать съедобные растения, знание путей передвижения группы, правильная реакция на звуки и жесты — все это, как и многое другое, несомненно, составляет часть групповых традиций горилл, основанных на опыте отдельных особей, передаваемом из поколения в поколение и образовавшем примитивную форму культуры (Слово «культура» здесь, как и по отношению к другим, пусть даже самым высокоразвитым животным, звучит

неудачно, тем более что уже вскоре, говоря об австралопитеке, который, по мнению Шаллера, делал каменные орудия, он пишет, что, следовательно, тот уже был существом, обладавшим культурой в человеческом смысле этого слова.). Значение привычек для сообщества животных часто становится очевидным лишь при появлении каких-то новых черточек в поведении. Например, несколько лет тому назад синица лазоревка, европейская птица, родственная американской гаичке, выработала замечательный навык — умение открывать бутылки с молоком, оставленные у дверей, и пить сливки. Этот полезный навык был, видимо, приобретен несколькими синицами в разных местах и очень скоро распространился по всей Западной Европе.

Мозг высших животных все время усложнялся; работал все лучше и лучше, все успешнее осваивал полученную информацию, все яснее воспринимал окружающую действительность. Мозг человекообразных обезьян, видимо, как раз дошел в развитии своих функций до порога интуитивного поведения или чуть выше, но так и не перешел той грани, которая отделяет уровень его деятельности от подлинно человеческого. Чем объяснить, что австралопитек, объем мозга которого соответствует объему мозга гориллы, делал каменные орудия, был существом, обладавшим культурой в человеческом смысле этого слова, а живущая на воле горилла ничем не проявляет, казалось бы, превосходные возможности своего мозга? Я подозреваю, что прекращение дальнейшего развития гориллы находится в прямой связи с тем, что она вполне легко удовлетворяет все свои потребности в лесу. В ее владениях, где царит полное изобилие, нет нужды совершенствовать и развивать различные навыки, например в изготовлении

орудий, либо предаваться умственной деятельности в направлении, характерном для эволюции человека.

У гориллы нет причин для изготовления орудий, ношения их с собой и применения, ведь растительная пища имеется всегда и везде в изобилии и ее не надо готовить, достаточно лишь очистить от кожуры и разорвать на кусочки, а это можно сделать зубами и пальцами. Здесь нет естественного отбора, диктующего необходимость пробовать что-то новое или усовершенствовать уже известное. Нужда в орудиях и в новых добавлениях к обычной диете, например мышах, антилопах и другой мясной пище, может скорее возникнуть там, где условия существования более суровы, где ценится быстрый ум и новые способы удовлетворения потребностей организма. Австралопитек жил как раз в таких условиях; надо полагать, что и человек продолжал эволюционировать по тем же причинам. Но сам образ жизни горилл, при котором они не знают ни в чем нужды и не встречают трудностей, неизбежно заводит их в смысле умственной деятельности в тупик эволюции.

Вулканы

Я решил отправиться на четыре дня на действующие вулканы — горы Ньярагонго и Ньямураджира. Только двенадцать миль отделяют гору Микено, на которой в изобилии водятся гориллы, от горы Ньярагонго, на которой еще никто их не видел. В седловине, разделяющей вершины двух гор, лес тянется сплошной полосой, правда, на одном участке ширина его не превышает мили. Я не мог понять, почему в районе действующих вулканов в наше время горилл не было, хотя в прошлом, безусловно, они проходили здесь, чтобы добраться до тех мест, где вулканы бездействовали. Правильно ли высказанное кое-кем предположение, что горилл изгнали отсюда именно извержения? Почему гориллы не кочуют между горами Микено и Ньярагонго, как это, видимо, делают слоны? Я надеялся во время похода найти ответы на основной вопрос — почему там нет горилл, а кроме научных целей мне просто хотелось взобраться на эти две горы — манили раскаленная лава и клубящиеся испарения, которые, как говорили, можно было видеть на вершине.

5 августа я взял Андреа, двух носильщиков, паркового сторожа и мы двинулись вдоль хорошо протоптанной дорожки прямо к горе Ньямураджира. Эта часть парка открыта для туристов, за дополнительную плату получающих разрешение совершить подъем на горы, однако лишь при условии, что их будет сопровождать парковый сторож. Тропинки тут расчищены, хижины для отдыха отделены одна от другой небольшими переходами.

Солнце пекло немилосердно, под ногами у нас лежали острые обломки лавы. Почти все застывшие

потоки ее, за исключением самых недавних, густо поросли колючим кустарником и ежевикой; дальше под навесом сплетающихся ветвей довольно хилых деревьев мы пошли по ковру травы. Нигде не было видно сочной растительности, столь любимой гориллами. После четырех часов ходьбы сперва по относительно ровной местности, потом по отлогим склонам Ньямураджиры мы добрались до туристского домика. На следующее утро парковый сторож и я продолжили подъем. Мы выбрались из зарослей гиперикума на обнаженные склоны вершины, покрытые жидкими пучками травы и карликового вереска, и подошли к краю кратера. Я сел, спустив ноги вниз. Футах в пятистах подо мной лежало дно кратера. Из трещин в пластах черной лавы, клубясь, вырывались испарения и столбом поднимались в прохладном утреннем воздухе. На расстоянии мили с четвертью виднелась противоположная сторона этой гигантской чаши.

Мы пошли по ее краю к югу, туда, где стена внезапно кончалась и можно было легко выйти на самое дно кратера. Мы осторожно прошли по лаве, обходя те места, под которыми, если постучать по ним, чувствовалась пустота. Скалы были изуродованы, словно их измяли руки обезумевшего великана. Серные испарения отравляли воздух, белый дым пробивался сквозь пепел и трещины в лаве. Тут и там виднелись темные отверстия, из которых выбивался пар, будто вздыхало само чрево земли. Если верить легенде, то под нами было жилище духов. По ночам им делалось холодно и они раздували огонь. Вокруг все было безмолвно и мертво так, как было в начале начал, когда Земля была молодой и жизнь на ней еще не зародилась. И вдруг на холмике лавы я увидел желтые цветы. Яркие, нежные венчики, полные жизни и красоты,

растущие в этом мрачном запустении, остались для меня самым прекрасным воспоминанием о кратере.

Прежде чем свернуть к горе Ньярагонго, мы прошли часть дороги по своему вчерашнему пути и заночевали в туристской хижине у подножия горы. Слоны выпили всю воду из бочек, но мы отжали листья, которые накопились в бочонке, и добыли достаточно воды, чтобы сварить рис. Подъем на Ньярагонго был крутым. Тропинка вела нас сквозь довольно зеленые и сочные заросли. В одном месте нам пришлось пройти по краю старого кратера, густо заросшего хагениями. На склонах этой горы гориллы могли найти себе обильную пищу, но, чтобы попасть туда, им пришлось бы пересечь жидкие, низкорослые леса и участки голой обнаженной лавы, окружающие основание горы.

В Баруте, на высоте около десяти тысяч футов, стоят два металлических «рондавеля» — домики для привалов. Почти дойдя до них, мы увидели шесть слонов, роющих землю у пробивающегося родника. Почти час мы смотрели, как они пили воду, которая была нужна нам самим для ужина. Наконец я закричал и они ушли. В одной из хижин были кровати и одеяла, предназначавшиеся для туристов; в хижине для африканцев ничего не было. Я сказал африканцам, чтобы они располагались там, где кровати; сам я все равно собирался провести ночь один на самой вершине.

Тропа привела меня к рощице древовидного вереска, а дальше пошла петлять сквозь лабиринт, образованный глыбами лавы, беспорядочно усеивающими весь склон. Я ускорил шаги, стремясь вперед, горя нетерпением узнать, что ждет меня там. И вот я уже стою на краю кратера и смотрю на огромный провал в земле, на белые пары, вздымающиеся вверх в виде гигантского гриба. Со всех сторон неслись звуки, напоминающие ворчание чудовищной собаки. Мой разум был не в состоянии воспринимать отдельные

впечатления. Спустив рюкзак с плеч, я сел на камень и устался в глубину провала.

У моих ног темные стены падали отвесно на четыреста футов, до широкого выступа, потом опять шла отвесная стена, под ней снова выступ и так еще и еще как бы гигантские ступени. Примерно в тысяче двухстах футах подо мной кипело и булькало озеро лавы, временами его затягивало клубами пара, вырывающегося из двух отверстий в стенах над самым озером. Его темная поверхность то вспухала, то опадала, словно какое-то плененное существо ворочалось в волчьей яме — западне диаметром в три четверти мили. На черной поверхности озера временами открывались красные трещины, зияющие, словно раны, и фонтанчики расплавленной лавы взлетали в воздух.

Вид на вулканы Вирунга. У горы Сабинио зубчатая, неровная вершина. Вершина горы Мухавура окутана облаком. У горы Високе вершина плоская. На переднем плане небольшие

вересковые деревья и хелихризум с белыми цветами

Теперь я побывал на вершинах всех восьми вулканов Вирунга. Насколько мне было известно, я был вторым человеком, который это проделал. Эрл Денман, известный главным образом тем, что пытался в одиночку взойти на Джомолунгму (Эверест), был первым, кто побывал на всех этих вершинах в 1946 году.

Когда спустились сумерки, я забрался в свой спальный мешок, постелив его на ровном местечке у края кратера, поужинал сардинами и галетами, а потом, утомленный восхождением на гору, задремал. Проснулся уже после наступления темноты. Неяркое красное зарево заливало небо; я подполз на четвереньках к самому краю обрыва. Лежа там, я смотрел на зрелище столь прекрасное, что хотелось кричать от переполнявших меня чувств, а по спине бегали мурашки. Глубоко внизу озеро лавы светилось ярким, красно-оранжевым цветом. Сияние, поднимаясь и растекаясь по стенам, постепенно становилось нежно-пурпурным. Я был здесь пришельцем, который под покровом темноты украдкой заглядывает в огненный водоворот, в самую сердцевину Земли, лежащей перед ним обнаженной, раскрывшую все свое тайное тайных.

Ночь была холодной. Дрожа от стужи, я залез обратно в свой мешок и лежал, глядя на небосвод. Потом поднялся ледяной ветер. Он пронизывал до костей, жалобно завывал между камней и в расщелинах. Взошла полная луна и залила голые откосы серебристым светом. Она катилась по небу все ближе и ближе, и все отчетливее стали вырисовываться темные пучины. На другой стороне долины поднималась к звездам гора Микено, черная и неподвижная. Я был здесь один перед лицом

Вселенной. Никогда я еще не чувствовал так остро собственную ничтожность. С одной стороны, меня заливало яростное красное зарево, свидетельствуя, что земля совсем не такое надежное и непоколебимое место, а с другой — из безграничных просторов космоса лила на меня свой свет луна.

10 сентября доктор Жак Вершурен и я в сопровождении Андреа, паркового сторожа Бон Анне и носильщиков вышли из Кибумбы в Кабару. И вот опять знакомые места — лес с его тропами и луг. Мы поселились в хижине. Последующие два дня я искал и наконец нашел моих горилл на крутом склоне и в зарослях крапивы. Эскимос был все еще в группе V, а несравненный Младший в группе IV. Животные были так же дружелюбны, как и прежде, и я был уверен, что они меня помнят. Психолог Йеркс убедился в том, что одна из живущих в неволе горилл узнала его по прошествии года.

Как хорошо было мне сидеть неподалеку от горилл, прислонясь к стволу дерева. В лесу и на горах царила тишина. Обезьяны обращались друг с другом спокойно, с достоинством, а по отношению ко мне проявляли терпимость.

Мы прожили в Кабаре с 11 по 17 сентября, и я блаженствовал всю эту неделю, хотя погода была по обыкновению дождливая и низкие, влажные облака наплзали на наш луг. Каждый день мы бродили по склонам Микено, Бишитси и Рукуми, прощаясь с местами, которые я так полюбил. Каждый день мы наблюдали горилл, фотографировали их, записывали на пленку их голоса.

По вечерам, сидя у печки, Жак рассказывал мне о своей работе в Парке Альберта в последние годы. Особенно интересным мне показался его рассказ о «мазуку». Примерно в десяти разных местах парка, обычно на краю застывшего потока лавы, из-под земли

выходят ядовитые, смертельно опасные газы. Мазуку, как их называют африканцы, довольно мелкие, заросшие травой и осокой углубления в земле, окруженные деревьями и кустарником. На вид это совершенно безопасные места. Там выделяется углекислый газ такой большой концентрации (выше 40 %), что любое надышавшееся им животное пьянеет, отравляется и гибнет от кислородного голодания — аноксии. Привлеченные сочной растительностью мазуку, туда подходят слоны, бегемоты, павианы, буйволы, лесные свиньи и неизбежно погибают. За ними идут гиены и другие пожиратели падали, но и они гибнут, не успев наесться. Если верить рассказам местных жителей, около пятидесяти лет тому назад человек десять из племени варега проходили мимо мазуку. Их внимание привлек мертвый слон; они устроили пиршество, но отравленные газом погибли, увеличив число скелетов на этом устроенном самой природой кладбище.

Оставшиеся дни мы провели с гориллами из группы VII, наиболее мне знакомой. Я запомнил последний визит к ним: мы стояли на пригорке и смотрели на животных, которые разбрелись по противоположному откосу и неторопливо кормились. Я понимал, что как только я скроюсь из поля зрения, то навсегда исчезну из их сознания. Они будут, как всегда, кормиться, отдыхать и спать, жить только настоящим, без прошлого и будущего. И еще я понимал, что месяцы, проведенные с ними в горах, навсегда останутся счастливейшим временем и лучшим воспоминанием в моей жизни, что в последующие годы в моем сознании будут не раз возникать в самые неожиданные минуты образы великолепных самцов и толстеньких самок. Мне было грустно, что я не имел возможности на прощание сказать этим добродушным зверям, как я их люблю и уважаю. Хотелось поблагодарить их за все то, чему они

меня научили, дав мне возможность познать их, жизнь леса и, наконец, самого себя. Я мог только пожелать им удачи и привольной жизни среди гор, ненарушаемой жадным человеком и его стадами. Когда я уходил, они, как и год тому назад, спокойно сидели мирные, довольные, провожая нас глазами, пока мы не скрылись за гребнем холма.

24 сентября я выехал из Румангабо. Мы проехали через Кисоро и там попрощались с Вальтером. Потом извилистая дорога пошла все выше и выше, до самой вершины крутого отрога. Там я остановился и, в последний раз взглянув на горы, перевалил через гребень и продолжал свой путь.

Эпилог

И вот я снова взбираюсь на гору по своему старому маршруту, вдоль по краю каньона Каньямагуфа в сторону Кабары. В сентябре 1960 года, когда я спускался по этой горной тропе, у меня было чувство, что я никогда больше сюда не вернусь, что этот этап жизни миновал навсегда. Но оказалось, что неприступные горы и молчаливые леса держали меня в своей власти и желание вернуться обратно никогда не угасало. Итак, когда одному американскому журналу понадобились хорошие цветные фотографии горилл, я охотно вызвался сопровождать фотографа редакции в Кабару. 11 августа 1963 года, три года спустя после отъезда из района вулканов Вирунга, Терри Спенсер и я шли за вереницей носильщиков сквозь бамбуковые заросли, поднимаясь все выше, в рощу хагений.

Временами я вглядывался вперед с чувством неуверенности и даже тревоги, боясь, что лес, в котором мы с Кей провели целый год идиллической жизни, в чем-то переменялся или, может быть, его опустошили стада, которые тогда проникали в заповедники. К моей великой радости, я не увидел ни скота, ни каких-либо признаков его недавнего здесь пребывания. Лес мирно раскинулся по склонам горы. Поляна в Кабаре изменилась очень мало. Памятник на могиле Карла Экли покосился и расшатался, видимо, под тяжестью ног проходивших тут слонов. Домик все еще стоял, по-прежнему уродливый, построенный с полным безразличием к окружающим его красотам. В результате пожара выгорели стены одной из комнат и сарая, но в двух комнатах можно было жить, в них-то мы и расположились. Единственно, что уцелело из обстановки, это наша старая железная печка и один

стол. Позднее, когда я смотрел, как наш слуга Андреа моет посуду, как валит дым изо всех щелей в печке, и слушал, как барабанит по крыше дождь, мне казалось, что ничего не переменялось.

Наутро мы отправились в лес, лежащий между Кабарой и Бишитси, в поисках свежих следов горилл. В течение первого же часа мы нашли несколько гнезд, оставленных после вчерашней ночевки. «Какая группа тут ночевала?» — раздумывал я, пока Спенсер подготавливал свои камеры. Сумею ли я узнать животных по прошествии трех лет? Узнают ли они меня? Гориллы уже расположились на свой утренний отдых, когда мы осторожно приблизились к ним и установили треножник и камеру в каких-нибудь ста футах от них. Более четырех часов гориллы находились в непосредственной близости от нас. Их поведение было любопытной смесью осторожности со смелостью и с притворным отсутствием интереса к нам. Взрослые гориллы почти не показывались; они держались в густых зарослях, изредка выглядывая из-за древесных стволов. После полудня обезьяны ушли. Сперва они передвигались медленно, ели на ходу, затем устремились на крутые склоны горы Микено и поднялись на высоту одиннадцати тысяч футов. Там мы и нашли их на следующее утро. На этот раз наше появление обратило горилл в бегство, и стало ясно, что дальнейшее преследование будет бесполезным. Группа состояла из одного самца с серебристой спиной, двух самцов с черными спинами, семи самок, трех подростков и не менее трех малышей. Хотя большого самца и двух самок я видел мельком, но был почти уверен, что это моя бывшая группа II.

На следующий день, несколько минут спустя после того как мы вышли из Кабары, я заметил гориллу, сидящую в гнезде у подножия горы Микено. Было начало восьмого часа, и все остальные члены группы

еще спали. Одна самка почувствовала мое присутствие; она села в своем гнезде и стала тревожно оглядываться по сторонам. Метнув на меня быстрый, внимательный взгляд, она взбежала футов на сто вверх по откосу. Этим она разбудила остальных животных, и они потянулись вслед за ней. Самец с серебристой спиной остановился на минуту и, обернувшись, поглядел на меня. Я сразу его узнал — это был вожак группы VIII. Я оставил животных в покое и вернулся к ним вместе со Спенсером только в конце утра. Футах в девяноста от нас, на покосившемся стволе дерева мирно сидели три самки. Я вгляделся в их лица и обрадовался, узнав одну из них, старую приятельницу. Это была круглолицая самка, с плутовским выражением лица и гордой осанкой. В настоящий момент, как и в период с ноября 1959 года по май 1960, у нее не было детеныша. На этой самке сильно отразились минувшие три года — она стала старухой, ссутулилась, голова и плечи совсем поседели. Но по-прежнему она была любопытной и смелой. Сидя на корточках, она внимательно меня разглядывала. Может быть, где-то, в закоулках ее сознания, мелькнуло воспоминание? Другая старая знакомая была миссис В., у которой в сентябре 1959 года родился малыш. Сейчас он, надо думать, был уже подростком. Примерно за месяц до нашего приезда, в июле 1963 года, миссис В. опять произвела на свет потомство. Я не досчитывался многих старых знакомцев. Исчезли Кривомордая Олив и подросток с рваным носом. В группе произошли какие-то крупные события — в ней осталось только десять животных, а когда я видел ее в последний раз, их было двадцать одно (см. таблицу II). Может быть, возмужавший самец с черной спиной увел с собой нескольких самок и основал собственную группу? А может быть, несколько членов группы перешли в «другое подданство», под власть другого самца, когда две группы встретились в лесу?

Группа	Дата	Самцов с серебристыми спинами	Самцов с черными спинами	Самок	Подростков	Маленьких детенышей	Всего
VII	16 сентября 1960 г.	1	2	7	4	7	21
VII	19 августа 1963 г.	1	1	8	3	4	17
VIII	24 мая 1960 г.	1	2	8	3	7	21
VIII	14 августа 1963 г.	1	0	5	2	2	10

Состав одних и тех же групп горилл в 1960 и 1963 гг.

Последующие четыре дня не принесли нам ничего, кроме разочарования. Облака низко нависали над горами, проливные дожди насквозь промочили лес. Группа VIII перебралась на склоны горы Микено, избрав при этом самую крутую и труднопроходимую дорогу. Наши попытки сделать снимки неизбежно кончались неудачей: то всю местность заволакивало туманом, то животные уходили в самую глубь каньона, где было слишком темно для фотографирования. Промучившись таким образом два дня, мы отказались от этой группы и решили попытать счастья с другой, которую я обнаружил в том месте, где раньше бродила группа IV. Но и эта группа, едва завидев нас, двинулась вверх, в гору, и прошла без остановки из бамбуковых зарослей в зону гигантских сенецио. Я долго пробирался вслед за гориллами сквозь туман и дождь и догнал их только один раз; они продолжали поспешно уходить по глубоким оврагам и скользким откосам. Пришлось прекратить преследование, хотя я так ничего и не узнал толком об этой группе, кроме того, что она была большой; в нее входило по меньшей мере двадцать животных. Даже наши друзья-вороны перестали прилетать в Кабару. Однажды под вечер над нашими

головами пролетели две птицы, и я подумал: уж не эта ли самая парочка кормилась когда-то у нашего порога?

Парковый сторож и я снова отправились на поиски горилл в лес, около Бишитси, и за три часа нашли свежие следы четвертой группы. К тому времени как сторож привел сюда Спенсера, а я разобрался наконец в петляющих следах обезьян, солнце спряталось за тучи и дело уже близилось к вечеру. Все же мы вернулись домой, полные уверенности в том, что завтрашний день принесет нам удачу. Утро 19 августа выдалось солнечное и яркое; в Кабаре такие прекрасные дни были редкостью. Спенсеру наконец удалось сделать нужные ему снимки толстеньких самок со своими малышами и других членов группы, собравшихся вокруг огромного самца. Что до меня, то я был счастлив снова наблюдать за группой VII. Верхолаз, самец с серебристой спиной, был по-прежнему вожаком. Голова, шея и плечи стали у него совсем седыми, и мне показалось, что в нем уже нет былой силы и энергии. Не менее разительная перемена произошла и с Короткошерстым, которого я помнил как довольно низкорослого самца с черной спиной. За три года он развился и возмужал. Он невероятно вырос и раздался. Тело его окрепло, голос стал низким, спина — серебристой. Но он по-прежнему часто и раздраженно ревел — очевидно, характер его остался таким же. Миссис Нат тоже постарела, хотя на лице ее сохранилось все то же строгое и властное выражение. Я очень удивился, увидев у нее на руках крупного примерно полугодовалого детеныша. Когда я уезжал в сентябре 1960 года, у нее был годовалый детеныш. Значит, она либо забеременела, когда первому малышу еще не исполнилось двух лет, что мало вероятно, либо он, погиб, и тогда она вскоре зачала второго. В течение последующих двух дней мы снимали разных членов этой группы, после чего

оставили животных в покое: они и так уже пытались уйти от нас и скрыться среди скал горы Микено.

Все четыре виденные нами группы горилл вели себя одинаково: при встрече с нами они немедленно обращались в бегство, уходили примерно на милю или больше и в конце концов ускользали от нас на недоступные откосы горы Микено. Хотя животные оставались по-прежнему дружелюбными, любопытными и терпеливыми, они явно старались уйти как можно дальше от того места, где их застигли. Это было совершенно новой чертой в их поведении; прежде ни одна группа так себя не вела. Я подозреваю, что такая осторожность была вызвана частыми и неприятными столкновениями горилл с браконьерами.

22 августа пришли носильщики, чтобы нести наше оборудование. Мы уехали из Кабары вполне довольные нашим коротким в ней пребыванием. Спенсер сделал уникальные цветные снимки горилл. Я же наблюдал горилл каждый из десяти дней, проведенных нами в Кабаре, опознал две уже известные мне группы и повстречался с шестью старыми знакомцами. Интересно было отметить, что каждая из этих групп и теперь держалась тех же мест, что и три года тому назад. А самое главное, я с радостью и облегчением могу сказать, что парковая администрация сумела уберечь район Кабары от земледельцев и скотоводов и что горилл было не меньше, чем прежде. Даже тот факт, что животные стали более пугливыми, предвещал только благо с точки зрения их дальнейшего существования. Лишь умение приспособиться к меняющимся условиям поможет им выжить, несмотря на непрекращающееся наступление человека на их горную родину.

Примечания

1

0,305 м). — Прим. перев.

2

Ярд — 91,5 см. — Прим. перев.

Теперь называется Национальный Парк Киву. —
Прим. перев.

Английская миля — 1609 м. — Прим. перев.

Стэнливилль теперь называется Кисангани. — Прим.
перев.

«Журнал американского фольклора», 1950.